

ЭТ[Е]19

№ 50

Г. А. МЕНОВЩИКОВ

НА ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛЕ

~~бесправие~~
~~Банкар~~

* ПЕРВОПРОХОДЦЫ *

Магаданское
книжное
издательство

1977

Г. А. МЕНОВЩИКОВ

НА ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из записок учителя

•
Путевые заметки

СОДЕРЖАНИЕ

В эскимосской школе	5
Здравствуй, Чукотка!	88

Меновщиков Г. А.

M50 На Чукотской земле: Из записок учителя — Путевые заметки. Магадан, Кн. изд-во, 1977.

128 с. 2 л. ил. (Первопроходцы. Вып. 6).

Автор книг по истории и этнографии эскимосов, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Института АН СССР Г. А. Меновщикова в начале 30-х годов работал учителем в эскимосской школе. Воспоминаниями о том далеком времени и впечатлениями о встречах со старыми друзьями на земле Чукотки в 70-е годы делится он на страницах книги.

0284—031
M — 149(03) — 77 34—77

91(C19)

Георгий Алексеевич Меновщикова

НА ЧУКОТСКОЙ ЗЕМЛЕ

Редактор Л. Н. Ягунова
Художник С. П. Штраус. Художественный редактор Б. Д. Зевин
Технические редакторы Д. Д. Власенко, В. В. Плоская
Корректор Г. А. Козеева

Сдано в набор 1/VIII 1977 г. Подписано к печати 18/XI 1977 г. АХ—01571. Формат 70×108/32. Бум. тип. № 1 и мел. Объем 4 физ. п. л. + 1 физ. п. л. вкладки, 5,6 усл. п. л. + 1,4 усл. п. л. вкладки, 7,36 уч.-изд. л. Тираж 10 000. Заказ 4653. Цена 35 коп. Магаданская книжная издаательство, 685000, г. Магадан, ул. Пролетарская, 15. Областная типография Управления издаельства, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, г. Магадан, пл. Горького, 9.

(C) Магаданская книжная издаательство, 1977.

В ЭСКИМОССКОЙ ШКОЛЕ

Из записок учителя

Очерк о работе среди эскимосов написан через два года после моего первого возвращения с Чукотки, в 1936 году, когда я был двадцатичетырехлетним студентом второго курса факультета языка и литературы Государственного педагогического института имени А. И. Герцена в Ленинграде. Очерк этот я написал по просьбе Научно-исследовательского педагогического института национальностей Наркомпроса РСФСР во время студенческих каникул, которые проводил в маленьком городке Чембаре (ныне Белинск). Очерк был принят к печати, но в связи с изменениями в личном составе института это издание, как и многие другие, тогда не состоялось. Рукопись сдали в архив института, и о ней все забыли. Другие экземпляры рукописи затерялись во время Великой Отечественной войны.

В 1946 году по моей просьбе писатель Т. Семушкин разыскал рукопись и с согласия дирекции архива прислал ее мне. Она пролежала у меня дома на полке еще 20 лет (а всего 31!). Машинописный текст сохранившегося экземпляра от времени выцвел и стал малоразборчив. Я решил перепечатать его, исправив лишь в редких случаях стиль и скратив некоторые разделы. Основное содержание осталось в том виде, в каком было тридцать лет назад. Совершенно очевидно, что мои взгляды на многие вопросы за этот огромный промежуток времени изменились.

После окончания института я снова работал на Чукотке — с 1939 по 1941 год. После войны ездил сюда несколько раз в длительные научные экспедиции (1948, 1954—1955, 1960—1961, 1965, 1970, 1971 годы).

Эскимосские дети многие годы учились по составленным мною учебникам и программам. За прошедшие тридцать лет я прошел путь от сельского учителя эскимосской начальной школы до доктора филологических наук. И если бы мне сейчас пришлось писать воспоминания о моей работе с эскимосами, то это представило бы большие трудности. Время и события четырех десятилетий многое изгладили из памяти. Мой старый очерк, написанный в дни молодости неопытной рукой студента, теперь представляет собой уже своеобразный документ о культурном строительстве в одном из уголков Чукотки в первые годы Советской власти. В этом очерке много типических черт культурного строительства на Севере в те далекие годы, когда наша страна была еще бедной, многое недоставало и работникам отдаленных районов приходилось проявлять инициативу, быть изобретательными, испытывать часто всевозможные лишения, чтобы всяческий способствовать развитию ростков новой жизни.

Жизнь местного населения Чукотки менялась на моих глазах. Я видел, как яранги заменялись благоустроенными домами, как лампочки Ильича засветились в новых жилищах и навсегда вытеснили жировые коптилки, как дома культуры, клубы, библиотеки, радио, кино, бани, больницы входили в быт местного населения, которое обо всем этом в начале тридцатых годов могло лишь мечтать.

Дети моих первых учеников учатся в средних и высших учебных заведениях, сами учат детей, лечат больных, водят корабли, на научно-технической основе развивают хозяйство своего края. И именно поэтому интересно теперь взглянуть на прошлое, когда все старое и отжившее сопротивлялось, а новое постепенно прокладывало себе путь.

Надеюсь, что несовершенные в литературном отношении, но насыщенные конкретными фактами записки молодого учителя эскимосской школы тридцатых годов привлекут внимание читателя и расскажут ему о далеком прошлом советской Чукотки на примере одного эскимосского поселка.

В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ

Инспектор Дальнрайонпо по национальным школам товарищ Минц давал нам последние наставления в Хабаровске 23 июня 1932 года.

— На Чукотском полуострове,— говорил Минц,— живут чукчи, кочующие и береговые, а также эскимосы — береговой народ, занимающийся морским промыслом. В районах Камчатки живут коряки, ительмены, ламуты, камчадалы. Вам придется работать среди чукчей, эскимосов и коряков, может быть, даже в условиях кочевья, поэтому кто боится, скажите здесь. Больших сведений об этом районе я дать не могу. Подробно обо всем узнаете на месте.

Я решил поехать на Чукотский полуостров, на побережье которого обитают азиатские эскимосы. Жизнь эскимосов давно интересовала меня, и если мои однокурсники долго выбирали себе районы, то мой выбор был заранее предрешен. Из девяти выпускников нашей группы в Чукотский округ записалось всего четыре — Оля Максимова, Иван Чернышук, Зоя Уракова и я. Остальные ехали на Камчатку. Мы сообщили Минцу о выборе районов работы.

— Хорошо,— сказал Минц,— завтра получите путевки и выедете во Владивосток, а оттуда на пароходе продолжите путь на север.

Мы поняли, что «курс изучения Севера» окончен и нас, теперь уже «специалистов-педагогов» национальных школ, о которых у нас было смутное представление, ждет путешествие туда, где мы обязаны приступить к исполнению учительского долга. О народах, населяющих край, мы знали только то, что они зимой и летом ходят в мехах и едят сырое мясо.

...Восьмого июля, когда судовые склянки пробили десять часов вечера, мы на зафрахтованном Владивостокским портом китайском пароходе «Юанта» вышли из гавани Золотой Рог в открытое море. Большая земля осталась за кормой: мы начали путь на далекую «чукотскую землицу».

Наш корабль шел на Камчатку и Чукотку через японский порт Хакодате, где на борт должны были погрузиться японские рабочие — специалисты, завербованные Главрыбой для советских рыболовок в Анадырском лимане.

Японское море встретило «Юанту» неприветливо. Шторм доходил до девяти—десяти баллов, и огромный корабль кидало с волнами на волну как былинку. От Владивостока до Хакодате шли три дня, и пассажирам, в большинстве своем впервые увидевшим море, пришлось испытать неприятные ощущения морской болезни.

Двенадцатого июля «Юанта» бросила якорь в порту Хакодате. Мы стояли в одном из многочисленных проливов Страны восходящего солнца. По обеим сторонам пролива раскинулся большой город. На берег нас не пустили. Пассажиров было более восьмисот человек, а японская полиция как огня, должно быть, боялась «большевистской заразы».

Днем мы проходили «карантин». На борту «Юанты» появились японские офицеры морской полиции, одетые в белоснежные кители, в белых перчатках и в неизменных роговых очках. Из трюмов и кают всех пассажиров согнали в кормовую часть корабля, а оттуда по одному пропускали в носовую часть мимо машинного отделения. Карантин заключался в том, что полицейские нас пересчитали и тщательно осмотрели содержимое всех помещений корабля.

Японцы, по договору едущие работать на наши советские рыбаки, были одеты в хорошие морские комбинезоны, имели сытый, довольный вид. Среди них, конечно, не было настоящих пролетариев: японские власти старались послать в Советский Союз привилегированную и зажиточную верхушку мастеров рыбного дела.

У бортов «Юанты» сновало множество моторных джонок с «марьями ивановнами», предлагавшими пассажирам свои товары. Такое прозвище японские женщины-торговки получили от русских моряков еще в дореволюционное время, когда порт Хакодате бурно развивался как торговый

центр, куда купеческие суда из Владивостока и Николаевска, с берегов Колымы, Камчатки и Чукотки свозили пушнину, лесоматериалы, рыбу и другие богатства Дальневосточного края.

Теперь в порту стояло большое количество военных кораблей японского надводного и подводного флота, теряющихся в тумане пролива. Массивные черные дредноуты пускали из труб густой коричневый дым, с бортов зловеще смотрели на нас жерла огромных пушек.

Из Хакодате «Юанта» вышла в Тихий океан, который встретил нас совсем не тихо. Семь дней не переставая лил дождь, хлестал ветер, свирепствовал шторм, семь дней мы валялись на палубе, изнуряемые морской болезнью.

На палубе «Юанты» было много коров: их везли в Анадырь. Рогатых «пассажиров» захлестывало бортовой волной, бросало по палубе, они жалобно мычали. Околевших коров выбрасывали за борт — море получало свою жертву. За «Юантой» следовали огромные акулы и стадо дельфинов, поминутно показывающих свои лоснящиеся спины.

В последние дни пути установился штиль, светило солнце, и только теперь можно было ощутить всю прелест моря, его просторы, его заманчивую даль. Но путешествие приближалось к концу. Двадцать пятого июля мы сошли на берег Анадырского залива, в поселке Анадырь — центре Чукотского национального округа.

В Анадыре молодые учителя, вчерашние студенты педагогического техникума, получили назначение в школы округа. Меня направляли в Чукотский район учителем эскимосской школы.

Впервые мы встретились с чукчами, приехавшими в лиман для ловли и сушки рыбы, в Анадыре. Это были оленные чукчи. В летние месяцы вместе с семьями и стадами подкочевывают они к побережью, поближе к морскому ветру, спасаясь от комаров и жары. Их брезентовые палатки стояли тут же, на окраине поселка, на берегу залива. Вокруг были растянуты мокрые сети, и на деревянных приспособлениях

вешалах сушилась жирная юкола. Несмотря на конец июля, когда на Чукотке стоит самая теплая погода, чукчи были одеты в кухлянки из пыжика и в брюки из нерпичьих и оленьих шкур. Старожилы-камчадалы рассказали нам, что эти чукчи имеют такие малочисленные оленьи стада, что дополнительно к продуктам оленеводства вынуждены на зиму делать запасы сущеной рыбы для собак и для себя.

Женщины были в меховых комбинезонах из оленьих шкур с отделкой из росомашьей шерсти. На меховых одеждах чукотских детей висели многочисленные украшения из бус, ярких тряпок, из серебряных монет и бубенцов.

Богатые оленеводы не выезжали ловить и сушить рыбу на побережье: они предпочитали жить за счет своих многочисленных оленьих стад.

От Анадыря до Уэлена я ехал снова на «Юанте», которая везла пассажиров и грузы для северных факторий и кооперативов. В районе бухты Лаврентия «Юанта» попала в поле сплошного льда, и продвижение вперед было приостановлено. Нас окружали огромные айсберги, стоял густой туман. Берегов не было видно в течение трех суток. Капитан и его помощники на «Юанте» были норвежцы. Капитан сильно беспокоился за ветхие борта «Юанты»: их могла раздавить любая большая льдина.

Утро тринадцатого августа подарило нам отличную погоду. Были видны Яндагайские горы, льдины значительно поредели, и мы начали продвигаться к Уэлену. «Юанта» осторожно и тихо лавировала между ледяными громадами. Море было совершенно спокойно, полярное солнце косыми лучами сушило палубу и грело нас.

В этот прозрачный день мы встретили огромные стада моржей. Они безмятежно грелись на солнце. Серые морские великаны неподвижно лежали на льдинах, и только возвышалась клыкастая голова «караульного». Из воды то и дело высовывали свои любопытные морды нерпы. Вокруг корабля с криком и шумом носились стаи пернатых обитателей Арктики. Море жило своей жизнью.

По радио поступила метеосводка: в Уэлене льды, и «Юанта» должна оставить грузы и пассажиров на мысе Дежнева.

К вечеру «Юанта» подошла к чукотскому поселку на мысе Дежнева. Пассажиры, едущие в Уэлен, сошли на берег. От мыса Дежнева до Уэлена нам предстояло ехать на собаках по вязкой тундре восемнадцать километров. Мы ночевали в красном уголке. Полярники тепло принимали нас.

Утром мы приобрели у приморских чукчей местную обувь — торбаса, так как дорога в Уэлен шла через сырую тундру и обычные ботинки для такого пути не годились. Часов в десять на присланных за нами из Уэлена собачьих упряжках мы начали свой путь.

В каждую нарту было запряжено по двенадцать—четырнадцать собак. Ташить нарты с грузом по голой тундре собакам очень тяжело, поэтому пассажири приходится идти, по колено проваливаясь в мокрый мох и вязкий грунт тундры. На нартах лежали только наши тощие студенческие чемоданы.

Четырнадцатого августа нас дружески встретили работники Чукотского РИКа и находящиеся в Уэлене учителя ближайших школ.

В Уэлене я получил назначение на должность заведующего эскимосской школой в селе Сиреники, откуда уезжала на материк учительница Е. С. Рубцова. В РИКе мне никто толком не мог рассказать о положении дел в Сиреникской школе, о самом селе, где предстояло работать. Некоторые работники РИКа были там проездом, а другие и совсем не бывали. Мне пришла в голову счастливая мысль, что, может быть, моя предшественница Рубцова оставила отчет о работе школы и он хранится в архивах рено. Отчет о работе действительно был составлен, и я тут же начал его изучать, выписывая все нужное в свой блокнот. В отчете я нашел сведения о том, что к концу прошедшего учебного года в Сиреникской школе совершенно не осталось пись-

менных принадлежностей, нет строительных материалов для ремонта, нет угля и дров. В отчете указывалось также, что в поселке нет квартиры для учителя и если достать штук тридцать толстых плах, то к дощатому школьному домику можно пристроить комнату.

Эти сообщения старой учительницы оказались для меня весьма полезными. Теперь я знал, с чего нужно начинать, и обратился к председателю райисполкома.

— Товарищ Подкорытов, — говорил я, — вы читали отчет Рубцовой? В Сиреникской школе очень многое недостает.

При этом я перечислил председателю все наиболее важные для меня пункты из отчета, которые надо было обсудить здесь, в исполнкоме, до отъезда в Сиреники. Подкорытов прищурил свои добрые, всегда улыбающиеся глаза и, сделав строгий вид, сказал:

— Это мы все слышали от учителей на конференции. Так дело обстоит не только в Сиреникской школе, но и в других школах района, где нет не то что квартиры для учителя, но и помещений для школы, где учителям приходится жить в ярангах вместе с семьями местного населения и там же учить детей. Тебе придется приспособиться к местным условиям, привыкнуть и жить в яранге так, как жила Рубцова три года. Остальное — тетради, карандаши дадим, поделимся тем, что есть у нас. Что же касается стройматериалов для ремонта домика, то мы дадим тебе бумажку, с которой ты по пути в Сиреники попытаешься достать все это на факториях или на пароходах в бухте Провидения.

Я не мог согласиться со взглядом председателя РИКа на «привычку» и «приспособление» к местным условиям жизни. Заведомо лишить себя необходимого для работы и быта не было с моей точки зрения геройством. Задача заключалась не в том, чтобы приспособиться к тяжелому туземному быту, а в том, чтобы своим примером влиять на его изменение.

В Уэлене я получил для школы письменные и учебные принадлежности, в кооперативе «достал» ящик гвоздей и со всем моим грузом на шхуне выехал в Сиреники. Мне хотелось скорее добраться до бухты Провидения, где остановились отъезжающие на материк работники. Среди них находилась и моя предшественница Е. С. Рубцова. У мыса Чаплина в большом эскимосском селении Уназик произошла авария на нашей шхуне, и мы продолжали путь на эскимосских моторных вельботах.

В бухту Провидения мы прибыли поздно вечером двадцатого августа. До Сиреников от бухты Провидения было всего часа четыре езды морем, но я решил остаться дня на два-три в Провидении, чтобы достать доски для ремонта школьного домика и, главное, встретиться с Рубцовой.

В Провидения стояла «Юанта» с отъезжающими полярниками на борту. Все они проработали на Севере по два-три года и теперь уезжали на Большую землю. Это были первые врачи, кооператоры, учителя и другие работники, отдавшие немало сил и знаний строительству новой жизни на далекой Чукотке.

«Юанта» отходила часов в десять утра на следующий день, и у меня оставалось достаточно времени переговорить о делах школы с Рубцовой. Я снова очутился на «Юанте», где был встречен удивленными возгласами матросов-китайцев, с которыми познакомился еще по пути из Владивостока.

— Почему приходила обратно? Владивосток хочешь убежайла? — весело спрашивали матросы, коверкая русскую речь.

Их удивляло мое внезапное появление. Один из отъезжающих подошел ко мне и чуть небрежно, тоном бывалого человека спросил:

— Что, новенький?

Я попросил незнакомца проводить меня к Рубцовой. Когда он узнал, что я еду работать на ее место, то сунул мне торопливо руку и представился.

— Будем знакомы, учитель Науканской эскимосской школы Головин.

Это был один из первых учителей на Чукотке.

Рассказ Е. С. Рубцовой о работе среди эскимосов, о первых днях существования школы произвел на меня большое впечатление. Я получил от нее ценные сведения о сиреникских эскимосах, об учениках школы, о родителях и активистах, о всех, на кого можно положиться в первые дни работы.

ПЕРВАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА

В середине двадцатых годов на чукотской земле, где живут отважные морские охотники и оленеводы — эскимосы и чукчи, появились долгожданные люди — учителя и врачи. Слова «школа», «учитель», «врач», «больница» быстро распространились по всему полуострову.

Советская власть, проводя ленинскую национальную политику в отношении малых народностей молодой Советской державы, прислала на далекий Север к эскимосам, чукчам, корякам, эвенам людей, которые должны были заложить основы культурного и экономического преобразования жизни этих народов. Эскимосы — одна из малочисленных народностей Севера — ранее не знали никакой грамоты, не имели письменности. Их жестоко угнетали умильки — «хозяева земли» и шаманы, русские урядники, отбирающие у населения дорогую пушину в виде ясака, русские и американские купцы, за безделушки скупавшие у охотников меха и продукты промысла. Народ вымирал. Свирипствовали страшные эпидемии, уносящие сотни жизней, но врачей не было и некому было лечить больных.

Как писал В. Г. Богораз, при царском режиме чукчи и другие народности Севера вообще не считались людьми. Ихстари соседи чукчей эскимосы тоже несли на своих пле-

чах тяжелый гнет царских урядников и миссионеров, русских и американских купцов.

В 1914—1919 годах на Чукотском полуострове построили две первые школы: в Чаплино для эскимосов и в Уэлене для чукчей. Но работа в них прекратилась в первые же годы, да и училось в школе в то время по восемь—десять переростков. После двухлетнего пребывания там они с трудом писали свое имя.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность эскимосам строить свою культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

В 1927 году на южном побережье Чукотского полуострова в поселке Уназик на мысе Чаплина и в селении Наукан были организованы первые эскимосские школы, а годом позже обучение эскимосских детей было начато в селении Урелик и Имтук. В 1928 году в Имтук впервые приезжает учитель Крейдич, присланный РИКом. Крейдич основал Имтукскую (Сиреникскую) школу, но болезнь не дала ему нормально работать. Школа Крейдича просуществовала не более трех месяцев. Никаких документов и материалов о ее работе не осталось. Как рассказывали мне учащиеся и родители, Крейдичу из-за болезни почти не приходилось работать. Он все время лежал на оленьей шкуре в пологе и давал ученикам самостоятельные задания. Ясно, что дети, никогда ранее не имевшие представления о школе, не могли самостоятельно овладеть основами грамоты, да еще при обучении на незнакомом русском языке. Учителя Крейдича в тяжелом состоянии на нартах вскоре увезли на Чукотскую кульбазу в заливе Лаврентия. Население поселков Имтук и Сиреники настоятельно потребовало учителя, и осенью 1929 года РИК прислал в Имтук опытную учительницу Екатерину Семеновну Рубцову.

Е. С. Рубцова была переведена на Чукотский полуостров Камчатским облоно с острова Медного, где она работала в алеутской школе. Екатерина Семеновна уже в то время имела двадцатилетний учительский стаж. Из бухты Пинкиг-

ней, куда пароход высадил приехавших в район новых учителей и работников РИКа, до Имтука Рубцову сопровождал член Чукотского РИКа Шаповалов, который только что приехал с материка и желал ознакомиться с районом.

«Население встретило нас очень приветливо, — рассказывала мне сама Рубцова, — особенно радушно нас встретил секретарь туземного Совета Аляляун».

Эскимосы после отъезда первого учителя Крейдича не теряли надежды на приезд нового учителя и ждали его с большим нетерпением. Появление Рубцовой их очень ободрило, и многие зверобои с большой радостью взялись помогать ей в организации школы.

Эскимосы с охотой отдавали детей в школу. Когда Рубцова провела в Сирениках первое родительское собрание и объявила о приеме детей, родители сами привели их к учительнице. Случаев отказа эскимосов отдать детей в школу не было. А начать работу в школе оказалось все-таки нелегко: были ученики, было хорошее отношение населения, но отсутствовали школьное помещение, дрова, квартира для учителя.

Приспособить тесный эскимосский полог для занятий с детьми было немыслимо, так как в школу в самом начале записалось 22 человека, а в пологе с большим трудом могло поместиться 8—10. Размеры полога не позволяли поставить ученические парты или столы (их к тому же и не было), высота полога часто бывала меньше человеческого роста. Учащимся и учителю приходилось поэтому сидеть на корточках «по-турецки». Дети в первом ряду, сидя на кожаном полу полога, вынуждены были, подкладывая под тетрадь маленькую дощечку, писать на своих коленях, а те, кто сидел сзади, приспособливались писать на спинах у сидящих впереди.

Если учащихся мало, не больше 6—7, как это бывает в кочевых школах, то используют маленькие столики на коротких ножках и ученики пишут и читают, сидя на полу.

Учителю в такой школе-яранге приходится сидеть также

на корточках, а это очень быстро утомляет. Школа в пологе неудобна еще тем, что в ней жарко и душно не только из-за тесноты, но и от жирников, которые горят день и ночь. Дети и учитель вынуждены дышать спертым воздухом, подолгу не видеть дневного света.

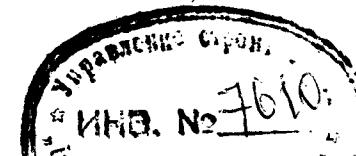
Перед Рубцовой стояла задача организовать занятия не в яранге, а в домике. В Имтуке было несколько дощатых американских домиков-складов, но все они были сколочены из вагонных досок и не приспособлены для жилья.

Решили школу организовать в домике, где до наступления морозов началось заниматься Крейдич. Вот что рассказывала Рубцова о первой Имтуцкой, а позже Сиреницкой школе:

«Первое школьное помещение представляло собой маленький деревянный домик американского образца, сбитый из тонкого теса. Такие домики богатые туземцы до революции покупали у американских купцов для хранения охотниччьего инвентаря, а те, кто торговал американскими товарами со своими сородичами, приспособливали эти домики также для хранения товаров. Домик состоял из двух половин. Первая половина была холодная с одинарной стенкой, вторая обшита тесом с двух сторон.

Представьте себе комнату в два метра шириной и в четыре длиной с маленьким разбитым камбузом (печью) в одном углу, с полочками, заменяющими книжный шкаф, — в противоположном, и вы получите картину класса, который предоставила в мое распоряжение местная администрация.

Из классной комнаты дверь вела в третью «комнату», если так можно назвать куб высотой с человека среднего роста, где с трудом помещалась одна кровать. Он служил осенней квартирой учителю Крейдичу. Здесь же первое время, пока эскимосы не поставили зимних яранг, жила и я (летние яранги эскимосы делали очень маленькими, и в их пологе могла поместиться только своя семья). Стены между досками ничем не были засыпаны, на потолке не было зем-

ли, под полом был свободный ход и туда набивался снег, завалин не было, рамы были однорядные и не замазаны, в безветрие камбуз не горел из-за отсутствия тяги. Можно себе представить температуру в классе в суровую чукотскую зиму».

В таком состоянии была школа, когда Е. С. Рубцова приехала в Имтук.

Имтукский туземный Совет объединял в то время два эскимосских поселка — Имтук и Сиреники. В Имтуке было двадцать яранг, а в Сирениках восемнадцать. Жителей в обоих поселках насчитывалось немногим больше двухсот человек.

Расстояние от Сиреников до Имтука было около семи километров, поэтому учащимся из Сиреников приходилосьходить каждый день пешком через имтукские горы. На собаках школьников привозили очень редко, и то только по случаю пуржливой погоды.

— Если мы будем ходить в школу пешком через горы, то станем сильными и выносливыми. Так близко одни ста-
рухи ездят, — говорили сами ученики.

Часто в холодные зимние дни, когда пурга свирепствовала на побережье и загоняла людей на долгое время в жи-
лища, сиреникские школьники по несколько дней не бывали дома, а ночевали у своих родственников или у товарищей по школе в Имтуке. Дети из соседних селений никогда не брали с собою еды, так как они могли поесть в любой яран-
ге, никто им в этом не отказывал. Эскимосы очень любят детей, поэтому и к чужому ребенку относятся ласково и с большим вниманием.

Ремонту домика для школы мешали многие причины с самого первого дня. Не было досок, гвоздей, не было лю-
дей, умеющих произвести ремонтные работы, ибо эскимосы всегда были отличными охотниками и отважными моряка-
ми, но не умели держать в руках топор и рубанок.

Привезенные Рубцовой из бухты Провидения три доски пошли на поделку длинного ученического стола, за кото-

рым должны были сидеть шесть школьников. Стол был довольно плохо сколочен и качался во все стороны. Эскимосы принесли из дома пару больших досок и сделали из них две скамейки.

«Начали заниматься, не понимая друг друга, — рассказывала о первых днях в школе Е. С. Рубцова. — Учащихся в начале года набралось 22, а за столом, который занимал почти весь класс, с двух сторон помещалось только 11 че-
ловек. Пришлось взять для ребят в кооперативной лавке все пустые ящики из-под консервов и заменить ими столы. На этих ящиках дети писали и читали, сидя на полу.

О правильной посадке при письме и говорить не приходилось: писали стоя на коленях, сидя и лежа. Восемь квад-
ратных метров нашей классной комнаты были заняты до предела.

Эскимоску-уборщицу во время занятий приходилось от-
пускать домой, так как для нее и места не было в школе, а завтрак для ребят я варила сама на чугунном камбузе во время уроков. Мне это было удобно делать потому, что классная доска (покрашенная крышка от фанерного ящи-
ка) находилась около плиты. Ученики каждую перемену чистили топку, чтобы печь хорошо горела. От котла, в кото-
ром варился завтрак для ребят, шло испарение. Вследствие этого стены делались мокрыми, а ночью от мороза они по-
крывались коркой льда, который днем оттаивал, и по сте-
нам домика текли обильные ручьи».

Школа находилась далеко от районного центра, а поэто-
му какая-либо помощь со стороны райисполкома совер-
шенно исключалась до самого января, пока не устанавливался нартовый путь.

Для ремонта школы и изготовления оборудования тре-
бовалась доски, гвозди, краски и другие материалы, а до-
статать их в то время было негде. Из Владивостока один раз в год приходил пароход-снабженец, который для всей Чу-
котки едва мог завезти самые необходимые товары и топливо.

Ни в Сирениках, ни в Имтуке в 1929 году не было ии одного руль-мотора, чтобы поехать в факторию АКО* в бухте Провидения и достать там все нужное для оборудования школы. С осени сразу нельзя было заготовить для школы угля и дров, так как начались уже осенние штормы и выехать за топливом в бухту Провидения было невозможно, а Рубцова приехала в Имтук поздней осенью. Поэтому уголь пришлось возить зимою на собаках из Провидения через цепь гор на расстояние более 40 километров.

Для эскимосов дорог каждый кусочек дерева. Каждая жердь или доска от остова юрты переходила по наследству из поколения в поколение. На всем полуострове вплоть до Анадыря не растет ни одного деревца, из которого можно было бы что-нибудь сделать. Только карликовые березки да ивы прячутся зимой под снегом, а летом боязливо стоят по мшистой тундре. Несмотря на это, население делилось со школой последними кусочками дерева совершенно бесплатно. Эскимосы часто выламывали лишнюю жердь даже из своей юрты, чтобы растопить печку в школе. Уголь не горел без дров, а дров у школы не было.

Сама Екатерина Семеновна устроилась жить в яранге первого общественника эскимоса Аляляуна, бывшего тогда секретарем туземного Совета. Аляляун знал в то время десятка полтора русских слов, и с ним можно было объясняться.

Двумя олеными шкурами, сшитыми вместе, и без того тесный полог Аляляуна был разделен на две половины. В одной из этих половин была первая квартира учительницы Е. С. Рубцовой.

Семнадцать лет, которые Екатерина Семеновна проработала в бывшей Симбирской губернии, она посвятила воспитанию и обучению детей. Первые из них давно уже выросли и сами стали учителями, инженерами, командирами Красной Армии.

* АКО — Акционерное Камчатское общество.

Здесь тоже были дети, такие же, как всегда и везде,— веселые шалуны, любящие игры, рассказы своих отцов и матерей, сказки бабушек. Но здешние дети отличались тем, что они раньше никогда не знали школы и книжки, никогда не мыли лица и тела. До сих пор еще они ходили с длинными волосами и бритыми затылками, в мехах, с амулетами и побрякушками. Древние обычай соблюдались неукоснительно. Эскимосские дети нигде не были, кроме своего поселка, не знали ничего, кроме рассказов стариков о старинных, непонятных войнах между соседними племенами да о злых и добрых духах, которые якобы посыпают людям здоровье, болезнь или смерть, обильную еду или страшный голод.

Это были любознательные, но суеверные эскимосские дети. Учителю предстояло расширить их ограниченные и искаженные суевериями представления о мире, а для этого надо было преодолеть множество религиозных и бытовых предрассудков.

Дети сами тянулись к школе, хотели учиться. Надо было обладать большим педагогическим тактом, опытом и талантом, чтобы с первых же дней поддержать интерес ребятишек к школе, и с этой сложной задачей достойно справилась Екатерина Семеновна. Трудности не испугали старую учительницу.

«Не зная эскимосского языка,— рассказывала Рубцова,— работать в школе и на селе было очень трудно. С Аляляуном и председателем туземного Совета Нутаугье с большим трудом можно было объясняться по-русски. В школе же кое-что по-русски раньше всех начал понимать Қавратагин, сын Нутаугье, который и выступил в качестве переводчика. Главной задачей первого года было научить учащихся понимать по-русски, вследствие чего основное внимание было обращено на русский язык. Азбуку они с Крейдичем проходили, но читать и писать все же никто не умел.

К урокам приходилось долго и тщательно готовиться. Каждую фразу, каждое слово нужно было предварительно

перевести, а добиться этого без знания родного языка учащихся было чрезвычайно трудно.

Когда школьники научились немного читать и писать, они стали вести словарь русских слов и заучивать их. Я часто устраивала разговорные уроки, ввела игры с пением русских песен, чтобы любым способом научить детей говорить по-русски. К концу года ученики стали меня понимать. Вообще ребята за изучение русского языка принялись охотно и дружно. Этому, несомненно, способствовал мой долголетний опыт преподавания русского языка в нерусских школах.

Много труда стоило приучить детей стричь волосы.

— Нельзя стричь волосы. У каждого эскимоса есть своя форма стрижки. Если все будут одинаково подстрижены — заболеют, — так вначале говорили эскимосы и не разрешали своим детям стричь волосы наголо.

Только практика, постоянный пример убеждали их, что стрижка волос не приводит человека к болезни.

Летом, когда я бывала на конференции, ребята опять отращивали себе волосы, но в начале учебного года их уже без труда можно было заставить остричься».

Возраст учащихся в школе Рубцовой в первый год работы был разным. В школе учились дети от 8 до 16 лет, а двоим учащимся первого класса было даже по 18 лет.

Прием в школу переростков в те годы был оправдан. Во-первых, необходимо было ликвидировать неграмотность среди молодежи, а во-вторых, нужно было подготовить грамотных людей для работы в кооперативе, в Совете, в школе. Нужны были переводчики.

Кроме дневной школы была организована вечерняя для взрослых, куда записалось человек десять молодых охотников и женщин.

Обучение в школе шло на русском языке по программам ГУСа, тогда еще составленным по так называемому комплексному методу. Специальных локализованных программ для северных школ в то время не было, поэтому учителю

приходилось самому приспосабливать программы русской школы к местным условиям, составлять учебно-производственные планы, учебные сетки и прочие документы, без которых невозможно по-настоящему организовать учебный процесс.

Несмотря на огромные трудности в работе, Рубцовой удалось достигнуть хороших результатов в усвоемости учащимися учебного материала и привить им необходимые гигиенические навыки.

Часто школьники приводили в класс своих маленьких братишек и сестренок, которые умели уже читать и считать. У эскимосских ребят с первых же дней работы школы зародилась хорошая традиция передавать знания своим младшим братьям или товарищам, поэтому учителю приходилось даже инструктировать ребят, как заниматься с домашними.

Дети первое время всегда приходили в школу грязными. Больших трудов стоило приучить их мыть хотя бы лицо и руки перед приходом в школу. Но как только они стали это делать, обнаружилось, что в ярангах они начали мыться мочой, и, когда приходили в школу, от них несло резким аммиачным запахом. У детей и учителя постоянно болела голова.

Это объяснялось тем, что в зимние месяцы, когда промерзают речки и озера, эскимосам негде взять воды, а для приготовления пищи и других бытовых нужд они расстипаивают снег и талую воду очень берегут. Моча с древних пор имела в быту эскимосов многообразнейшее применение: ее использовали, чтобы выделять звериные шкуры, смывать грязь с моржового полога и так далее.

Поэтому Рубцовой пришлось организовать умывание учащихся в школе. Умывались они два раза в день: утром, перед уроками, и после второго урока, перед горячим завтраком.

В школе каждый день учительница беседовала с учениками на темы о гигиене тела, жилища, питания. Эти же бе-

седы проводились и на ликбезе, на общих собраниях, в ярангах эскимосов.

При школе была создана санитарная комиссия из учащихся, она следила за чистотой и порядком в школе. Комиссия была создана из передовых, активных ребят, которые добросовестно помогали учителю проводить многогранную работу по привитию культурных навыков не только школьникам, но и взрослому населению. Санитары вполнеправлялись со своими обязанностями: все школьники стали мыть лицо и руки, и это был большой успех.

В дни, когда бушевали пурги, ученики не являлись в школу. Были и другие причины: отсутствие обуви или одежды, домашние обрядовые праздники, болезнь ученика или родственников. Чесотка и различные виды других кожных заболеваний в те годы были постоянными спутниками эскимосов, поэтому редкого ребенка миновал этот недуг. Часто такие болезни сильно мучили ученика, и он на долгое время переставал ходить в школу. Бань в эскимосских и чукотских поселках тогда еще не было, а врачебная помощь была доступна не более одного раза в год, когда с Чукотской кульбазы приезжал на два-три дня разъездной врач.

В новом 1930/31 учебном году Имтукскую школу перевели в соседнее береговое селение Сиреники, где у эскимоса Тагругье сняли в аренду под школу домик площадью четыре на пять квадратных метров и высотою два метра.

Этот домик, как и прежний, был сколочен из досок в два ряда с пустотою в середине. Во время ремонта в пространство между стенами насыпали сухого песку, но обшить домик было нечем. Не хватало стекол для трех маленьких окон с одинарными рамами. Крыша домика и стены с северной подветренной стороны были обиты волнистым американским желеzem, но это не спасало от мороза.

В новом учебном году у школы было в достаточном количестве дров и угля, так как эскимосы все это привезли на байдарах из бухты Провидения еще весной, когда не бывает больших прибоев. Но и отопление мало помогало. Зи-

мой домик весь промерз, изнутри и снаружи покрылся льдом и снегом. У учеников во время занятий замерзали ноги и руки.

«В конце декабря на перевыборы Совета приехали риковцы, председатель Подкорытов и секретарь Баум,— рассказывает об этом времени Рубцова.— Видя такое положение в школе, они хотели временно ее закрыть, а меня перебросить в Провидения. Но население перепугалось, что отберут меня, а школу совсем закроют, поэтому было созвано общее собрание жителей, где присутствовали и члены РИКа. Председатель туземного Совета Нутаугье сказал риковцам:

— Так нельзя делать. Мы всегда очень хотели иметь школу. Нельзя отнимать учителя у нас. Сейчас в школе холодно, потом тепло будет, весна придет.

Нутаугье говорил сбивчиво и взволнованно, но видно было, что он выражал общие чувства родителей. Да и мне жалко было всех оставлять. Было решено, что занятия будут продолжаться. Угроза закрытия школы миновала. Помню, в этот год мы пропустили из-за холода только один день занятий за всю зиму, и это при таком состоянии школы!»

В тот год у Рубцовой было тридцать учащихся. Все они успешно учились в течение года и перешли в следующий класс.

Эскимосы каждый год, когда сходил снег, разбирали свои зимние жилища, переносили их с холма на прибрежный песок, ближе к морю, и делали там маленькие летние шалаша. В них с трудом помещалась только одна семья. А осенью, когда начинались первые морозы, они снова устанавливали зимние жилища. Поэтому Рубцова на лето перезжала жить в школьный домик. Теперь, после окончания занятий, она опять перебралась в школьный домик, который чудом уцелел от зимних бурь: весь он был забинтован веревками и проволокой. Но то, чего не сделали пурги и ветры, сделал пронесшийся летний ураган.

В один из дней произошла катастрофа: порывом ветра сорвало крышу домика, выбило стекла и учительница в дождь осталась под открытым небом. Эскимосы уже перебрались в летние шатры, и жить у них было негде.

«Спасибо учителю Провиденской школы Георгию Ивановичу Мельникову, который дал мне убежище в своей школе,— рассказывала Екатерина Семеновна.— Он много мне помогал не только в работе, но и в личной жизни, а когда случилась катастрофа в моей школе, он устроил меня у себя. Даже мои вещи, которые негде было хранить в Сирениках, он перевез в Провидения».

Так приходилось жить и работать старой учительнице, но она не унывала, а, наоборот, теперь уже энергично требовала от РИКа капитального ремонта пришедшего в негодность школьного домика. Трудности не пугали учительницу, ибо результаты работы школы были обнадеживающими, и не стоило унывать.

Особенный интерес представляет третий и последний год работы Рубцовой в Сиреникской школе. Начался этот 1931/32 учебный год с «капитального ремонта». РИК уже не скучился и делал все, чтобы обеспечить школу средствами и строительными материалами. В кооперации были доски, гвозди, краски. При школе организовали школьный совет из родителей, члены которого активно помогали делать ремонт. Помещение школы обили войлоком, вокруг стен снаружи сделали большие завалины из дерна, поставили новый чугунный американский камбуз.

В классе теперь красовались ученические двухместные столы и даже примитивно сделанные местными мастерами парты, сколоченный эскимосом Тагругье книжный шкаф, большая классная доска. Парты и столы покрасили черной краской, домик изнутри обили теплой фланелью и побелили мелом. Некоторые эскимосы во время ремонта проявили большую изобретательность. Никто почти не умел плотничать и вообще обращаться с инструментами, но те, кто участвовал в ремонте школы, овладевали мастерством в про-

цессе самой работы. Инструментов недоставало. Вместо топора использовали стальную мотыжку, применявшуюся ранее для обработки кости для бытовых нужд. В поселке не оказалось алмаза для резки оконного стекла. Тогда эскимос Тагругье предложил использовать для этой цели горный хрусталь. Он поднялся на высокую гору Кингагак и принес оттуда несколько килограммов этого благородного камня, в большом количестве залегавшего на вершине. Кусками хрустала Тагругье почти без поломок нарезал стекла для оконных рам.

Весь капитальный ремонт эскимосы сделали совершенно безвозмездно. Когда учительница предложила им плату за столы и парты, они все наотрез отказались.

— Школа учит наших детей и бесплатно их кормит. Все, что мы сделали, принадлежит им. Не нужно нам никакой платы,— говорили они.

Какая бы ни была нужда у школы, эскимосы всегда охотно выручали, если это было в их силах. Того, кто избегал помогать школе, все презирали.

Когда школа и национальный Совет из Имтука переехали в Сиреники, начали приезжать туда же и многие эскимосские семьи, особенно с детьми-школьниками. Так вслед за школой из Имтука переехала большая часть населения: осталось в Имтуке семь юрт. Переезд населения не был организован специально. Эскимосы сами хотели быть ближе к школе, к национальному Совету и кооперативу. Все новое, пришедшее с молодой Советской властью, неодолимо побеждало.

Учительница Рубцова завоевала большое доверие. В первый год работы школы эскимосы, особенно старики, не всегда верили, что женщина может чему-нибудь научить детей, не говоря уж о взрослых охотниках. Раньше всегда считалось, что дело женщины — сидеть в яранге, готовить пищу, шить и родить детей. Женщина не могла вмешиваться в дела мужчины.

Сейчас у Рубцовой было 42 ученика в нулевом, втором и третьем классах. С таким количеством учеников в одной классной комнате в одну смену работать было неимоверно трудно, но учительницу радовало, что результаты ее работы по сравнению с первым годом были очевидны. Приходилось работать со всеми классами в одну смену, потому что учителю необходимо было время для работы на ликбезе, для занятий с молодежью, с женщинами, для оказания помощи нацсовету, кооперативу. Времени на отдых почти не оставалось.

Жила Е. С. Рубцова все три года в пологе эскимосской яранги. Квартиру оборудовать было негде. Для пристройки спального помещения к школьному домику нужны были материалы и умелые мужские руки. Эскимосы же строить еще не умели. Последние два года учительница жила в яранге Тагругье, которому принадлежал также домик, занимаемый школой. Полог у Рубцовой был сравнительно большой, школа стояла рядом с ярангой, поэтому условия жизни были лучше, чем в первый год.

«Накануне моего отъезда из Сиреников,— рассказывала Рубцова,— многие охотники не выехали на охоту. Когда я спросила нового председателя национального Совета Татыгу, почему он и другие не выехали на охоту, он сказал:

— Почему так говоришь? Ты много для нас сделала, а теперь уезжаешь. Мы хотим посмотреть на тебя в последний раз и проводить тебя. Только обязательно опять к нам приезжай!

До Чукотки я служила семнадцать лет в бывшей Симбирской губернии на Волге, но никогда не была окружена такой заботой, какой окружили меня эскимосы. Они были истинными друзьями школы и моими друзьями. Память о них останется у меня на все годы моей жизни».

Если в 1929 году в Сирениках не было ни одного грамотного человека, то к весне 1932 года было обучено около 20 охотников, а в школе обучалось 42 ученика. Организована была охотничья промысловая артель, женская пошивоч-

ная артель, добровольные организации (касса взаимопомощи, МОПР*, Осоавиахим), для артели впервые приобретены руль-моторы, большинство жителей стали членами кооператива.

В национальном Совете, в правлении артели, в кооперации — везде работали уже сами эскимосы, начавшие понемногу писать, читать и говорить по-русски. Во всех этих достижениях немалая роль принадлежала школе и учительнице Рубцовой.

Но работа среди эскимосов в те годы не могла идти гладко, без трудностей.

Борьба с шаманством, сильно сопротивляющимся наступлению новой жизни, борьба с религиозными суевериями проходила организованно, через школу, комсомол и национальный Совет. В плотную встал вопрос о преодолении сопротивления местных богатеев, бывших американских торговых посредников, которые открыто выражали недовольство всем новым.

С 1932 года на всем Чукотском полуострове начинается бурный рост колхозного, кооперативного и культурного строительства, новая полоса социалистических преобразований. Население само активно включается в социалистическую переделку старого быта.

МОЯ ВСТРЕЧА С ЭСКИМОСАМИ

Дата двадцатое августа 1932 года осталась в памяти на долгие годы. В этот день меня переполняли волнующие чувства радости и тревоги: предстояла встреча с сиреникскими эскимосами.

Из бухты Провидения мы ехали на моторном вельботе далеко от берега. Море волновалось, и наш вельбот прыгал с волнами на волну, оставляя позади полосу белой пены.

* МОПР — Международное общество помощи борцам революции.

Я горел нетерпением скорее добраться до Сиреников, скорее увидеть людей, с которыми предстояло работать.

Вдали между двумя нависшими над морем скалами показалась широкая долина с маленькой сопочкой посередине. Наш вельбот шел по направлению к этой долине. Вскоре на склоне сопки мы увидели эскимосские яранги. На отмели белели вельботы и байдары, поднятые на вешала. С холма навстречу гостям бежали люди.

Вельбот остановился метрах в двадцати от берега и бросил якорь. Причалить с перегруженным до бортов суденышком было трудно из-за высоких волн. С берега на вельбот бросили конец ремня с привязанной к нему небольшой кожаной байдаркой. При помощи ее эскимосы решили разгружать вельбот.

Я перебрался на байдару и приготовился прыгнуть, как только байдара уткнется в берег. Эскимосы держали в руках конец ремня в ожидании удобной волны, на гребне которой можно было бы выдернуть байдару на берег. Шумно кричали дети. Женщины и старики сидели на песке и напряженно ждали, когда мужчины вытянут байдару с неизвестным для них пассажиром.

Но вот с берега раздались дружные гортанные крики, и моя байдара на гребне волны мигом вылетела на песчаную отмель. Не успел я вскочить, как следующая волна ударила меня в спину и окатила с ног до головы. Под дружный смех и крики детей, женщин и охотников я выбрался на сухой песок. По спине струилась холодная вода, в сапогах хлюпало. Я сильно продрог, но заниматься собой сейчас было некогда — меня со всех сторон окружили эскимосы, и каждый хотел знать, верно ли, что я учитель, как им сказали провиденские охотники.

Я медленно шел по направлению к школе, сопровождаемый толпой мужчин, женщин и детей. На берегу в это время разгружали вельбот: стаскивали на берег толстые доски, гвозди, краски, тюки с книгами и письменными принадлежностями.

Школьный домик был закрыт на большой замок, а ключ находился у секретаря нацсовета Аляляуна. Аляляун сразу же познакомился со мной и повел в свою ярангу, распорядившись открыть школу и хорошо протопить печь.

В яранге Аляляуна было сыро и неуютно, а залезть в меховой полог мокрым я не решался. Жена Аляляуна в коридоре яранги сухим мхом топила железную печурку, единственную во всем поселке, разогревая воду для чая. Здесь же на печи варились квашеное моржовое мясо. В дверях яранги толпились множество детей, с любопытством рассматривавших нового учителя.

Жена Аляляуна на деревянном блюдце резала полусваренное, с кровью, моржовое мясо, от которого шел непривычный для меня кислый запах.

— Вот ешь мясо с жиром, скоро согреешься, — уговаривал меня гостеприимный хозяин.

Я изрядно проголодался и не стал отказываться. Эскимосы любят есть кислое мясо, когда оно «хорошо пахнет», поэтому хозяин радушно угощал гостя этим необычным для непосвященного блюдом. Горячий чай согрел меня, и озноб прошел.

После чая мы с Аляляуном, сопровождаемые толпой ребятишек, пошли в школу. Весь багаж лежал уже в помещении. Я сменил мокрую одежду и стал обогреваться у пылающей печи. Маленькая школа была заполнена людьми.

— Мы думали — не приедет к нам больше русский учитель, — говорил пожилой эскимос Нуутаугье.

— Когда будешь учить ребятишек?

— Зачем привез доски?

— Учиться дети начнут тогда, когда вы поможете мне отремонтировать школу и построить жилье, — сказал я.

Аляляун перевел мои слова собравшимся. Все начали оживленно переговариваться, но я, конечно, не понимал ничего по-эскимосски. Можно было, правда, догадаться по доброжелательным лицам охотников, что они согласны помочь мне.

— Все хотят помогать школе. Мы всегда помогали школе. Эскимосы очень любят школу,— с трудом подбирая русские слова, говорил эскимос Маки, оказавшийся членом школьного совета.

В этот день я долго беседовал с жителями поселка, видя на их лицах, в их разговорах откровенное удовлетворение приездом нового учителя.

Было уже темно, когда я остался один в школе, освещенной небольшой керосиновой лампой. Вдруг открылась дверь, в комнату ввалилась ватага ребятишек и остановилась у порога. Они тихо переговаривались и изредка застенчиво посматривали на меня. Я подошел к ним и спросил:

— Вы учились в школе?

— Выны! * — испуганно завопила самая маленькая из девочек, а другие снова начали переговариваться между собой и подталкивать друг друга. Я видел, что никто из них не решается заговорить первым. В дверях появился еще один мальчик с круглым румяным лицом и огромными серыми глазами. Он бойко заговорил, обращаясь ко мне:

— Мы хотим знать, когда приходит в школу и как мы тебя будем называть?

Он говорил довольно хорошо по-русски, без тени застенчивости. Я подошел к смельчаку, погладил его по голове и сказал:

— Молодец! Ты смелый мальчик — это хорошо. Как тебя звать?

— Атата! — громко ответил он.

Остальные, стоя в углу, восклицали:

— Кай, кай **, Атата!

Я сообщил детям, что занятия начнутся после ремонта, сказал им свое имя и отправил домой.

— До свидания! — теперь уже дружно по-русски сказали гости и убежали.

* Выны! — Ой, ой — боюсь!

** Кай — возглас удивления, одобрения.

Е. С. Рубцова и Г. А. Меновщикова с учительницами-эскимосами (Ленинград, 1959 г.).

Ученики Г. А. Меновщикова. В первом ряду справа: Гухуге, Гальгата; второй ряд справа: Нуумикакаун, Атата, Аниканапу (Сиренники, 1934 г.).

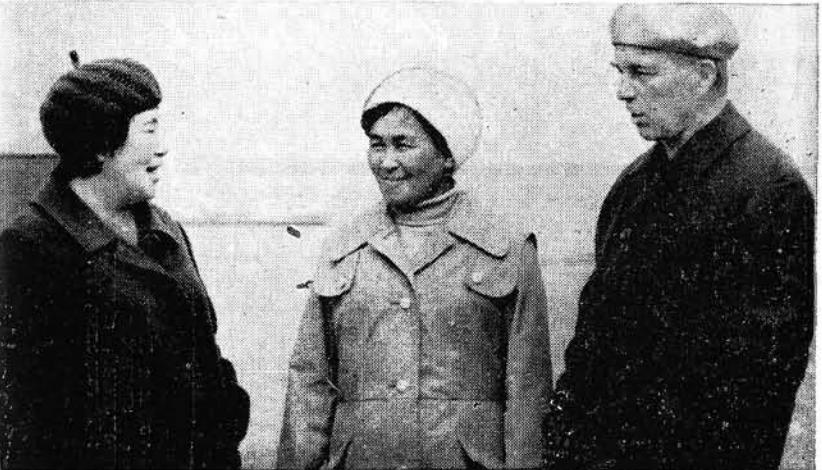

Кагак, эскимосская девочка, первая пионерка Чукотского района. Окончила Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, преподавала в школах Чукотки и в Анадырском педагогическом училище (Чукотка, 1939 г.).

Учащиеся Анадырского педагогического училища чукчи и эскимосы у здания Биржи (Ленинград, 1956 г.).

Учительницы-эскимоски В. А. Аиалькасак, М. И. Сигунылик и Г. А. Меновщикова (Анадырь, 1973 г.).

Ученик Е. С. Рубцовой (1929—1932 гг.) и Г. А. Меновщикова (1932—1934 гг.) Ари со своими учениками (Сиреники, 1948 г.).

Бывшие ученики Г. А. Меновщикова (1932—1934 гг.). Слева направо: Выйи, Нанана, Сайни, Анкана, Ктулье, Парина, Корона, Вири (Сиренчики, 1960 г.).

Выпускница Провиденской школы-интерната эскимоска Люда Айнача стала учительницей, автором эскимосского букваря (Провиденция, 1957 г.).

Учителя чукотских и эскимосских школ собрались на педагогическую конференцию в поселке Лаврентия (1971 г.).

Наукаинские эскимосы — участники художественной самодеятельности. Сидят заслуженные деятели культуры РСФСР Путтетин и Умка (Шуямо, 1960 г.).

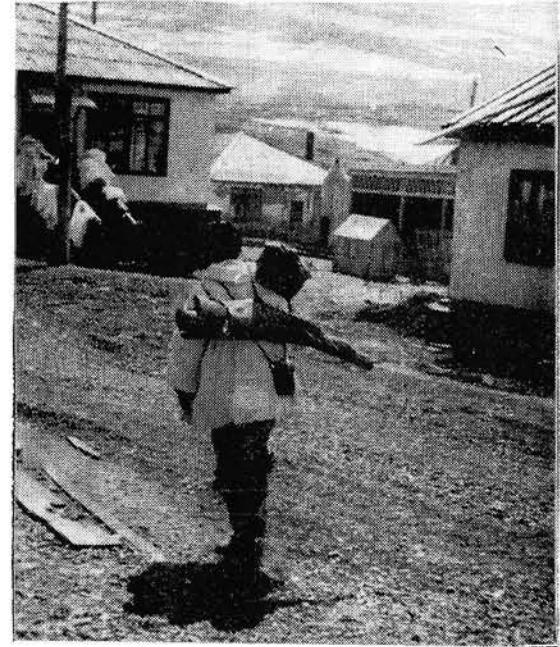

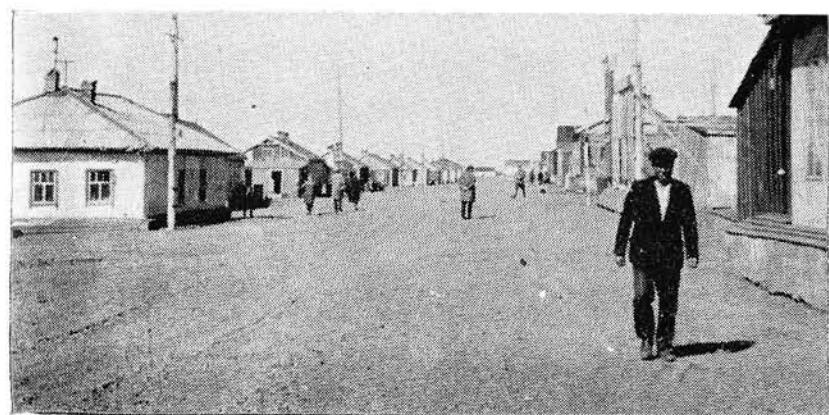
Заслуженный художник РСФСР мастер-ко-
сторез чукча Туккай (Уэлен, 1971 г.).

Уэлен (1971 г.).

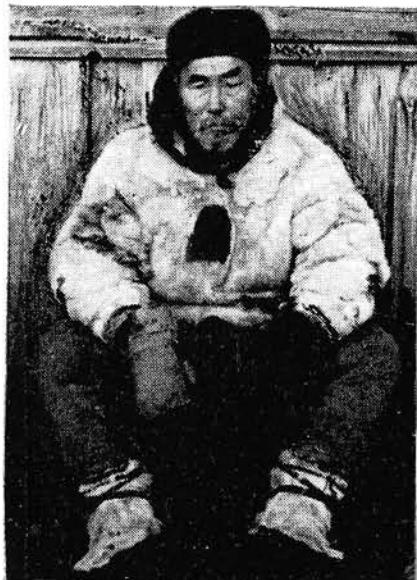

На морской окоту (Уэлен, 1971 г.).

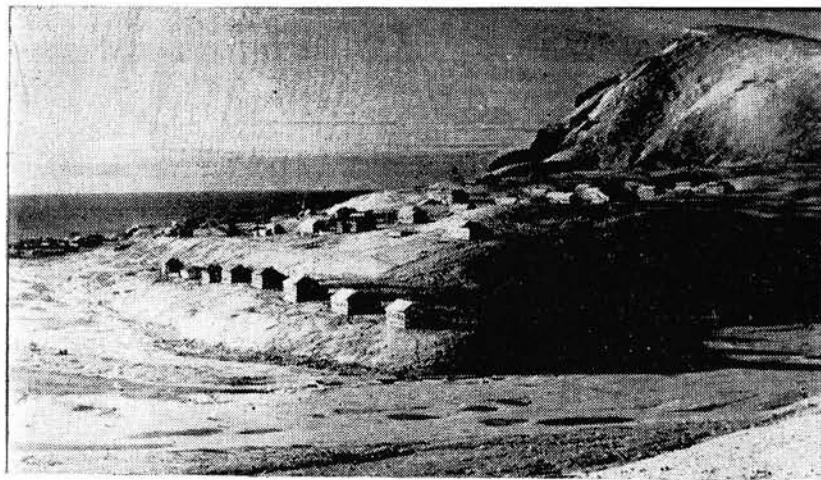

В этом дощатом домике размещалась первая школа для эскимосских детей, где в 1932—1934 гг. работал Г. А. Меновицков (Сиреники, 1933 г.).

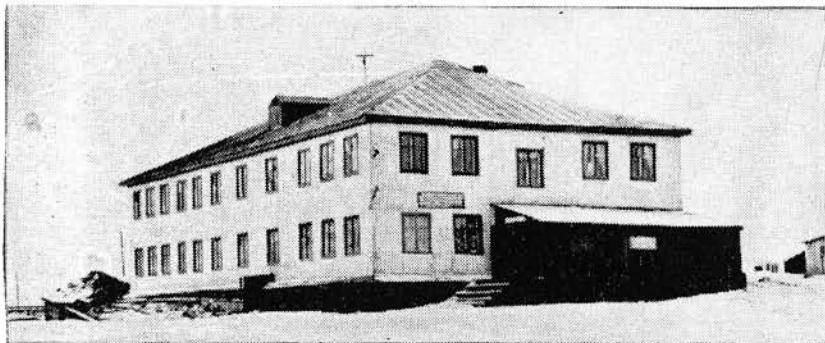
Эскимос Тагругье, старейший житель поселка Сиреники. В его яранге в 1929—1932 гг. жила первая учительница эскимосской школы Е. С. Рубцова (Сиреники, 1955 г.).

В поселке Сиреники все дома построены на месте бывших эскимосских яранг (Сиреники, 1960 г.).

Заслуженный деятель культуры РСФСР Александра Парина — руководитель художественной самодеятельности в Сирениках (Сиреники, 1971 г.).

Новое Чаплино. Интернат (1973 г.).

Начальная школа в Новом Чаплино (1971 г.).

Эскимоски воспитательницы детского сада со своими питомцами (Новое Чаплино, 1971 г.).

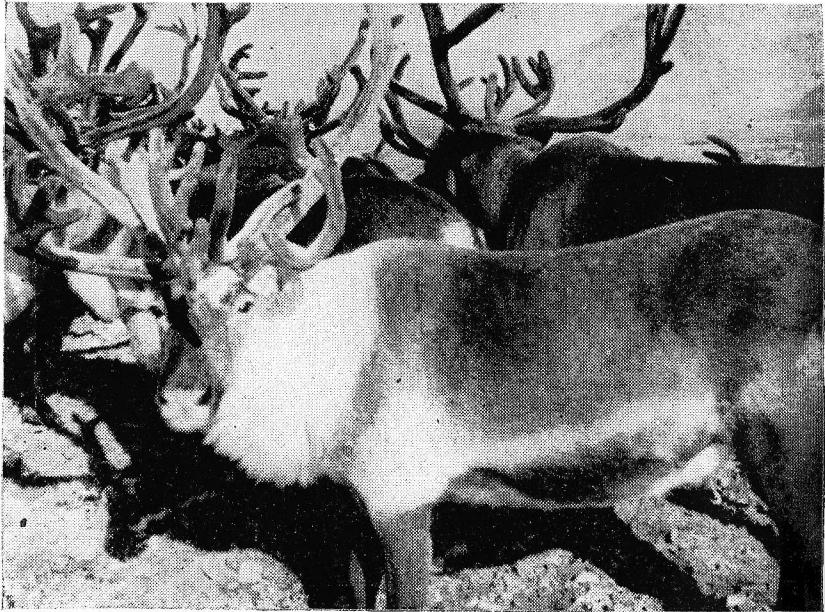

Чаплинские пионеры в лагере на Горячих ключах (1971 г.).

Пастух-чукча из совхоза «Ударник» (Сиреники, 1954 г.).

Эскимос Кали, председатель Лоринского сельсовета (Лорино, 1973 г.).

Морские охотники в заливе Лаврентия (1971 г.).

Учительница-эскимоска
Альма Ыкалук с детьми
и отцом (Нунямо,
1971 г.).

Большая семья эскимо-
са Рентьтепина (Нуня-
мо, 1971 г.).

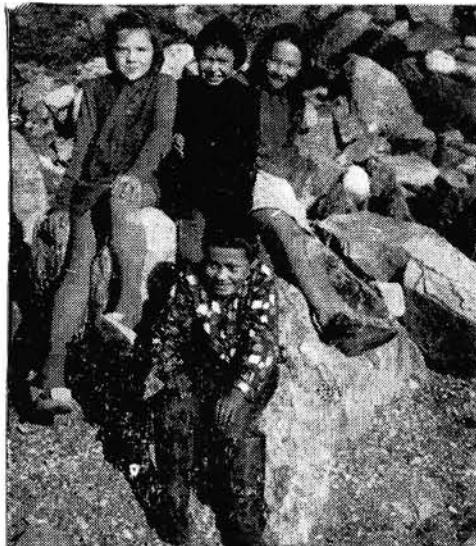
Эскимоски — работницы
столовой в Нуня-
мо (1971 г.).

Разделка кита (Нуня-
мо, 1971 г.).

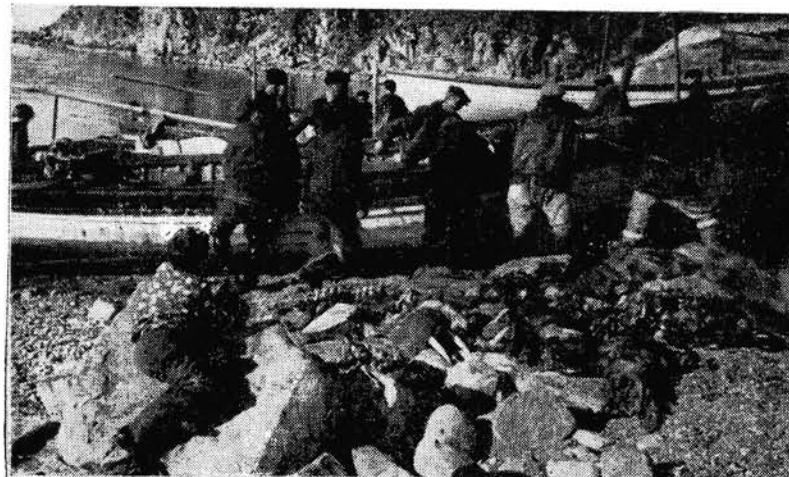
Разделка моржа (Нуня-
мо, 1971 г.).

Школьники во время каникул (Пунямо, 1971 г.).

После охоты (Пунямо, 1971 г.).

Первый день среди моих новых друзей был прожит недаром: установлен контакт с родителями и детьми, я не одинок, у меня много помощников. Вперед, за дело, начинающий учитель!

НАЧАЛО

Комната для учителя, которую мы пристраивали к школе, представляла собой небольшую деревянную коробку размером два на три квадратных метра, высотой в два метра. Стены комнаты были склоchenы из досок в два ряда, а между ними был плотно набит мох. Снаружи стены были обиты мешками, под которыми также находился толстый слой мха. Потолок сколотили из досок, покрыли мхом и засыпали слоем земли. Крышу покрыли листовым железом. Изнутри комнату оклеили обоями, поставили маленькую печурку, сделанную из железного бочонка, деревянный топчан, самодельный столик, и комната приняла жилой вид.

Школы Чукотки в начале 30-х годов не получали в плановом порядке оборудование и стройматериалы для ремонта. Все это приходилось с трудом доставать на заходящих в местные бухты пароходах или в лучшем случае — в котерии, которая могла выделять нам часть досок от консервных ящиков.

Теперь в Сирениках учитель имел комнату и мог не приспособливаться к условиям жизни в яранге, на чем вынужденно настаивали тогда сторонники «теории приспособления» из Чукотского РИКа.

Ремонт школы был закончен седьмого сентября. В классе стояли старые и новые ученические столы, поблескивавшие свежим лаком. Кругом была чистота и порядок.

Перед началом занятий в школе на общем собрании населения Сиреников, Имтука и Кингагак я делал отчет об окончании ремонта и о новых задачах школы. Первый воп-

рос — об окончании ремонта обсуждали очень оживленно. Родители много говорили о том, что Советская власть дала их детям школы, радовались, что маленькие эскимосы могут теперь учиться, как и русские.

— У меня есть внук Юхак. Он очень хочет учиться и просится в школу. Наверное, ты возьмешь его? — сказал пожилой эскимос Савойя.

Его младший сын Умкауе учился в третьем классе нашей школы. Савойя умел говорить на английском жаргоне. Он научился этому, будучи гарпунщиком на китобойном американском боте. Савойя — один из передовых охотников Имтука, горячо поддерживал все начинания Советской власти.

Набор новых учеников в 1932/33 учебном году производить было нельзя, поскольку все старые оставались в школе. Работать со всеми классами предстояло мне одному, поэтому прием был перенесен на следующий год. Савойе пришлось сказать, что его внук Юхак пойдет учиться только в будущем году, а чтобы ему не было скучно, пусть он приходит на пионерские занятия. Юхаку было восемь лет, и он вполне мог подождать еще год. В таком же положении оказалось еще несколько детей.

Когда я стал говорить о задачах школы в учебном году, о перестройке работы по новым программам, мою речь никто не понимал, несмотря на хорошего переводчика. Я почувствовал, что аудитория не подготовлена к пониманию сложных вопросов педагогики и что говорить надо было о простых вещах, связывающих школу с населением. Для меня самого начиналась нелегкая школа жизни.

В руках у меня список учащихся по классам, где значится: «I класс — 12 человек, из них мальчиков — 7, девочек — 5, возраст от 8 до 11 лет; II класс — 18 человек, из них мальчиков — 10, девочек — 8, возраст от 11 до 16 лет; III класс — 11 человек, из них мальчиков — 7, девочек — 4, возраст от 13 до 17 лет».

Преобладание мальчиков в старших классах объясня-

лось тем, что первые годы в школу шли не все девочки, часть их не учились по причинам семейного и бытового порядка. В первом же классе учились уже все дети.

Я прочитал родителям список детей, которые должны были явиться завтра. Собрание одобрительно приветствовало сообщение о первом дне работы школы. Даже немного обиженный за своего внука Юхака старый Савойя встал и громко сказал:

— Ничего, Юхак будет ждать будущий год. Дай только мне книжку с картинками для него.

Я дал старые буквари для Юхака и других детей, которые придут в школу через год, удовлетворив тем самым желание родителей.

— Таватын! Пинипихтук!* — восклицали родители, расходясь домой с затянувшимся собрания.

Утром над домиком поднимется красный флаг, впервые в этом году созывающий детей в обновленную школу.

КРАСНЫЙ ФЛАГ

На крыше школьного домика возвышается мачта с веревками, как на корабле. Каждое утро сторож Тиуля в назначенный час подходит к мачте и, отвязав веревки, торжественно поднимает флаг.

Маленькое здание школы переполнено радостными, смеющимися мальчиками и девочками. Они кричат, оживленно переговариваются между собою, не скрывая восторга по случаю начала учебного года. Сегодня они получат новые книги, тетради, карандаши и дома покажут родителям свои учебники с интересными картинками, которые рассказывают о жизни других народов, иных, теплых краях, а также о родном Севере.

* Таватын! Пинипихтук! — Так! Хорошо!

Звонок. Первый звонок, призывающий детей к тишине и порядку. Все тихо сидят на своих местах и ждут, что им скажет новый учитель. На лицах теперь серьезное выражение. Все насторожились.

— Ребята! Сегодня вы снова пришли в школу, снова начинаете учиться. Ваша прежняя учительница Екатерина Семеновна Рубцова уехала на материк, а на ее место прислали меня, чтобы вы могли продолжать учение. Я не умею говорить на вашем языке, и, наверное, мне будет трудно вас учить, но я очень надеюсь, что вы все будете помогать мне и мы будем работать дружно.

— Пинипихтук! — Хорошо! — хором отвечают ребята.

Я еще говорю о распорядке занятий, о дисциплине, о планах на будущее. Ученик Атата переводит мою речь на эскимосский язык. Взрослые гости, члены нацсовета и школьного совета, одобрительно кивают головами и тихо переговариваются. О чем они говорят? Мне хочется знать их мнение обо всем, что я сказал, но я воздерживаюсь от вопросов. Сейчас не время для частной беседы. Я кончу говорить.

Слово берет член школьного совета Маки. Он говорит по-эскимосски, и я его не понимаю, но Атата переводит.

— Маки говорит, что прошлый год у нас была учительница Рубцова, которая хорошо учила детей, помогала работать кооперативу, организовала пошивочную женскую артель и учила взрослых по вечерам. Ее уважали родители, любили дети, но она была женщина, и это плохо, потому что ее не слушали старые охотники и шаманы, когда она говорила на собраниях о новых законах, о Советской власти, о заготовках пушнины и морского зверя. Ее не слушали и не давали снимать мерки со шкур морского зверя. Когда сдавали их в кооператив, то говорили: «Если будем шкуры мерить, то не убьем зверя и будет голод, потому что «хозяин моря» будет сердиться, что слушали женщину».

Атата кончил переводить, но Маки продолжает свой рассказ, и Атата опять переводит:

— Маки говорит, что ты мужчина и, наверное, взрослые будут тебя слушаться. Когда был ремонт школы, мужчины слушали, что ты им говорил, собирали плавник и привозили доски для школы. Теперь у нас есть столы для всех учеников, есть уголь и дрова, есть комната для учителя. Ты сам делал ее вместе с мужчинами. Они думали, что молодой русский учитель только маленьких может учить, а ты умеешь работать топором, пилой и другими инструментами лучше наших мужчин. Маки говорит, что это хорошо.

— У нас всегда слушают старых людей. Старики много видели, умные они. Ты все равно как старик: все умеешь и знаешь. Наверное, нам хорошо помочь будешь? — хитро улыбаясь, говорит эскимос Тагругье, бывший торговец американскими товарами.

Он присутствует на собрании учеников вместе с другими охотниками как хозяин школьного помещения. Мне не нравится елейная речь Тагругье.

— Грамотные молодые люди тоже много знают. Учиться нужно, — отвечает ему молодой Ктугье, член нацсовета.

Дети устали от длинных речей взрослых. Я объявляю перерыв.

Все угощаются горячим чаем и сладким печеньем, сидя за свежевыкraшенными столами.

После перерыва раздаем учебники. Мне помогает практикант Тагъек — молодой эскимос из Наукана и Атата. Получившие книги радостно прыгают между столами, и теперь их уже трудно унять.

— Кай, айвых сикуми! — О, морж на льдине! — радостно восклицает первоклассник Гухуге, увидев в своей книжке рисунок на знакомый сюжет.

Все новые и старые книги, выданные школьникам, были обернуты в свежую газетную бумагу самими учениками и имели опрятный вид. У ребятишек — новые сумки, сшитые из цветного ситца. Они бережно укладывают в них книжки.

— О, у меня Красная Армия идет! — всех громче кричал длинный Корона.

— Почему мне старую книгу дали? — жаловалась маленькая Пильгына и, получив вместо потрепанной книги хорошую, вприпрыжку бежала от стола.

Радость переполняла сегодня детские сердца. Вместе с детьми радовались и родители, вспоминая свою трудную молодость. В те далекие времена ничего подобного они не могли видеть.

ТРУДНЫЕ ДНИ

Эскимосы охотно помогали школе не только в ремонте, но и в доставке топлива: его приходилось возить на вельботах или нартах из Провидения.

Сложно было организовать при школе горячие завтраки. Помещение было мало, готовили здесь же, на плите, в углу классной комнаты. Не было посуды, школьникам приходилось есть на тех же столах, за которыми они сидели во время уроков. А горячие завтраки нужны были не только как питание. В местных условиях они стали могучим средством привития гигиенических и культурных навыков через школу всему населению. Бытовые условия местных жителей в то время оставались еще весьма тяжелыми. В школе же каждый ученик перед едой мыл руки, чего он никогда не делал дома. Этот полезный навык через школьников распространялся и на членов их семей.

В Сирениках не было пекарни, а поэтому и хлеба. Правда, хлеб для эскимосов основным продуктом питания не был. Таким продуктом для них было мясо морского зверя, а хлеб и различные мучные изделия — только лакомством. Если эскимос наполнит свой желудок до отказа «русским мясом» (хлебом), то он ни в коей мере не утолит голода и будет чувствовать только неловкость. На школьном совете было решено, что кроме завозных продуктов: масла, сахара, печенья, сгущенного молока, риса, различных круп и

прочего — в меню горячих завтраков будет входить свежее моржовое мясо и китовый жир. Правление промысловой артели обязалось мясо и жир для школы доставлять из своих запасов.

По вопросу о ликбезе разгорелись горячие споры. Пожилые охотники и молодежь настоятельно требовали открытия школы для неграмотных. Но у нас недоставало тетрадей и карандашей, которых только для школьников едва могло хватить до зимних каникул. Получить же письменные принадлежности можно было только из Анадыря, откуда первые нарты в наш район приходили обычно не раньше февраля: залив Креста никогда не замерзает раньше января, а ехать на собаках в холодные зимние дни по его берегу далеко и опасно. Таким образом, ликбез по необходимости приходилось передвинуть до января — февраля, когда привезут тетради. Однако бурно начавшаяся перестройка быта, неодолимый интерес молодых зверобоев к овладению грамотой требовали безотлагательной организации школы взрослых. Перед нами стояла задача: в короткое время подготовить для нацсовета, артели и кооператива грамотных людей из передовых охотников.

Молодой эскимос Кавратагын, счетовод только что созданной сиреникской промысловой артели «Ударник», в открытии школы для взрослых был заинтересован более всех, так как год учения в школе и год на ликбезе у Рубцовой дали ему недостаточно знаний, чтобы вести трудное счетоводное дело в колхозе.

— Как же мы будем жить? Как работать? У нас артель, а считать умеем плохо. Как будем деньги выдавать охотникам за шкуры и жир? Я не умею ведомости составлять и другие тоже. Что же делать?

Действительно, что же было делать, когда нет тетрадей, а учить людей надо, обязательно надо, иначе плохо будет дело с артелью. Здесь полученные знания немедленно должны были применяться на практике. Людей приходилось не просто обучать грамоте, а готовить из них работников,

которые могли бы вести учет в колхозе, делопроизводство в нацсовете, торговлю в кооперативе. Этого настоятельно требовала социалистическая перестройка натурального туземного хозяйства. Кавратагын был безусловно прав, требуя открытия школы, и мы стали искать выход из создавшегося положения. Этот выход был вскоре найден.

В складах Чаплинского кооператива в бухте Провидения уже несколько лет лежал товар, который не находил покупателя среди туземного населения. Это была толстая, очень грубая оберточная бумага. Эскимосам и чукчам в их скромном быту промасленный «пергамент» не был нужен, а сами кооперативные работники, ставшие здесь продавцами, вообще не догадывались этот бумажный запас использовать как оберточный материал при упаковке товаров. Так и валялись рулоны пересохшего «пергамента» на складах несколько лет.

Местные школы постоянно нуждались в писчей бумаге, но использовать бумагу для обертки жировых продуктов в качестве писчей никому не приходило в голову. Только изобретательный секретарь нацсовета Аляляун пользовался «пергаментом», покупая его на вес в кооперативе, поскольку Чукотский РИК давно уже не присыпал для канцелярских нужд нацсовета бумаги. Аляляун встал и скромно сказал:

— Наверное, плохо, что я пишу на такой бумаге, которую будто бы облили нерпичьим жиром и долго сушили. В кооперативе много такой бумаги, только я боюсь, РИК меня ругать будет, что сведения на ней составляю.

Для меня это было приятной новостью, и с большим удовлетворением я сообщил молодым охотникам, что ликбез будет открыт в начале октября. Писать будем на «пергаменте».

Первые дни работы в школе принесли трудности, разочарования и даже неверие в свои силы. Педагогическая работа в эскимосской школе требовала знания этого дела, знания быта, психического склада и особенностей нацио-

нальной культуры. У меня же не было ни опыта работы в национальной школе, ни знания языка и особенностей жизни и быта эскимосских детей.

Первой и большой трудностью стало то, что у учащихся совершенно отсутствовали систематические знания. При мне школа начала работать по новым программам 1932 года. В этом году в школе впервые вводилось понятие о дисциплинах, о которых школьники не имели представления. Так как моя предшественница Е. С. Рубцова работала по комплексным программам 1928—1929 годов, то на занятиях вместо отдельных дисциплин проводились многочисленные беседы. Школьники обладали многими формальными знаниями из области естествознания, географии, обществоведения, но никогда не слышали таких терминов, у них не было системы знаний. Ребята долго не могли понять сущности названий отдельных дисциплин.

На уроках в первые дни дети с большим трудом понимали, когда я что-либо объяснял: это было видно по их недоуменным лицам. Передо мной всталас задача во что бы то ни стало найти тот путь, тот нужный подход к детям, которые сделали бы мой язык понятным, доступным для них. Было совершенно ясно, что за три года школьники очень сильно привыкли к своей прежней учительнице и меня понимали с большим трудом. Надо было искать в своем бедном педагогическом арсенале методы, которые помогли бы мне понять и привлечь к себе детские сердца.

Мне хотелось, пусть в малой степени, овладеть секретом педагогического мастерства моей предшественницы Е. С. Рубцовой, которая достигла несомненных успехов.

Второй трудностью в организации нормальной работы школы было отсутствие специальных программ и учебных пособий. Для национальной эскимосской школы с ее бытовыми, географическими и прочими особенностями программы 1932 года, изданные Наркомпросом для русских школ, были малопригодны. Учителю приходилось самому изменять эти программы, приспосабливая их к местным усло-

виям. Так, например, программы по естествознанию пришлось изменить наполовину, ибо такие темы, как «Огород», «Сад», и подобные им, были чужды северной школе, а в программах по труду темы «Работа над деревом» и «Работа над текстилем» пришлось заменить темами «Работа над костью» (косторезное дело) и «Работа над шкурами» (вышивание орнамента на мехах и выделка шкур). Это приспособливание программ к местным условиям затруднялось еще тем, что отсутствовала методическая литература для северных школ, за исключением немногих брошюр, изданных Институтом народов Севера, но не дошедших до мест. Да и общей методической литературы в школах почти не было, не считая случайно завезенных бюллетеней и брошюр Наркомпроса, которые не могли дать ответа учителю для решения сложных вопросов преподавания в национальной школе.

Преподавание во всех классах велось на русском языке, так как в то время эскимосы не имели еще своей письменности, а изданный Учпедгизом эскимосский букварь «Хванкута игапут» («Наша книга») в 1932 году на Чукотку попал только в 1933/34 учебном году в одном экземпляре.

Учебников в школе было много, но все они уже устарели не только для эскимосских школ, но и для русских, потому что их составляли еще по комплексным программам.

Из учебников были «Школа и труд» — книга для чтения в четырех частях, то есть одна для всех классов; «Счет и труд» — задачник по арифметике, тоже в четырех частях и один для всех классов; «География» Половинкина для четвертого класса; журналы-учебники «Юные колхозники» и «Маленькие ударники» для всех классов; «Наш Север» — книга для чтения; «Письмо и труд» — учебник по русскому языку для всех классов. Кроме того, в нашем распоряжении были буквари и разного рода книги, рассчитанные на русские школы. Все книги, кроме «Нашего Севера», были изданы Учпедгизом Дальнрайона в Хабаровске в разные

годы и разосланы во все уголки обширного края. Когда в русских школах эти учебники приходили в негодность и их заменяли новыми, в районах Крайнего Севера они еще долго продолжали оставаться основными. Пользовались этими устаревшими книгами вплоть до 1933/34 учебного года, когда наконец привезли новые стабильные учебники.

Не имея пособий, трудно было подбирать учебный материал. Чтобы подготовиться к уроку, приходилось подолгу рыться в различного рода книгах и отовсюду по крохам выбирать нужное, а на это уходило ценнное время. Очень многое недоставало, многое приходилось «изобретать» самому.

Трудно было работать сразу с тремя классами. Один учитель с тремя классами в одной тесной комнате! Попробуйте-ка составить расписание рабочих часов для каждого класса на каждый день! Учебный материал необходимо было распределить таким образом, чтобы один класс не мешал работать другим. Работать одному в две смены было бы слишком утомительно, да к тому же дни с осени сильно убывали, и во вторую смену не хватало времени засветло кончить уроки. Зимой последний урок кончался при свечах. Практиканту Тагъеку доверить самостоятельно вести один из классов было невозможно,— его знания оказались слишком слабыми для того, чтобы чему-нибудь научить ребят.

Междуд тем школа начинала расправлять крылья: школьники стали лучше понимать меня, расспрашивать и постепенно ко мне привыкали. Удалось подобрать из разных книг и учебные материалы. Я знал теперь, где и что взять для ведения уроков. Время распределялось на каждый день и час так, что занятие с одним классом не мешало самостоятельной работе других. Когда одна крепость уже взята, не подобает останавливаться перед другой. Не растерявшиесь, я преодолел первые трудности и с присущей юношам уверенностью принялся за штурм последующих.

НА УРОКАХ

Самыми любимыми предметами школьников были математика, рисование, пение и физкультура. Математику полюбили не только школьники, но и взрослые эскимосы. Страсть к счету у них настолько велика, что некоторые в школу и на ликбез приходили только для того, чтобы вдоволь поупражняться в решении задач и примеров. Во время занятий русским языком некоторые дети быстро утомлялись, становились пассивными. Занятия же, связанные со счетом, проходили всегда оживленно и интересно.

Во втором классе у меня был невзрачный, всегда до невозможности неряшливый ученик Пиурауе. Малыш Пиурауе был некрасив от рождения. Его внешность вызывала иногда смех у школьников и у взрослых эскимосов. Но несмотря на такую непривлекательную внешность, Пиурауе был любимым моим учеником и пользовался уважением даже среди взрослого населения за свои математические способности. Это был поистине талантливый математик и способный ученик, и только волнистая неряшливость была ему постоянной помехой.

Когда я проводил занятия по арифметике в четвертом классе, вызывая учеников к доске, то учащиеся второго класса, здесь же рядом самостоятельно решали задачи и примеры, которые я в конце урока проверял вместе с ними. Пиурауе сидел на первой парте, часовое задание выполнял за несколько минут и в оставшееся время наблюдал за работой четвертого класса. В четвертом классе мы проходили дроби и проценты. Когда один из учеников этого старшего класса не знал, как решить задачу или пример, а остальные не могли ему помочь, поднималась маленькая ручонка Пиурауе, и он смущенно, но с постоянной улыбкой на широком лице просил:

— Можно, я отвечай?
Я разрешил ему помочь ответить затрудняющемуся чет-

верокласснику. Ответ всегда был обстоятельный и точный. Меня удивило, откуда этот мальчик мог в совершенстве овладеть искусством счета: ведь с ним никто, кроме учителя, в пределах программы для второго класса не занимался. Кроме того, программа по арифметике для второго класса была совсем элементарная. Часто на уроках занимались мы устным счетом. В устном счете на любые величины Пиурауе превосходил даже своего учителя.

Однажды правление сиреникской промысловой артели сдавало много шкур морского зверя и пушнины в кооператив. Принимал заготовки продавец кооператива одноглавый эскимос Кирги, бывший мой ученик на ликбезе. Между Кирги и членами правления колхоза завязался спор об итоговой сумме: общая стоимость сырья, подсчитанная обеими сторонами, выражалась совершенно разными цифрами, поэтому обратились ко мне. Мой подсчет дал третью цифру. Потом пригласили Пиурауе, в правильности подсчета которого никто не сомневался. Пиурауе подсчитал три раза и получил ту же цифру, что и я. Тогда его авторитет был установлен окончательно, он стал признанным членом всякого рода ревизионных комиссий при колхозе и нацсовете.

Даже такую дисциплину, как математика, в условиях эскимосской школы приходилось приспособливать к местным условиям. Ребята очень легко и быстро решали всякие примеры, но как только дело доходило до задач, они становились в тупик. Для эскимосских детей сложность состояла и в том, что задачи в учебниках были с трудным и непонятным текстом на русском языке. Поэтому для всех классов задачи составлял учитель на местном материале, знакомом учащимся. Вот, например, приспособленная к местным условиям задача для третьего класса: «Колхоз заготовил 300 моржовых шкур. Каждая шкура в среднем весит 100 кг. Килограмм шкуры стоит 80 коп. Сколько всего килограммов шкур заготовил колхоз и сколько они все стоят?»

Эта задача была тоже на русском языке, но, составленная на основе знакомых детям русских слов, она стала им

более понятна. Позже, когда школа перешла на национальную письменность, эти же задачи мы переводили на эскимосский язык. Задачи на родном языке школьники быстро усваивали и решали.

Наглядных пособий в школе не было. Поэтому в своей мастерской учащиеся сами сделали множество различных геометрических фигур и изящных пластинок для счета в первых классах. Весь этот наглядный материал был изготовлен из моржового клыка на уроках труда.

Рисование не было для эскимосских детей чем-то новым, ранее неведомым. В самобытном изобразительном искусстве эскимосов с древнейших времен бытовало вырезывание рисунков на кости, на камне, татуировка, вышивание оригинального орнамента на одежде, вырезывание плоскостных и барельефных изображений на предметах и орудиях труда. Это древнее искусство эскимосов имеет свою историю развития, которая ждет еще детального научного исследования. Бумага, краски и карандаши, пришедшие в эскимосский быт вместе со школой, стали лишь новым техническим средством отражения окружающей действительности.

Вот почему, думается мне, уроки рисования в эскимосской и любой другой школе народностей Севера имели и имеют не только огромное воспитательное значение, но и служат дальнейшему развитию традиционных форм национального изобразительного искусства.

Рисовать эскимосские дети очень любят, и правильно поставленное педагогом обучение этому предмету может дать хорошие результаты.

Для первого и второго года обучения в нашей школе был принят метод свободного рисования. В этих двух классах ребята с удивительной любознательностью изображали окружающую их действительность.

Ребенок рисовал все, что ему нравилось, все, что он видел вокруг себя, прибавляя к этому плоды своего домысла. Роль учителя заключалась в поощрении детей, в разборе

их рисунков вместе с классом и в показе лучшего рисунка детям всей школы. Я никогда не говорил малышу, что рисунок плох, а, наоборот, поощрял его труд, тактично указывая, что если вот так поправить нос или хвост, то рисунок будет еще лучше. Для рисунков мальчики и девочки выбирали совершенно различные темы. Мальчики изображали картины охоты на морского зверя, море со льдами и зверями, птиц, собак, нарты и очень редко вещи домашнего обихода, принадлежащие женщинам. Девочки же исполняли орнаментные рисунки для вышивания, рисовали вещи домашнего обихода и очень редко выходили за пределы этого узкого мира вещей.

В третьем классе метод рисования был в основном тематический. Я предлагал ребятам две-три темы из окружающей их жизни или из прочитанного рассказа. В этом классе учащиеся передавали рисунок довольно точно, и здесь нужна была непосредственная помощь учителя. Если учитель хорошо знает методику рисования, то совсем не обязательно самому хорошо рисовать.

В четвертом классе рисование было предметное. Вначале рисовали с картин, потом с натуры и в конце года перешли к точному изображению геометрических фигур, с правильным наложением на них светотеней.

На доске вывешивали картину, изображающую растения или животных. Нужно было рисунок с картины перерисовать цветными карандашами или красками так, чтобы он был похож на оригинал. Обыкновенно ребята рисовали один и тот же рисунок, что порождало соревнование, и каждый стремился выполнить работу как можно лучше.

Рисование с картин подготовило ребят и к рисованию с натуры. С натуры мы рисовали главным образом предметы школьного обихода, а также виды окрестностей, моря, охоты, но это из-за сложности композиции получалось не у всех.

Чтобы изображать геометрические фигуры, нужно было уметь не только хорошо рисовать, но и чертить, а элементы

черчения были знакомы ребятам по урокам арифметики. Поэтому и здесь обходилось без особых трудностей: ребята выполняли геометрические рисунки так точно, что их можно было использовать в качестве наглядного пособия.

Художественное оформление стенной газеты, украшение школы плакатами и лозунгами всегда было делом самих школьников.

Физическое воспитание для эскимосских детей существовало и до организации школ. Мужчины эскимосы и чукчи издревле знали множество различных игр и празднеств, представляющих собой многообразие физических упражнений, которые предназначались специально для того, чтобы приобрести ловкость, силу и смелость в борьбе с суровой природой Арктики.

Трудный и опасный промысел на морского зверя без огнестрельного оружия совсем недавно требовал от людей исключительной выносливости и храбрости. Человек должен был своим примитивным орудием из камня или клыка наносить верный и смертельный удар зверю,— в противном случае он рисковал погибнуть сам. Старинные спортивные игры северян были жизненной необходимостью для человека. Развлекательный характер таких игр имел второстепенное значение.

В начале тридцатых годов у эскимосов сохранилось еще много древних игр, среди которых была игра, представляющая собою тренировку в беге и борьбе. Все мужское население, включая подростков и стариков, целыми часами бегает по кругу на песке. Этот бег — проверка выносливости. Кто сделает большее количество кругов, первый начинает борьбу с желающими померяться с ним силами. Победивший в борьбе считается самым сильным и отважным человеком стойбища, получает звание умилыка — силача и приобретает всеобщее уважение.

Существуют игры с прыжками. Они дают навык перепрыгивать через льдины, ущелья и другие препятствия во время охоты, игры с бросанием копья и другие.

Во всех мужских играх не участвуют женщины, но они имеют свои игры, главным образом развивающие ритмичность движений и гибкость тела. Женские игры всегда приурочиваются к производственным праздникам, которые бывают очень редко. Всякая женская игра представляет собой ритмический танец, или, вернее, комплекс движений, сопровождаемых пением и звуками бубна. Игры эскимосских женщин не оказывали существенного влияния на их физическое развитие, поэтому они были слабее мужчин. От сидячей жизни в пологе, где они постоянно хлопотали около домашнего очага, их тело и ноги развивались непропорционально.

Вот почему физкультура в национальной эскимосской школе имела огромное оздоровительное значение. Она способствовала здоровому гармоническому развитию подрастающего поколения северян.

Физическая культура в нашей школе была организована для всех классов вместе и проводилась в одни и те же часы. Во время занятий школьники по возрасту и росту разделялись на две группы. С одной группой проводил занятия я, а с другой Атата. В следующем учебном году в эту работу включилась учительница Антонина Филипповна Лоцман.

До моего приезда в Сиреникской школе занятий по физкультуре не проводилось, поэтому начать пришлось с организации элементарных игр, в которых могли участвовать все учащиеся. Отсутствие оборудования и специального помещения, специфические бытовые условия учащихся в сильной степени тормозили применение программ по физкультуре. Программы, рассчитанные на русскую школу, также пришлось в значительной мере изменять и приспособливать к местным условиям. В помещении нашей маленькой школы не было ни одного лишнего метра площади для занятий по физкультуре, поэтому мы вынуждены были даже в холодные зимние дни уроки по этой дисциплине проводить на улице.

Игры и упражнения проходили всегда шумно и весело. Взрослые эскимосы выходили из юрт и с интересом смотрели на упражнения своих детей. Из среды учащихся быстро выдвинулись такие замечательные спортсмены, как Вири и Атата, которые впоследствии самостоятельно проводили с детьми спортивные игры.

Кроме уроков физкультуры по расписанию с учениками ежедневно проводили пятиминутную зарядку, обыкновенно на третьем уроке, когда дети чувствовали себя усталыми.

Физкультура вскоре вошла в быт всей молодежи поселка. В 1933—1934 годах мы организовали в Сирениках спортивный кружок при пионерском отряде и при ячейке ВЛКСМ. Комсомольцы, парни и девушки, охотно занимались в этом кружке, умело сочетая это занятие с военной подготовкой.

Пение в эскимосской школе впервые было введено Рубцовой, и мне пришлось только продолжить это хорошее начинание. У эскимосов не было коллективных песен на своем родном языке, кроме своеобразных монотонных мотивов без слов, исполняемых во время танцев на национальных производственных праздниках под звуки бубна. Каждый производственный танец имеет свое содержание и значительно отличается от другого. При его исполнении танцующие делают быстрые и ловкие движения туловищем, головой и руками, изображая какой-либо производственный процесс во время охоты,езды на собаках, во время плавания по морю, или же имитируют характерные движения и повадки местных животных.

Для каждого танца существует особый мотив, сопровождаемый звуками бубна. Эскимосские песни без слов имеют определенное музыкальное и смысловое содержание, поскольку они неотделимы от танца.

Большинство песен, сопровождающих танцы, имеет

древнее происхождение и носит обрядовый характер. Но есть песни более позднего происхождения, как, например, «Суфлюгак» — ружье, производственный танец, возникший во время появления у эскимосов огнестрельного оружия, или «Мотор», появившийся в их танцевальном репертуаре уже в наше, советское время.

Танец «Суфлюгак» представляет собою имитацию процесса заряжания, прицеливания и стрельбы в моржа на море. Исполняется он под коллективное пение или звуки бубна. Поют все присутствующие, а в бубны играют один или два человека. Число танцующих зависит от характера танца, но чаще всего их двое. Танцующий во время танца делает энергичные горланные выкрики, выражая таким способом крик зверя, птицы, выстрел, скрип нарты, всплески воды, вой собаки, короче — содержание танца. Танец, песня и игра составляют у эскимосов как бы одно целое. Есть песни и со словами, но они носят индивидуальный характер и принадлежат всегда определенному человеку. У каждого охотника есть своя песня, которую он поет только для себя. Песни эти очень несложны и часто носят характер импровизации. Вот, например, песня старого Тнанту, записанная мною в Сирениках в 1933 году.

О-о, аяя-яй, сегодня я видел большого моржа!
На большой льдине видел я его.
Хорошее мое ружье, хорошая байдара!
О-о-о, убью моржа, будет много мяса!

Такая песня слагается на ходу, когда у охотника бывает хорошее настроение, но чаще всего он напевает бесконечно долго мотивы без слов.

Шаманы во время заклинаний также поют песни, но слова имеют скрытый, табуированный смысл, и понять их трудно.

Из коллективных песен, имеющих слова, можно отметить одну игру-песню, которую исполняют эскимосские девушки во время весенних празднеств. Две группы девушек становятся в середине большого круга друг против друга,

взявшись за руки, и начинают исполнять песни, напоминающие наши частушки «на злобу дня». Когда одна группа поет, другая должна выслушивать обидные обличения и наговоры первой, подготавливая в это время свой репертуар. Таким образом, две девичьи группы «бранятся» в своих песнях, обзываая друг друга недостойными и обидными прозвищами, а зрители в это время наслаждаются остроумием девушек и дают оценку игре той и другой стороны. Эта песня-игра не сопровождается звуками бубна.

Поскольку массовых народных песен у эскимосов не было, в школе были введены русские песни, иногда мало понятные детям по содержанию, но очень нравящиеся им своей бодрой музыкой и быстрым темпом, которого нет в эскимосских мотивах. Слух у эскимосских ребят очень развит, и мотив той или иной песни они усваивают исключительно легко и поют правильно. Трудность же заключалась только в усвоении русского текста песни, в произношении слов. Слова во время пения дети произносили с большими искажениями. В нашем репертуаре были песни народные, пионерские и революционные. Уроки пения я проводил для всех классов одновременно, так как это помогало младшим классам хорошо усвоить текст песни и приучало к коллективной дисциплине. Кроме того, в первый год все учащиеся занимались в одном помещении и проводить уроки пения отдельно было невозможно.

Школьный хор скоро завоевал симпатию взрослых. В теплые дни они часто приходили к школе и, сидя на китовых позвонках, внимательно слушали, как поют дети.

Во время урока пения я всегда становился впереди ребят и, взяв в руки палочку, дирижировал. Вначале ребята не понимали моих таинственных взмахов, и каждый пел по своему, но вскоре все научились петь под управлением дирижера.

Ребята очень любили песенку «Волчья стая», которой их научила Рубцова. Часто на улице они собирались группами. Один из них становился впереди, брал в руки палочку

и дирижировал, а остальные выводили тоненькими голосами:

Ночью волчьи стаи
Бродят лесом темным,
Холодно бродягам,
Холодно бездомным.
Выйдут на опушку,
Вслушиваются чутко,
Сядут и завоют
Жалобно и жутко!

Когда дети пели, им помогали взрослые, и получался хор. Особенно хорошо исполняли школьники «Интернационал». Во время революционных праздников на торжественном заседании пели и дети и взрослые.

Мать, усыпляющая своего ребенка, теперь часто тянула не монотонные эскимосские напевы, а мотив новой песни, который пришел в семью через учеников. Содержание русской песни часто оставалось совершенно непонятным детям. Поэтому, когда мы ввели эскимосскую письменность, провиденская учительница Е. С. Сергеева перевела на эскимосский язык русские песни «Красная Армия», «Первое мая» и «Октябрята». Эти песни быстро распространились по эскимосским поселкам, их пели не только дети, но и взрослые эскимосы. Так зародилась новая эскимосская песня, которой раньше никогда не было.

Труд в эскимосской школе имел особенно важное значение в связи с социальной перестройкой старых способов ведения промыслового хозяйства, в связи с внедрением новой промысловой техники и коллективной организации промыслов.

Школа ставила своей задачей научить детей не только читать и писать, но и подготовить к практической жизни, чтобы после школы они могли стать и охотниками, и мотоцистами, и косторезами — умелыми людьми во всяком деле. Для нашего района это было очень важно, так как местные кадры лишь начинали расти.

Ручной труд в школе был одним из воспитывающих факторов. На уроках труда дети знакомились с производственными процессами, учились обращаться с элементарными орудиями и предметами охоты и домашних занятий.

В нашей школе, занимавшей с 1933 года два маленьких домика, было невозможно оборудовать отдельную от класса мастерскую. В домиках с трудом размещались классы, а других подходящих для мастерской помещений в поселке не было. И все же выход нашли. К стене круглого дома полукругом был приделан верстак шириной в шестьдесят сантиметров, длиной в два с половиной метра. На верстаке было размещено четверо тисков, а над верстаком на стене — полочки и приспособления для хранения инструментов.

Программы по труду для начальной школы, составленные Наркомпросом в 1933 году (городской вариант), для эскимосской школы совершенно не годились почти по всем разделам указанных в них работ. Так же, как по другим дисциплинам, программы по труду мы переделали, исходя из местных условий и интересов.

Тема «Первые работы с бумагой» была проведена полностью по программе. Малышам очень нравилось делать из бумаги мельницу, с которой они бегали после урока на улице, восхищаясь ее работой. С удовольствием ребята делали фигурные вырезки из цветной бумаги, а затем наклеивали их на белую бумагу, и получался орнамент. Ребята умели делать бумажные кубы, коробки, лодочки и другие простейшие модели.

Особенно любили малыши работу с глиной. Из глины они лепили различных зверей, птиц и охотничье снаряжение.

Эскимосы с древних времен в своем примитивном хозяйстве в качестве строительного материала употребляли китовую кость и моржовый клык. Из моржового клыка делали наконечники гарпунов, стрел, санки для перевозки байдар по льду, рыболовные крючки, игрушки для детей

и прочие вещи. Из верхнего слоя массивной китовой челюсти изготавливали подполозки к нартам. Ребра кита шли на остов жилища. Кость заменяла железо и дерево. О железе эскимосы совсем ничего не знали вплоть до XVIII века, когда вслед за казаками-завоевателями пришли русские купцы. От них местные жители получили первые медные и железные изделия. Но моржовый клык как строительный материал продолжали употреблять до самого последнего времени. Другим ценным материалом, с которым можно было работать в школьном трудовом уголке, были шкуры морских зверей, главным образом нерпичьи.

Из нерпичьих шкур ребята изготавливали игрушечные жилища, байдары, одежду, а также шили сумки, портфели, вышивали красивые меховые коврики, как это делали эскимосские женщины в пошивочной артели. Работы по дереву у нас не было не только из-за отсутствия материала, но и потому, что этот вид труда не был характерен для чукотского Севера.

Таким образом, содержанием детского труда мы избрали художественную и технологическую обработку моржового клыка, изготовление изделий из шкур морского зверя, вышивание орнамента на ковриках из нерпичьих кож.

И клык, и нерпичьи шкуры, которые заменили нам дерево и текстиль, указанные в программах Наркомпроса, были слишком дорогостоящими материалами, чтобы из них делать ненужные вещи. Мы решили, что в своей школе будем делать полезные вещи для нужд школы и промысловой артели, которая обеспечивала нас сырьем.

Технологический процесс работы с моржовым клыком очень труден и сложен. Клык обладает большой прочностью, и сопротивляемость этого материала при распилювке и обработке велика. Обработка верхнего слоя клыка, эмали, требует приложения значительной физической силы. Для того чтобы дети не тратили зря времени и сил, мы пригласили в школу опытного костореза из промысловой артели, который и заготовлял для ребят полуобработанный ма-

териал. Этот же косторез был у нас инструктором ручного труда. Школа продолжала развивать древнее эскимосское косторезное искусство — рисунок, барельеф и скульптуру.

Шлифовка кости — это первый ручной труд школьников. При шлифовании костяных пластинок, которые мы использовали для счета в первом классе, ребенок приучается правильно держать в руках напильник, пользоваться тисками. Вначале кусок кости обтачивают рашпилем, чтобы скорее придать ему нужную форму, затем шлифуют крупным напильником, а под конец — мелким. После этих процессов кость шлифуют наждачной бумагой, выравнивают грани до нужных размеров, и пластинка почти готова. Теперь ее остается потереть о суконку, и она начинает блестеть.

Второй класс в начале года изготавлял костяные пластинки размером $2 \times 6 \times 0,5$ сантиметра, которые применяли как наглядный материал для счета в нулевке. Когда ребята научились обращаться с инструментами, то стали делать из клыка кольца для салфеток, ножи для бумаги, ручки, а некоторые даже вырезали скульптурные фигурки зверей — нерп, моржей, белых медведей.

Патронташи и охотничьи сумки, которые изготавливали девочки, поступали от нас в колхоз в обмен на клыки и шкуры, а маленькие ковры, художественно расшитые шелком и белой оленевой шерстью, мы обменивали в кооперативе на нитки, бисер и инструменты. Учет, хранение и реализацию готовых изделий производило правление школьного кооператива, созданного в учебных целях Е. С. Рубцовой.

Учащиеся третьего и четвертого классов также изготавливали наглядные пособия для школы. Начали с кубиков. Ученику давали задание: сделать куб, стороны которого были бы равны четырем сантиметрам. Теперь у ребят было трудное задание. Нужно не только правильно отшлифовать фигуру, но и выдержать совершенно точные размеры. Для этого ребята научились пользоваться угольником,

кронциркулем и измерительной линейкой. Форму куба или другой фигуры придают куску кости вначале пилой, а далее ученик обтачивает и шлифует его с помощью различных инструментов. К концу года дети научились делать довольно правильные геометрические фигурки и сделали несколько их комплектов. Среди них были до блеска отшлифованные кубы, конусы, трех-четырехгранные пирамиды и многогранные тела.

И даже то, что в нашей школе труд девочек был отделен от труда мальчиков, нам прощалось. Мальчики делали изящные вещи из кости, а девочки не менее изящные изделия из нерпичих шкур. Часто мы получали письма из соседних школ с просьбой прислать экспонаты нашей «мастерской» в качестве образцов ручного труда. Мы охотно исполняли такие просьбы.

Для записей о выполнении того или иного задания у нас был специальный журнал такого образца.

№ п/п	Фамилия	Краткий перечень работ	Коли- чество часов	Срок выпол- нения	Отметка преподава- теля о выполнении задания
1.	Такыски	Усеченная трехгранная пирамида	8	К 25/I	Выполнено в срок. Хорошо. Меновщики
2.	Тагы	Охотничья сумка	6	К 19/I	Выполнено к 25/I. Хорошо. Лоцман

Такой журнал хранился всегда у дежурного по трудовому уголку, и ребятам было интересно узнавать по нему о результатах своей работы. После уроков по труду дежурные тщательно очищали рабочее место от опилок, обрезков и другого мусора. Инструменты по номерам расставляли по местам. Труд приучал детей к организации рабочего места, к чистоте, порядку и дисциплине.

В свободное от уроков время мы разрешали ребятам работать в школьном трудовом уголке. Тогда они делали такие вещи, которые интересовали каждого в отдельности. Так, одни дети с удовольствием трудились над вырезыванием фигурок морских и пушных зверей, другие занимались художественной разрисовкой моржового клыка.

Кружком по художественной разрисовке клыка стал руководить наш ученик четвертого класса Касыга. Рисунок у него получался лучше, чем у других. Ребята шлифовали целый клык, устранили вытаскиванием трещины, делали его совершенно чистым и карандашом наносили сложный композиционный рисунок. Обычно это были картины быта, северной природы или сюжет из сказок о животных. Иногда ребята делали из клыка спичечный футляр или нож для бумаги, разрисовывая эти вещи тонкими металлическими резцами.

Таким образом, если бы в Сирениках в то время было настоящее школьное здание с комнатой для мастерской, с большим набором инструментов, трудовое воспитание можно было бы поставить на более высокий уровень, так как дисциплинированные и трудолюбивые эскимосские дети с любовью относились не только к усвоению грамоты, но и к овладению навыками труда, столь необходимыми им в жизни.

ПОПОЛНЕНИЕ

Антонина Филипповна Лоцман была одним из тех молодых учителей, которым педагогическую деятельность пришлось начать в трудных условиях работы национальных школ Крайнего Севера. Восемнадцатилетняя комсомолка-учительница прибыла в Сиреники осенью 1933 года после окончания Владивостокского педагогического техникума. Эскимосская молодежь, комсомольцы и пионеры с первых же дней окружили Лоцман

неподдельным вниманием, которое ей и предстояло оправдать своей работой.

Скромная и стеснительная, не знающая языка и местного быта, она в первые дни с трудом разбиралась в новой для нее обстановке. Теперь ее окружала совершенно иная действительность, иная жизнь, чем в большом портовом городе.

Непривычная обстановка, непонятный язык, кажущееся одиночество — все это действовало на Лоцман угнетающе, пока она не окунулась в многообразную и интересную работу учителя северной школы, работу, которая в здешних условиях выходит за обычные рамки работы с детьми на Большой земле.

Не прошло и месяца, как Антонина Филипповна Лоцман без тоски и уже изредка вспоминала о доме, о родных, о Владивостоке и всем своим существом отдалась школьной и общественной работе. Лоцман оказалась способным педагогом и в своей школьной работе умела подобрать ключ к каждому ребенку. Тося, как ее звали все взрослые и дети, стала всеми уважаемой учительницей. Она была душой коллектива эскимосских детей, о которых несколько месяцев назад не имела ни малейшего представления. В 1933 году нам предстояло ввести эскимосскую письменность. По моему настоянию Лоцман начала усиленно изучать эскимосский язык, чтобы обучать детей их родной письменности.

В тех местах Севера, где среди местного населения работает не один, а два-три учителя или других работников культуры, большое значение имеет распределение общественных и школьных обязанностей.

Мы с Лоцман распределили школьную и общественную работу таким образом, что каждый из нас имел определенный участок, за который отвечал персонально. Так, например, я вел первый (у нас это была нулевка) и четвертый классы и руководил уроками труда и физкультуры во втором и третьем классах, которые вела Лоцман. Занятия со

взрослыми на ликбезе были распределены также по группам. По общественной работе я оказывал помощь национальному Совету, правлению колхоза, кооперативу и добровольным обществам, а Лоцман руководила комсомольской организацией, пионеротрядом и организацией женщин. Но во всей этой сложной и многогранной работе мы всегда помогали друг другу.

ВСТРЕЧИ С МОРЯКАМИ

В Чукотском районе до сих пор еще не было строительства новых школ. Несмотря на то, что РИК и Чукотский ОИК каждый год делали в Хабаровск и Владивосток заявки и направляли денежные вклады, школьных зданий все же никто не привозил, и местным береговым школам приходилось ютиться в игрушечных дощатых домиках или в чукотских и эскимосских ярангах. Специально построенных школьных зданий было в районе всего четыре — кульбазовская школа в бухте Лаврентия, Уэленская, Чаплинская и Науканская школы. Функционировать школы начали фактически с 1926/27 учебного года.

В Сирениках для занятий был приспособлен дощатый домик, принадлежавший эскимосу Тагругье. В 1933/34 учебном году учащихся стало больше на один класс, и окружной отдел народного образования командировал в Сиреники еще одного учителя. На новое школьное здание для Сиреников рассчитывать в то время не приходилось, поэтому перед нами возникла проблема оборудования еще одной классной комнаты. Выход был найден не совсем обычным образом.

В распоряжение Чаплинского интегрального кооператива из Владивостока на пароходе везли круглый домик системы инженера Свиньина, сделанный из щитов. Об этом сказал мне сам председатель кооператива Николай Волков.

Этот домик кооператоры решили отвезти в глубь тунд-

ры и организовать там стационарную торговлю для чукчей-кочевников, поскольку правление кооператива и само не знало, зачем им присыпают этот домик. Между тем было очевидно, что в глубь тундры этот сборный домик завезти невозможно, так как, кроме собачьих упряжек, в то время не было никаких транспортных средств.

Мне же очень хотелось получить этот домик под школьное помещение. Домик еще качался где-то по волнам Тихого океана, а о его судьбе уже писали докладные записки и требования. Домик принадлежал правлению интегрального кооператива, поэтому интегральцы вполне резонно мне заявили, что школы находятся не в их ведомстве и домик они мне не дадут. Вместе с тем было сказано, что если РИК согласится обменять этот домик на свой большой склад в бухте Провидения, арендаемый кооперативом, то кооператив, пожалуй, будет согласен на обмен.

Я срочно выехал в Уэлен, где на пленуме РИКа доложил о настоятельной необходимости приобрести круглый домик для школы в обмен на склад в Провидения. Большой провиденский склад, принадлежавший ранее американской фактории, представлял собой гораздо большую ценность, чем домик, поэтому риковцы заявили, что они согласны на обмен, но при условии, если Интегралсоюз возместит разницу в стоимости.

Меня не волновали тысячи, которые исполнком хотел получить вместе с домиком за склад от Интегралсоюза. Мне нужен был домик под школу, поэтому, вернувшись в Провидения, я доложил правлению кооператива, что РИК согласен на обмен, но о денежной компенсации в пользу РИКа умышленно умолчал, боясь отпугнуть этим членов правления кооператива.

На берегу бухты к тому времени лежал уже разобранный домик. Правление кооператива согласилось перевезти его детали в Сиреники. На нескольких моторных вельботах мы перевезли домик. Через некоторое время у нас рядом со старым школьным «зданием», устремив в небо конусооб-

разную крышу, стоял дом, собранный эскимосами под моим «инженерным» руководством.

Отныне в Сирениках красовалась новая школа. Для всех нас — учеников, учителей, которых теперь было два, и для взрослых — это круглое щитовое сооружение системы инженера Свинарина на фоне почерневших и плоских ярангказалось величественным и необыкновенным. Мы ликовали.

Ремонт школ в Чукотском районе, в частности в нашей, всегда тормозило отсутствие строительных материалов. Никто их для школ не завозил, а кооперативы весь полученный с материка материал использовали на собственные нужды. Учителям «предоставлялось право» самим добывать доски, гвозди и краски для ремонта школьного инвентаря. Пожалуй, только знаменитые капитаны-полярники хорошо знали нужды эскимосских и чукотских школ в строительных материалах и писчей бумаге. Это к ним в каждой чукотской бухте, где бы пароходы ни стояли на рейде, на утлых чукотских байдарках вместе с туземцами приплывают учителя и просят поделиться досками и другими материалами. Хорошо, если капитан спросит приехавшего:

— Ну как, товарищ учитель, провел зимовку?

Такое начало уже обнадеживало. Это значило, что капитану еще не надоели, что от него что-нибудь можно получить. Но если капитан встречал приехавшего гостя такими словами: «Что, доски клянчить приехал?» — это значило, что многое не получишь, что кто-то до тебя побывал «с визитом».

Таким образом, единственным источником, где можно было достать доски, гвозди, краски и прочие материалы, были пароходы, куда учителя и совершили паломничество.

Мне самому приходилось не раз бывать на пароходах и иметь дело с судовой администрацией. Мои рассказы об эскимосах, о новой национальной школе, которой приходится работать в таких трудных условиях, иногда благотворно действовали на моряков, и они давали мне доски,

гвозди, а иногда даже школьные тетради из своих скромных запасов.

Осенью 1933 года мне довелось побывать на знаменной китобойной матке «Алеут»: она стояла в это время на рейде в бухте Провидения. На «Алеут» со мной приехали наши сиреникские эскимосы. Команда «Алеута» очень хорошо отнеслась к моим спутникам. Всех эскимосов, а их было восемь, моряки сразу увезли в гости в свои каюты. Гостеприимство моряков было нам как раз кстати. Все эскимосы знали, что они приехали не в гости, а за делом, поэтому после того, как их всех хорошо угостили и повели на экскурсию по пароходу, они начали попутно рассказывать радушным хозяевам о нуждах своей школы, о том, что для ремонта нужны доски и гвозди.

Я в это время успел переговорить о том же с помполитом. Помполит преподнес мне от имени команды подарок для школы — сто штук прекрасных ученических тетрадей из судового запаса. Старший механик «Алеута» из машинного отделения вынес ящик гвоздей разных размеров. Друзья мои имели не меньший успех, получив от команды значительное для нас количество тесу и даже банку масляной краски. Вельбот до краев был нагружен различными материалами. Под дружеские прощальные крики команды мы отплывали от «Алеута», довольные гостеприимством и главное своей удачей. Советские моряки чем могли помогали своим братьям-эскимосам.

В этот год школа получила новый домик, обновленный инвентарь, много угля и дров. Можно было уверенно начинать новый учебный год.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

1933/34 учебный год — год введения родной письменности для эскимосских школ. Введение национальной письменности население встретило с большим энтузиазмом, ибо у соседей эскимосов — чукчей

родная письменность была введена в 1932 году, а эскимосы не желали отставать от них. Эскимосскую письменность ввели сразу в четырех эскимосских школах — в Чаплино, Сирениках, Урелике и Киваке.

В этом году школы были лучше обеспечены письменными и учебными принадлежностями, и обучение родному языку возможно было организовать не только для школьников, но и для взрослого населения. Трудность заключалась в том, что в школах не было ни одного учебника по эскимосскому языку. Еще ранней осенью с первыми пароходами мы ждали почту, с которой должны были прийти первые эскимосские буквари, выпущенные ИНСом в 1932 году.

Но наши ожидания не сбылись: буквари не пришли и в этом году. Учебный год начали без них.

Мы с Антониной Филипповной Лоцман решили, что родную письменность ввести в этом году все же необходимо, и вместе с практикантом Ататой начали изучать и приспособливать к эскимосскому языку латинизированный алфавит из чукотского букваря «Челгыкаликал», составленного В. Г. Богоразом. Алфавит этот для эскимосского языка был не совсем приемлем, так как некоторые эскимосские звуки значительно отличались от чукотских. Тем не менее этот алфавит мы решили использовать.

В то время никто из эскимосских учителей не был знаком даже с элементарными основами эскимосской грамматики, каких-либо учебных пособий или научных описаний этого языка не было, что очень затрудняло работу по введению письменности. В то же время в далеком Ленинграде, в центре создания национальной письменности и литературы для ранее бесписьменных малых народностей Севера, создавались и печатались учебники на родных языках, которые не доходили вовремя до мест. Эскимосский букварь «Хванкута игапут», изданный в 1932 году, искал своих путей на далекую Чукотку, заблудившись где-то в лабиринтах почтовых складов.

Мы варились в собственном соку. Каждая школа по-своему вводила национальную письменность.

Я работал уже второй год и практически был знаком с разговорным эскимосским языком. Лоцман тоже быстро усваивала язык, что значительно облегчало наше трудное начинание. Учащиеся третьего и четвертого классов всячески помогали нам, проверяя каждое эскимосское слово, которое писалось на доске.

Старшие классы быстро усвоили латинизированный алфавит, поэтому там мы начали с первых же дней писать не только отдельные слова, но и целые предложения, переводили с русского простейшие тексты, накапливали словарь. Работа по родному языку с учащимися в то же время и для нас, учителей, была хорошей школой.

В нулевке изучение родного языка мы начали с самых простых звуков и слов. И вот, когда работа по введению эскимосской письменности стала развертываться в нашей школе, я получил записку от заведующего Чаплинской эскимосской школой Николая Андреевича Братышкина, который писал:

«Георгий Алексеевич, сегодня (15 ноября) в юрте эскимоса Матлю мною обнаружен один экземпляр эскимосского букваря «Хванкута игапут», который мы ждали для своих школ. Букварь этот привезен сюда из Ленинграда студенткой ИНСа Бычковой, которая и подарила его Матлю. Матлю не хотел отдавать букварь школе, и нам пришлось действовать официально: мы под расписку взяли у него букварь, чтобы вернуть весной обратно, а сейчас использовать его как руководство для введения новой письменности. Ольга уже принялась снимать копии букваря через папиросную бумагу для Вашей, Уреликовской и Кивакской школ. Когда Вы получите эту копию, то можете размножить с нее еще сами, используя для этого копировальную и папиросную бумагу. Букварь хорошо издан, имеет алфавит, наглядный материал и хорошие иллюстрации, однако в тексте имеются ошибки — учтите это при его использова-

ни. Копию пришлем через неделю. Пишите свое мнение о букваре, когда получите копию.

Привет Лоцман и Атате.

Ваш коллега Братышкин».

Это сообщение для нас было очень кстати: теперь можно было смелее продолжать дело по введению родной письменности.

Полученная из Чаплинской школы копия букваря произвела настоящую сенсацию в нашей школе. Мы с Лоцманом по целому уроку потратили на демонстрацию «букваря» в своих классах. Только и слышны были возгласы: «Кай, юпигыстун! — О, по-эскимосски!»

В школу приходили даже взрослые посмотреть книгу на своем родном языке, но, к сожалению, она не производила на них захватывающего впечатления, так как была переведена на папиросную бумагу.

С полученной копии букваря мы сняли еще десять копий и весь состав нулевки у нас был обеспечен «книгами». Малыши были нескованно рады даже этим примитивным рукописным книгам. Они подолгу рассматривали незамысловатые картинки, изображающие их родной быт, хотя эти картинки были плохо перерисованы нашими же учениками с копии букваря, которую прислали нам из Чаплино.

Второй, третий и четвертый классы национальную письменность проходили без букваря. Из букваря мы заимствовали только латинизированный алфавит, а весь материал по родному языку готовили заранее с лучшим нашим переводчиком Ататой и другими молодыми эскимосами. Мы переводили небольшие рассказы, записывали короткие тексты из живой эскимосской речи. Весь материал по родному языку проверяли предварительно с учениками четвертого класса или же на ликбезе со взрослыми.

Четвертый класс был выпущен еще в 1932/33 учебном году, но в новом году (1933/34) мы задержали бывших чет-

вероклассников еще на полгода в школе, с тем чтобы обучить их родной письменности. Кроме того, мы решили повторить пройденный материал по остальным предметам, чтобы ребята могли поступить в следующем учебном году в пятый класс неполной средней школы при Чукотской культбазе, которая должна была там организоваться в новом учебном году.

В нулевке русский язык не проходили совсем. Преподавание в этом классе шло только на эскимосском языке. В начале тридцатых годов в эскимосские школы малыши приходили совершенно без всякой подготовки, не имея никаких, даже самых элементарных культурных навыков. О знании русского языка дошкольниками не могло быть и речи, так как в Чукотском районе дошкольной работы не было вплоть до 1934 года, и только летом этого года были организованы первые детские сады.

Малыши нулевки хорошо усваивали основы родной письменности. Я к этому времени имел уже достаточный запас эскимосских слов, чтобы вести уроки на родном для школьников языке. У эскимосских детей исключительно хорошая зрительная память. Когда мы от написания палочек, крючков, от фигурного письма перешли к изучению букваря, то сразу же встретились с удивительной конкретностью мышления малышей. Первое слово, которое мы начали писать на доске и в тетрадях, было слово «ама» — волк. Когда я написал его на доске и объяснил ребятам, что оно означает, ученик Пананкауан встал и спросил по-эскимосски:

— Нагу ама? — Где волк?

Я еще раз показал на доску и даже несколько раз вместе с ребятами прочитал это слово, но они не представляли, как это может быть слово «волк» без самого волка. Тогда я мелом нарисовал на доске волка и под рисунком написал «ама». Теперь все были удовлетворены. На второй день малыш Карнахак, вызванный к доске, отчетливо написал это слово, а за ним и другие.

Нулевка успешно продвигалась вперед, и к концу учебного года с малышами был пройден весь алфавит. Ребята свободно читали тексты из букваря «Хванкута игапут», хорошо писали, считали и решали примеры в пределах первых трех-четырех десятков. Подготовки были готовы поступить в первый класс, но не все обладали одинаковыми способностями.

Дети обучались на родном языке только письму и чтению, поскольку эскимосской грамматики в то время не было. Основы грамматики родного языка учащихся мы постигали через практическое овладение им.

Письменность рождалась болезненно, ошибки приходилось исправлять на ходу, в процессе работы. Букварь «Хванкута игапут», составленный Е. П. Орловой, который только к концу учебного года мы получили в трех экземплярах, не мог удовлетворить всем требованиям введения письменности, так как он имел много языковых и методических погрешностей.

Несмотря на трудности, к концу года мы обучили родному языку не только всех школьников, но и около 60 мужчин и женщин.

Женщины в этом году впервые пошли учиться, а тех из них, кто по семейным обстоятельствам не мог посещать лицебеза, обучали на дому наши славные комсомольцы-культармейцы Атата, Талеко и Ари. Эти подростки через день обходили юрты и обучали женщин-матерей искусству писать и читать на родном языке.

Первыми учителями, на долю которых выпала почетная обязанность вводить эскимосскую письменность, кроме меня были К. С. Сергеева, Н. А. Братьшкин, А. Ф. Лоцман, О. П. Новикова, Н. В. Колесов, Е. Ф. Ольшевская, работавшие в период 1932—1935 годов в эскимосских школах.

ШКОЛЬНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Школьное самоуправление в условиях эскимосской школы было необходимо для того, чтобы приучить школьников к той общественно полезной работе, которую они должны были выполнять и в школе, и особенно среди населения.

Ведущую роль в школьном самоуправлении играла пионерская и комсомольская организации школы, созданные в Сирениках и утвержденные райкомом КСМ в 1933 году. В школе было 30 пионеров и 5 комсомольцев. Комсомольцам-школьникам, ученикам третьего и четвертого классов, было тогда по 16—17 лет. Они входили в организацию КСМ в селе, насчитывающую сначала всего 14 комсомольцев.

Чукотский окрено зимой 1933 года разослал по школам инструкцию, предлагая составить схемы школьного самоуправления. При этом для образца прилагался проект, рассчитанный не на национальные школы Крайнего Севера, а на многокомплектные русские школы. Он ни в коей мере не мог быть использован в условиях эскимосской начальной школы. Школьникам здесь нужно было такое самоуправление, которое было бы понятным и полезным в местных условиях. И мы создали свое школьное самоуправление. В каждом классе избрали старосту. В его обязанности входило назначать дежурных на каждый день, следить за дисциплиной, узнавать причины пропусков уроков. Кроме этого были созданы общая редакция стенной газеты из трех человек и санитарная комиссия школы, самый нужный и важный орган в нашем школьном самоуправлении. Эта схема была понятна каждому ученику. Ребята всегда внимательно относились к своему старосте и уважали его, сравнивая его работу с работой председателя национального Совета. Если назначенный старостой дежурный забывал раньше всех прийти в школу и навести там порядок, ему говорили:

— Плохой ты, старосты не слушаешься!

Внедрение идеи общественной собственности в сознание школьников было одной из важных задач, поставленных перед школьным самоуправлением. За два года моей работы в Сирениках из школы без разрешения не было взято ни одной вещи. Воровства в школе, как и в поселке, в то время совершенно не было, так как оно считалось самым позорным явлением в эскимосской действительности. Поэтому приучить детей уважать и беречь общественную собственность не представляло больших трудностей.

Дети, как и взрослые эскимосы, бережно относились к школьному имуществу. Тот, кто по небрежности или намеренно портил школьные вещи, быстро попадал на страницы школьной стенной газеты «Красный луч», и его подвергали всеобщему порицанию.

После заметки в газете ребята коллективно воздействовали на виновника, и результаты получались замечательные: грязнуля или нарушитель общественного порядка становился примерным учеником.

Советской школе на Крайнем Севере выпала почетная роль первой повести борьбу с вековым бескультурьем, с отсталостью малых народов нашей страны. На Чукотском полуострове, во всех эскимосских и чукотских поселках школа появилась раньше, чем первые медицинские пункты. Единственный врач на весь район мог помочь только тяжело больному человеку, раз в год выехать на места привить оспу детям и осмотреть взрослых. Перестройка тяжелого быта была возложена на школу.

Школа через свою санитарную комиссию, через стенную газету, путем организации массовых бесед с учащимися и населением повела наступление против вековой грязи, против бескультурья, против вредных привычек и предрассудков. Борьбу за опрятный внешний вид учащихся, за санитарное состояние жилищ, где они живут, школа начала с первых же дней, опираясь на свою санитарную комиссию, привлекая к этой большой работе комсомольцев и пионеров.

При Рубцовой все учащиеся умывались по утрам в школе. В условиях эскимосского жилища трудно было организовать умывание из-за отсутствия воды в зимние месяцы, когда замерзает речка и когда для приготовления пищи воду добывают из снега. Родители противились, чтобы дети умывались, объясняя свой запрет религиозными причинами. Мы решили, что если учащиеся будут продолжать умываться только в школе, то необходимые гигиенические навыки не скоро войдут в быт семьи, в быт всего населения поселка. Умывание решили проводить также дома, в ярангах. На эту тему мы провели беседы со всеми родителями.

Санитарная комиссия делала большое дело. Когда дети приходили утром в школу, проворные санитары быстро осматривали их уши, шею, руки, лицо и строго следили за тем, чтобы все дети были чистые и не умывались мочой. Кто не выполнял требований, тех заставляли умываться в школе, где всегда были наготове умывальник и полотенца.

Теперь ребята в школе умывались только перед горячим завтраком. По утрам все стали умываться дома и вскоре примеру детей последовали многие родители. Если родители шли в школу на собрание или в кооператив за покупками, они обязательно мыли лицо и руки, и в этом была заслуга школы. Гигиенические навыки становились достоянием всего населения. Мальчики были подстрижены, носили бумажное белье, голова и руки у них были чистыми. Девочки стали ходить в опрятных, расшитых орнаментом камлейках и даже в платьицах, в косы вплетали яркие ленты.

Мы не заставляли девочек стричь косы, но сказывалось влияние больших чукотских береговых селений. Во время летних каникул девочки-пионерки нашей школы побывали на районном слете и видели там, что их подруги из Наукана и Уэлена стриженые. Они там же последовали их примеру. Когда девочки вернулись домой с районного слета без кос,

родители их были возмущены до крайности. Старые люди в поселке ворчали, «хозяин земли» шаман Анкауге вещал детям болезнь и смерть за такое кощунство. Анкауге категорически запретил своей дочери Анкане, лучшей ученице второго класса и активной пионерке, стричь косы. Он грозился не пускать ее в школу.

— Я тоже хочу остричь волосы,— говорила в школе заплаканная Анкане.

Санитары решили защитить Анкану и рассказали об этом пионервожатому Вири. Вожатый второго звена комсомолец Вири сказал тогда на собрании школьников:

— Анкауге говорит, что если Анкане будет стричь косы, то у них вся семья заболеет и кто-нибудь умрет, а Анкауге сам не убьет в море зверя. Почему у других никто не умер? Нам раньше тоже старики так говорили, а мы теперь без волос и все здоровы. Мы сами волосы Анкане острижем, а когда Анкауге увидит, пусть поругается.

Довольная Анкане через несколько минут осталась без кос. Примеру Анканы последовали еще три девочки. Пионеры боролись против невежества своих отцов.

Дома Анкауге не разговаривал со своей дочерью, даже не ругал ее, а выжидал, что будет в их семье после такого поругания старых обычайев. Анкауге очень любил свою черноглазую дочку, и вскоре все ей простил. В семье же все были здоровы, как и прежде.

Полезная работа санитарной комиссии школы была признана всем населением, поэтому актив национального Совета и комсомольская ячейка стали просить меня разрешить школьникам-санитарам проводить работу по санитарной культуре не только в классе, но и во всем поселке. Мы решили расширить состав комиссии и привлечь к этой важной работе молодежь.

Теперь санитарная комиссия имела в своем составе двух представителей от комсомола и трех школьников. Комсомольцев ввели в комиссию поучиться у наших санитаров проводить оздоровительную работу, чтобы позднее создать

отдельную санитарную комиссию или секцию при национальном Совете.

Санитары в план работы среди населения на первое время включили следующие пункты: содержать в чистоте полог и коридор яранги; не кормить собак из посуды, в которой ест семья; не употреблять мочу для мытья рук и лица; прекратить чистку посуды посредством вылизывания языком; мыть посуду водой и вытираять полотенцем; раз в шестидневку проветривать на морозе спальные шкуры.

Выполнение этих требований считалось обязательным для каждой семьи, а особенно для тех семей, где есть дети-школьники.

Больших требований в то время ставить еще было нельзя, но санитарную пропаганду вели в широком масштабе, и она выходила за пределы указанных пунктов. Уход за своим телом, стирка нательного белья, о которой эскимосы и понятия не имели, соблюдение гигиены при уходе за маленькими детьми — все эти требования санитарии внедрялись систематически и неукоснительно.

Национальный Совет и школа для выполняющих все требования санитарной программы выделили несколько ценных премий — тазов, чайников, а также отрезов на пласти и готовое белье.

Первыми, кто в Сирениках начал стирать белье, были пионеры нашей школы. Эскимосские женщины никогда ничего не стирали, не мыли, а поэтому полотняное платье или рубашку мужчины и женщины носили до тех пор, пока они не разваливались от ветхости и грязи.

Мне запомнился один замечательный случай. Проходя с ружьем по берегу маленькой сиреникской речки, я увидел разместившихся на камнях трех ребят, которые, согнувшись, с большим увлечением перебирали в своих руках какие-то тряпки. Когда я подошел и спросил, что они делают, на меня с удивлением уставились три пары глаз, и один из ребят сказал:

— Ты нам всегда говоришь, что нужно стирать рубашки, чтобы чесотки не было. Вот мы и моем свое белье. Только вода уж очень холодная, руки мерзнут.

Милые, смешные дети! Они и не знали, как радостно мне было видеть это хорошее начинание! Все трое сидели на корточках и усердно комкали в своих раскрасневшихся от ледяной воды руках намыленное белье. И всего примечательнее в этом прекрасном начинании было то, что среди ребят был наш признанный «замарашка» Пиурауе, которому и принадлежал этот почин.

Случались, правда, и непростительные курьезы в работе с населением поселка. В Сирениках никогда не было бани, поэтому те эскимосы, которые хотели соблюдать требования санитарии, вынуждены были мыться в своих тесных пологах.

Летом 1933 года, когда я уехал на учительскую конференцию на Чукотскую кульбазу, сиреникский секретарь национального Совета Аляляун, пользуясь моим отсутствием, позвал к себе в юрту комсомольский актив и сообщил, что он написал приказ о том, что сегодня же все здоровые жители поселка должны помыться в речке. Аляляун имел беспрекословный авторитет среди молодежи, и его слова для комсомольцев были законом. Молодежь, жаждая до всякого рода нововведений, радостно подхватила приказ Аляляуна, но что было со старыми охотниками и женщинами, трудно себе представить. Несмотря на энергичные протесты многих односельчан, Аляляуну и его ретивым помощникам удалось-таки заставить лезть в ледяную воду горной речушки всех моих учеников, комсомольцев и даже часть мужчин и женщин, которые наскоро окунувшись, бежали отогреваться в свои меховые пологи. Таким образом многие были «перемыты». К вечеру этого же дня я с группой пионеров вернулся с конференции. На берегу нас восторженно встречали ученики и молодежь. Многие из них были в чистом белье и с еще не просохшими волосами.

— Мы были сегодня в бане, Аляляун баню делал!

— Оч-чень холодная баня!

— Старые люди оч-чень сердились!

Я сразу понял, что Аляляун натворил глупостей, которые нужно теперь долго исправлять. Аляляун стоял здесь же и виновато улыбался. Мне было понятно, почему старики не пришли встретить нас на берег. Они были сердиты на Аляляуна.

На другой день несколько человек лежали больные, а у моего ученика Ктуге даже поднялась температура. На общем собрании жителей поселка Аляляуну и его помощникам основательно попало от старииков, которых полностью поддержал и я.

Самыми культурными людьми в эскимосской семье становились дети. Дети несли гигиенические навыки из школы в семью. Они подавали наглядный пример своим родителям. Многому нужно было еще учиться взрослым, чтобы преодолеть вредные обычаи и привычки.

В день празднования годовщины Октябрьской революции в 1933 году семь лучших семей были премированы ценными подарками от правления колхоза, школы и национального Совета за образцовое состояние жилищ, и это было несомненным завоеванием школы.

БОРЬБА С ШАМАНСТВОМ

Антирелигиозная пропаганда, проводимая школой среди учащихся и населения, была, пожалуй, самым трудным участком работы. Требовалось хорошо знать историю, обычай и религиозные представления эскимосов, чтобы успешно вести борьбу с шаманством и бытовыми предрассудками эскимосов: они еще глубоко верили в добрых и злых духов, в возрождение умерших, в жизнь в потустороннем мире.

Я, начинающий сельский учитель, имевший только среднее педагогическое образование, не знал тогда ни исто-

рии эскимосской религии, ни ее современных проявлений, поэтому с первых же дней жизни в Сирениках стал пристально присматриваться к быту эскимосов, изучать их обычай, праздники и наблюдать за деятельностью домашних и профессиональных шаманов.

Антирелигиозный материал мы увязывали с учебной работой. Так, например, на уроках естествознания я насыпал антирелигиозным содержанием рассказ о причинах ветра, дождя, грозы и других природных явлений. По эскимосским верованиям, дождь идет потому, что души мертвых пляшут на небе, или потому, что маленькая девочка, живущая на небе, сидя на моржовой шкуре, обмочилась. Гром бывает потому, что маленькая девочка, живущая на небе, сидя на моржовой шкуре, повернулась и согнула ее: шкура сухая и при изгибании издает треск. Ветер — дыхание злого духа — тугныгака.

Девочка, живущая на небе, персонаж многих эскимосских легенд и сказаний, поэтому некоторые явления природы объясняются действиями этой юной небожительницы или же другими причинами мистического характера. Вот почему необходимо было противопоставить этим религиозным представлениям детей самые простые понятия о действительных естественных причинах тех или иных явлений природы.

Часто по случаю домашних производственных праздников родители не пускали учеников в школу. С этими запретами родителей приходилось бороться на протяжении всего времени моей работы в Сирениках. Дело в том, что у эскимосов нет общего национального праздника, который проходил бы в одно время для всего населения, а у каждой семьи или группы родственных семей существует свой производственный праздник, на который приглашают и соседей. Эти праздники шли один за другим обычно в зимние месяцы и отражались на посещаемости. Мне приходилось заранее узнавать, когда у того или иного охотника будет праздник, и договариваться с ним, чтобы ребенка в этот

день отпустили в школу. В большинстве случаев ребята приходили, но иногда ученик «заболевал» из-за праздника и являлся на второй день.

— Завтра у нас будет праздник кита, но я приду в школу, потому что я пионер, — высказался однажды ученик Кинок.

Этот поступок школьника я использовал как пример для других учеников, и пропуски по случаю религиозных праздников почти прекратились. Если иногда кто-то пропускал уроки, то такому нарушителю дисциплины ученики говорили:

— Э! Плохой ты пионер, шаманов слушаешь, а в школу не ходишь. Так不好оно делать.

Малыш при этом краснел и уж впредь старался не пропускать занятий. Инициатива борьбы за посещаемость переходила в руки самих учеников.

Во времена обрядовых торжеств эскимосы приносили жертвы своему богу — тотему. Бог-тотем у каждой родственной группы или семьи разный: у одних это морж, кит, у других — олень, песец или какой-либо иной тотем-покровитель. Праздник обыкновенно начинался после хорошо удавшейся охоты на морского или пушного зверя.

Я расскажу о празднике сиренинского эскимоса Кыргылькона. Родовым богом-покровителем семьи и родственников Кыргылькона был белый песец, поэтому он праздновал праздник песца. Шкурка песца, переданная Кыргылькону отцом, пережила уже несколько поколений: сам Кыргылькон говорил, что эта же шкурка была и у его деда. Эту шкурку во время праздника вывешивали над юртой на длинном шесте, в самой же юрте вешали гирлянды различных украшений из маленьких дощечек, изображающих весла, байдары и вообще промысловый инвентарь. Все это было раскрашено кровью и красками.

Часов в двенадцать ночи начался праздник. Почетные гости уже собрались и торжественно сидели по краям большого коридора юрты. Дверь в юрту была плотно закрыта:

злые духи не посетить радостного праздника. Гости сидели тихо. Хозяин Кыргылькон, одетый в парадный, расшитый и увешанный различными амулетами плащ из моржовых кишок, начал тихонько бить в бубен. Члены семьи в праздничных меховых костюмах находились здесь же. Вначале тихие, звуки бубна постепенно усиливались и сливались с таинственным пением хозяина. Жирники были потущены, и в темной юрте суеверным гостям слышались звуки отдаленного пения, бубна и какие-то шумы,— это злые духи носились по жилищу, искали выхода на улицу. Хозяин изгонял их. Пение становилось тише. Теперь хозяин пел славу своим духам-покровителям, помогавшим ему в охоте на зверя.

Когда Кыргылькон кончил свое камлание, начался праздник. Религиозно-обрядовое представление сменилось играми и танцами.

Во второй части праздника первым был танец подростков— девочек и мальчиков. Исполняется он под звуки бубна, пение хором и поощряющие крики гостей. После окончания танца исполнители получают от хозяина подарки: мальчики— ездовую собаку, девочки— торбаса (обувь) или отрез на платье. Сам хозяин тоже не остается в убытке,— ему гости принесли и положили на середину яранги многочисленные подарки. Остальная часть праздника, который иногда продолжается дня два-три, посвящена угожению и национальным играм.

Праздник моржа и праздник кита — самые большие и самые интересные весенние эскимосские праздники. Празднование кроме элементов культа содержит элементы национальной культуры, национального искусства, которые необходимо отличать от шаманства. Умение отличать элементы культа от элементов искусства нам, молодым учительям, приходилось приобретать путем глубокого изучения мировоззрения, быта и всей предшествующей истории культуры местного населения, а для этого подчас недоставало знаний и опыта.

Борьба с шаманством имела немаловажное значение для школы. В 1932 году в Имтуке был любопытный случай со старым эскимосом Рентуге. Рентуге, бывший американский посредник, мелкий торговец и шаман, однажды во время охоты упал в воду и основательно простудился. От простуды у него по всему телу пошли огромные фурункулы. Они настолько измучили его, что он решил освободиться от них путем смерти от «любящей руки».

Смерть от «любящей руки» еще недавно была реальностью в жизни эскимосов и чукчей. Большой и старый шаман захотел уйти в «верхний мир» по этому древнему обычью предков. Обычай заключался в том, что старый человек, чувствующий, что его жизнь становится тяжелой для самого и тягостной для окружающих, выражал желание умереть от руки любимого сына или родственника посредством удушения ремнем. Верили, что после смерти последует возрождение и человек снова станет молодым.

Рентуге приказал своему тридцатилетнему сыну Нутанли задушить его. Нутанли учился уже на ликбезе и поэтому знал, что существуют законы, карающие за удушение старых родителей, как за убийство. Он немедленно пришел к секретарю национального Совета Аляляуну и стал просить у него, как у представителя Советской власти, разрешения задушить своего отца. Аляляун, конечно, не разрешил.

Через неделю старик Рентуге, умоляя добрых духов-покровителей, изгоняющих болезни, дать ему здоровье, привнес им в жертву свой старый, но еще годный для плавания американский вельбот, изрубив суденышко на мелкие части. Административные власти района наказали Рентуге за это штрафом, да он и сам, по-видимому, понял, что никакие духи не вылечат его фурункулов и что нужно обратиться к «русскому шаману»— доктору. Доктор действительно излечил Рентуге, и тот еще долгое время жил и делал прекрасные поплавки из нерпичьих ластов для звероловных сетей сиреникской промыслововой артели «Ударник».

Деятельность шаманов иногда носила явно вредительский характер по отношению к школе, колхозу или кооперативу.

Так, в мае 1933 года правление кооператива объявило о сборе членских паевых взносов. Охотники в этом месяце убили много морского зверя, но правление колхоза не успело сдать сырье в кооператив, поэтому денег у охотников не было. Без денег действительно было трудновато, а тут еще сбор членских взносов. По этому случаю старуха Аринаун пустила гулять по селениям Имтук и Сиреники слух, что ночью она слышала голос духов, которые говорили ей, что если эскимосы будут платить членские взносы в кооператив, то «хозяин моря» рассердится и не даст охотникам ни одного зверя. Местные старики поверили шаманке и даже тогда, когда получили деньги за свое сырье, неохотно платили членские взносы в кооператив. Деятельность шаманки Аринаун вполне увязывалась с конкретной жизнью односельчан.

Через несколько дней, когда членские взносы были полностью уплачены, охотники добыли большую партию моржей. Я напомнил им, что предсказание Аринаун было неверным. Пожилой охотник Панату поднялся и лаконично сказал:

— Наверное, врет она!

Присутствующие засмеялись. Такие случаи, как с Рентуге и Аринаун, никогда не проходили мимо нашего внимания, мы их использовали в борьбе против шаманства, против суеверия населения. Эскимосские дети всегда откровенно рассказывали мне о всех случаях, связанных с шаманством.

Вера в духов, в таинственные силы природы у эскимосов в то время была еще настолько значительной, что ей были подвержены самые передовые, самые культурные эскимосы. Даже такие, как Аляляун, первый воинствующий атеист, активно боровшийся с шаманством, сам еще

недавно верил в силу «добрых и злых духов», с которыми он долго и болезненно расставался.

Вот что рассказал мне Аляляун о своем духовном перерождении:

— Когда у меня тяжело болела первая жена, я был избран председателем туземного Совета. В то время я сильно верил шаманам и сам стал шаманить. Чтобы жене моей стало лучше, я под звуки бубна пел заклинания. Я много шаманил по ночам в темном пологе, стараясь пением и звуками бубна выгнать из своей жены и из жилища злых духов. Во время заклинаний мне казалось, что я слышу голоса духов, что они ищут выхода из моей яранги и сейчас избавят жену от страшной болезни (у жены Аляляуна был рак горла).

В одну из таких ночей, когда я под звуки бубна произносил заклинания, все члены семьи лежали ниц. Я услышал, что в пространстве между пологом и юртой в темноте раздались странные звуки, и мне показалось, что это пролетел дух-избавитель, освобождающий мою жену от болезни. Словами песни я рассказал об этом семье. Кругом стало тихо. Я перестал петь и начал вслушиваться. В промежутке между стеной яранги и полога сидела моя ездовая собака и с ворчанием грызла моржовую кость! А я-то думал, что услышал голос духа-избавителя! Это было первое сомнение в силе моих заклинаний, в существовании духов. Через месяц умерла жена, еще через некоторое время умер ребенок.

В это время у нас в Сирениках жила учительница Рубцова. Она всем говорила, что лечиться надо у доктора, а духи не помогут, что духов никаких нет. Я хотел убедиться в этом и стал наблюдать за нашей жизнью. По эскимосским обычаям, нельзя переносить из чужого жилища задымленные вещи или огонь: будет большое несчастье, который умрет или заболеет.

Я брал незаметно чужие вещи с огня и переносил их в свою или в соседние яранги. Об этом я никому не говорил,

долго наблюдал и убедился, что от переноса чужих вещей никто не умирает.

Аляляун много еще рассказывал мне о разных случаях из быта односельчан, наблюдая которые он пришел к безверию. Но в 1933 году с ним самим произошел случай, показавший, что религиозные суеверия продолжали еще довлесть над ним.

У Аляляуна от молодой жены родилась дочь, и он несказанно был рад этому событию. Днем мои ученики из окна школы увидели Аляляуна, который шел на берег моря и вел за собой старую ездовую собаку. Вскоре он скрылся за яром. По лицам ребят было видно, что Аляляун неспроста пошел с собакой к морю. Я их спросил об этом.

— Аляляун пошел убивать собаку,— ответило мне сразу несколько голосов.

— Зачем же убивать собаку? — спросил я.

Все молчали. Только мой смелый переводчик Атата встал и сказал:

— Когда у нас рождаются дети, то всегда убивают собак и бросают в море. Это подарок родителей «добрым духам» за ребенка.

Через полчаса из-за яра поднялся Аляляун, но собаки с ним уже не было.

Вечером этого же дня я решил откровенно поговорить с Аляляуном. Он был лучшим активистом, первым представителем Советской власти в Сирениках, и его поступок с приношением жертвы мог послужить плохим примером для населения, особенно для молодежи.

— Ты сегодня принес в жертву духам-покровителям свою собаку,— сказал я.— Зачем ты это сделал? Ведь ты всегда и всем говорил, что не веришь ни в духов, ни шаманам. Будут ли тебе теперь верить охотники и женщины?

Аляляун был смущен и взволнован чрезвычайно. Краска заливалась его лицо. Он виновато улыбался.

— Ты знаешь мою старенькую мать. Она очень суеверная и просила меня задушить собаку. Конечно, я не верю

этому. Я не хотел приносить жертву, но мать сердилась и настаивала. Пришлось исполнить ее желание. Ведь ты знаешь, как мы уважаем своих стариков и любим детей. Мне очень стыдно, я секретарь национального Совета и совершил недостойный поступок. Больше никогда не сделаю такого.

Раскаяние Аляляуна, казалось, было искренним. В дальнейшем Аляляун по-прежнему был активным строителем колхозной жизни, а в 1935 году его послали на областные курсы советского строительства в город Петропавловск-на-Камчатке.

На собраниях молодежи, на ликбезе, на вечерах мы постоянно проводили антирелигиозные беседы, читали доклады, всячески разоблачая вредную деятельность местных и приезжих из тундр чукотских шаманов.

«НАМ ХОРОШО!»

Советские революционные праздники на первых порах эскимосы встретили недоброжелательно. Они не понимали содержания этих праздников и в первые годы принимали их за новую русскую веру, противопоставляя их своей первобытной тотемистической вере в добрых и злых духов.

Старики еще хорошо помнили русских попов, которые разъезжали в былые времена по полуострову и принудительно крестили население береговых чукотских и эскимосских поселков, стремясь обратить его в христианскую веру. Многие пожилые эскимосы и сейчас еще имеют церковные свидетельства о крещении и помнят русские имена, которыми их нарекали попы. Эскимос Нутауге, перекрещенный в Андрея Васильевича, и поныне помнит некоторые молитвы, такие, как «Отче наш», и другие.

Эскимосы совершенно не понимали, да и не хотели понимать сущности христианской религии, как церковники ни

старались. Вот почему поначалу советские революционные праздники в Сирениках, проводимые школой и национальным Советом, воспринимались старыми людьми как «русские» праздники. Они думали, что это возврат к той вере с непонятными молебнами и «песнями», к которой их пытались приобщить попы. Потребовалось приложить много усилий для разъяснения сущности Великой Октябрьской социалистической революции, Советской власти, много говорить о роли Ленина и Коммунистической партии в революции, о равенстве всех народов. Говорить надо было доходчивым, простым языком, чтобы эскимосы поняли: революционные праздники — это праздники для всех народов Советского Союза, которым Октябрьская революция дала возможность сбросить вековой гнет эксплуататоров и строить новую жизнь, новую национальную культуру.

За торжество идей Советской власти агитировала сама жизнь. Перестройка хозяйства, жизни и быта эскимосского народа, начавшаяся в первые же годы культурного строительства на Севере, вызвала огромные изменения в сознании людей. Школы, больницы, кооперативы, колхозы, радио, кино, механизация промысла — разве это не конкретная агитация в пользу Советской власти? Старая жизнь уходила в прошлое. Теперь уже все, даже старики, говорили: «Праздник шестнадцатой годовщины Октябрьской революции!»

«Русских» праздников больше не существовало.

Празднование шестнадцатой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в Сирениках было как раз тем переломным моментом, когда все селение признало, что это не только русский праздник, но и эскимосский, чукотский, праздник всех народов нашей великой страны.

У нас уже утвердились свои традиции: и школа, и все колхозное население Сиреников и Имтука всякий праздник, всякое торжество проводили вместе, одной дружной семьей.

К празднику были подготовлены доклад о Великом Октябре, отчет о работе колхоза, школы, рапорты лучших охотничьих бригад, премии для колхозников-ударников, для учеников-отличников, премии лучшим хозяйствам, содержащим в образцовой чистоте свои жилища, угощение для всех и вечер самодеятельности.

7 ноября 1933 года в новом школьном домике, похожем на большую эскимосскую ярангу, с самого утра было шумно и весело. На стенах висели портреты вождей, лозунги, плакаты; на видном месте красовалась большая стенная газета с красочными рисунками и надписями, первая газета на эскимосском языке.

Портреты Ленина и выдающихся руководителей партии висели не только в школе, но и в ярангах эскимосов. Эти портреты нарисовали сами ученики, многие, выйдя из-под кисти наших маленьких художников, мало напоминали великих вождей, но то были творения самих эскимосских детей, и это радовало родителей, радовало нас всех. Жизнь людей изменялась на глазах, и то, чего не было вчера, появлялось сегодня.

Ученики написали и повесили на стенах школы большие плакаты на русском и эскимосском языках. На самом видном месте красовался лозунг: «Хванкута ныкыфнак'ах'пут нутаг'ак' кийах'талъык!» — «Мы строим новую жизнь!».

Эскимосские женщины и девушки, одетые в новые яркие камлейки, увешанные лентами и бусами, мужчины и мальчики в новых кухлянках, а некоторые в модных суконных костюмах со всех сторон окружали нашу трибуну около школы.

Над школой поднялся огромный красный флаг,— это был сигнал к торжественному открытию митинга. Все в сбore. Неутомимый Аляляун взошел на трибуну и открыл митинг. В его короткой речи на эскимосском языке я ясно понимал отдельные фразы: «наш большой праздник... великий Ленин... новая жизнь... школа... артель... комсомол...».

Было радостно слышать речь, выражавшую чаяния воз-

рожденного народа. После речи Аляляуна ученический хор запел «Интернационал» на русском языке. Нежные и хрупкие голоса детей были подхвачены взрослыми, и маленький хор учеников стал мощным хором всех собравшихся. Казалось, что весь мир слушает нас,— так было торжественно и радостно на душе!

После гимна выступали ораторы, говорил я и опять пели «Интернационал», радовались празднику, радовались новой жизни. Ораторы были подготовлены к выступлениям заранее и говорили неплохо. Во время митинга ко мне подошел мой ученик Ктуге и сказал:

— Я хочу тоже говорить.

Мы не знали, о чем будет говорить мальчик, который даже в школе слыл «молчальником», но говорить ему разрешили. Когда Ктуге поднялся на трибуну, опять все стихло. Я не все понимал из того, что говорил мой ученик своим сородичам на родном языке, но говорил он, должно быть, хорошо, так как народ подавал одобрительные реплики, а сидящая на земле старая Киргина, бабушка Ктуге, умиленно плакала от радости, может быть, за своего внука, а может, за новую жизнь родного народа, которой она не видела в молодости.

Вот полный текст речи, произнесенной Ктуге и сохранившейся у меня: «Советская власть дала нам, беднякам, хорошую жизнь. Раньше, когда здесь у нас были купцы американские, они продавали товары только богатым.

Теперь, при Советской власти, есть кооператив, колхоз и школа. Кооператив дает товары всем поровну, а в колхозе люди работают все вместе. В школе учатся дети, чтобы быть грамотными. Старики говорят, что раньше бедному человеку нельзя было весело смеяться, а теперь мы весело смеемся и поем песни. Нам хорошо!»

Этот текст сохранен таким, как его написал и прочитал Ктуге, ученик четвертого класса нашей школы.

После митинга, когда лучшие люди села получали премии от колхоза и школы, опять были хорошие речи. Гово-

рили старые охотники, женщины, ученики. Охотник Ятыгин, в прошлом самый бедный человек во всем поселке, сегодня, получая премию за отличную охоту на морского зверя, от радостного волнения не мог даже сказать ответного слова, а, вытирая от навернувшихся слез стареющие глаза, несвязно проговорил:

— Хорошо... очень хорошо...

После митинга правление артели организовало угождение для жителей поселка, а кто не мог прийти в школу, тому ученики относили подарки домой.

Вечером провели первый в истории Сиреников массовый праздник народного национального искусства. Под звуки бубнов и песен молодые мужчины и женщины, юноши и девушки, разодетые в яркие национальные костюмы, исполняли веселые танцы — «Танец ворона», «Танец моржа» и другие, пели, играли, веселились. Под звуки бубна сегодня пел не шаман, а народ, создающий новую жизнь и свою новую национальную культуру.

Ленинград — Чембар, 1936.

ЗДРАВСТВУЙ, ЧУКОТКА!

Путевые заметки

Рассказ о незабываемых встречах со старинными и новыми друзьями на земле полюбившегося мне навеки чукотского Севера я начинаю с маленького экскурса в недалекое прошлое.

Седьмой раз я посетил край отважных морских зверобоев и оленеводов, здесь почти сорок лет назад произошла моя первая встреча с коренными жителями Чукотки — чукчами и эскимосами. Годы не стерли памяти о юношеских встречах с Чукоткой тридцатых годов, памяти о нелегкой, но увлекательной работе начинающего учителя в эскимосском поселке, о друзьях и товарищах давно минувших лет. Да и могло ли что-либо забыться, если вся последующая жизнь и труд так или иначе навсегда были связаны с постоянно зовущим к себе краем людей, покоривших его суровую природу, а ныне раскрывающих богатые недра земных глубин.

Сравнение прошлого и настоящего — лучший и верный способ познания жизни нескольких поколений людей, их исторических судеб. Если сравниваемые явления и события свершаются в пределах трудового пути одного человека, непосредственно в них участвующего и фиксирующего в памяти своей все пережитое, то рассказ о них представляется более живым и ярким, чем сухое исследование ученого, оперирующего архивными документами.

Каждое посещение Чукотки в довоенные и послевоенные годы открывало передо мною картины разительных изменений в быту, экономике

и культуре местного населения. От первых шагов партии Ленина и молодой Советской власти по переустройству первобытнообщинного уклада жизни коренных жителей Севера в начале двадцатых годов до высот социалистических преобразований их хозяйства и культуры за короткий исторический период пройден огромный путь.

В конце двадцатых — начале тридцатых годов на чукотском Севере все то, что вносило новые элементы в быт, культуру и хозяйственную деятельность чукчей и эскимосов, было первым или начиналось впервые. Так возникали первые национальные Советы в поселках, первые школы, первые больницы, приступали к работе первые учителя, первые врачи, первые советские и партийные работники, появились первые ликбезы, первые грамотные эскимосы и чукчи, первые местные национальные кадры во главе колхозов и местных Советов. Если вы просмотрите ныне первые номера впервые издаваемой на Чукотке окружной газеты «Советская Чукотка», а также первые номера районных многотиражек, то слова «первый», «впервые» привлекут ваше внимание прежде всего.

В этих словах отражались великие социалистические преобразования всех областей жизни народностей советской Чукотки, живших прежде в неимоверно тяжких бытовых, социальных и культурных условиях. Эти емкие по содержанию однокорневые слова звучат на земле преображенной Чукотки: «первая чукотская атомная станция в Билибино», «первая телевизионная вышка», «первый съем золота на новом прииске», «первый кандидат наук — сын оленного пастуха». Здесь, на самой отдаленной окраине нашей Родины, на чукотской земле, особенно отчетливо видны изменения в жизни местного населения.

В начале пятидесятых годов во всех береговых поселках Чукотского национального округа началось широкое жилищное строительство. Местное население из яранг и землянок переселялось в благоустроенные деревянные дома. Вырастали новые здания школ, интернатов, больниц, домов культуры и других культурно-бытовых и просветительских учреждений. Семьи чукотских оленеводов поселялись в домах главных усадеб колхозов и совхозов. Радио, кино, электричество входили в быт каждой семьи.

Значительно повысился уровень материальной и духовной жизни охотников, оленеводов и их семей. Гарантированная денежная оплата труда в местных колхозах и совхозах, плановое и регулярное обеспече-

ние населения продуктами питания и предметами быта — все это содействовало быстрому росту общей культуры в поселках. Теперь местные жители думают не только о хлебе насыщенном, о моржовом или оленем окороке, но и о повышении образования, об удовлетворении своих интеллектуальных интересов.

Весь мир знает имя талантливого чукотского писателя Юрия Рытхэу, произведения которого переведены на многие иностранные языки. Широко известны имена лингвиста чукчи Петра Инэнликэя, заслуженного деятеля искусств РСФСР костореза Туккая, талантливой чукотской поэтессы Антонины Кымытваль, многих чукотских учителей, врачей, зоотехников, руководителей партийных и советских органов — сыновей и дочерей чукотского и эскимосского народов. Все это свидетельствует о торжестве ленинской национальной политики и здесь, на чукотском Севере.

Настоящее Чукотки может быть правильно понято только на фоне ее недавнего исторического прошлого, на фоне пройденного пути от первых лет Советской власти.

Мой рассказ о недавних встречах со старыми и новыми друзьями на Чукотке, о ярких впечатлениях от виденного часто будет перекликаться с далеким прошлым. Надеюсь, что читатель или слушатель извинит меня за подобные отступления.

БОРТ САМОЛЕТА

От Ленинграда до Анадыря около суток воздушного пути. Мощный, комфортабельный, быстроходный лайнер, как в сказке о ковре-самолете, с фантастической скоростью переносит нас из одного края необъятной страны в другой. Именно подобным образом я очутился в Анадырском аэропорту в середине июня 1971 года. Здесь предстояла пересадка на самолет «малой авиации», совершающий местные пассажирские рейсы в пределах Чукотского национального округа. К сожалению, погода для малых «илю» и «аннушек» оказалась нелетной, и я вынужден был надолго погрузиться в жесткое и неудоб-

ное для сна кресло в зале аэропорта. Прошло двое суток утомительного ожидания. Наконец установилась летная погода, и маленький Ил-14 принял на борт пассажиров, улетающих в Лаврентия.

Знакомая воздушная трасса. Местные самолеты и вертолеты летают здесь на высоте птичьего полета и на малых скоростях, поэтому перед пассажирами как бы развертывается красочная панорама арктической природы. Я приналежу в известной мере к категории людей любознательных. Мне интересно видеть не только новые места и встречать новых людей, но и повторно встретиться со всем тем, что видел раньше. Вот и сейчас наш самолет летит над снежными вершинами гор, над пестрой от весенних проталин тундрой, над бухтами и заливами Чукотского побережья Берингова моря. Все это и прежде я видел с самолета, многие места посетил во время научных экспедиций, а в некоторых работал в далекие тридцатые годы.

Ни на минуту не отрываюсь от иллюминатора. Пролетаем над черной полосой песчаной косы Руддер. Здесь самое большое на Чукотке лежбище моржей. Десятки тысяч голов этого ценного морского зверя приходят сюда на отдых после тяжелых зимовок в арктических морях. Море Беринга не освободилось еще от плавучего льда. Весна в этом году значительно запоздала. Вершины гор покрыты снегом, но в долинах рек и в тундре появилась первая зелень, символ неугасающей жизни.

Внизу широкий залив Креста. Белеют многоэтажные здания молодого горняцкого поселка Эгвекинот — центра Иультинского района Чукотского национального округа. Еще в сороковых годах на месте этого поселка было стойбище кочевников-оленеводов. Ныне здесь развивается горнодобывающая промышленность.

Летим дальше. Вот старинный поселок береговых чукчей — Энмылен, где находится отделение промысловово-оленеводческого совхоза «Ударник». За Энмыленом — горы Танирит, за ними — бухта Преображения с чукотским по-

селком Нунлигран. В Нунлигране отделение того же совхоза. За поселком на высоком холме покоится прах моего давнего друга и коллеги, одного из первых учителей Чукотки Ф. И. Пузырного. Его школа в 1934 году заняла первое место в округе за образцовую постановку учебно-воспитательной работы. Умер молодой учитель на трудовом посту от цинги в метельную зиму 1935 года. Пусть добрая память о нем сохранится в сердцах друзей и учеников!

А вот между горами и морем изобилующее рыбой озеро Ачен. В нем нунлигранцы с давних времен ловят горбушу, гольца и чира. Далее выдающийся в море мыс Якук, что по-эскимосски значит «крыло», за ним — река Курупка. В верховьях Курупки — обширные олени пастваща совхоза «Ударник». Мне не раз в предвоенные годы приходилось на собачьей упряжке проезжать по этим местам. В долине Курупки располагалось несколько стойбищ кочевников. Каждого оленевода я знал в лицо, а многие помнят меня и сейчас еще по работе в Сирениках в начале тридцатых годов.

За Курупкой — гора Кынлыгак, а за ней — мой родной, незабываемый поселок Сиреники. Здесь главная база промыслово-оленеводческого совхоза «Ударник», созданного на базе одноименного колхоза. Летим над Сирениками только миг, а в сознании волна воспоминаний о моих первых трудовых днях учителя вот именно в этом древнем эскимосском поселке. Много молодых сил, энергии и, может быть, несовершенных тогда еще знаний отдано было в те годы ученикам.

Но самолет уже плывет над озером Имтук, а за ним давно знакомые прибрежные горы и великолепная панorama бухты Провидения. А вот бухта Ткачен. На каменистом берегу — эскимосский поселок Новое Чаплино. Пролетаем Синявинский залив. Справа остается мыс Чаплино, где ранее находился большой эскимосский поселок, слева, за заливом, чукотский поселок Янракинот.

Под крылом самолета уже Лорино со знаменитым на

всю страну промыслово-оленеводческим колхозом «Путь Ленина» с его крупными оленевыми стадами, зверофермами, теплицами для выращивания овощей и первым на Чукотке птичником. И вот самолет идет на посадку в аэропорту Лаврентия. Мы сходим на землю гостеприимных ее хозяев.

ПОСЕЛОК ЛАВРЕНТИЯ

Поселок Лаврентия — центр Чукотского района. Здесь сосредоточены все учреждения, положенные по штату районному центру. На обширной площади песчаной Катрыткской отмели протянулись длинные посадочно-взлетные полосы аэродрома. Сюда приземляются и отсюда совершают рейсы самолеты и вертолеты местных авиалиний. В поселке большая средняя школа, больница, почта и телеграф, промкомбинат, хорошая баня, гостиница, Дом культуры, несколько магазинов, строительный комбинат, образцовая столовая и другие учреждения, необходимые для обслуживания населения.

Поселок продуманно распланирован. Жилые одноэтажные и двухэтажные дома вытянулись вдоль прямых улиц. Коммунальных квартир нет. Каждая семья имеет отдельную благоустроенную квартиру со всеми бытовыми удобствами. В этом смысле жителям Лаврентия могут позавидовать жильцы коммунальных квартир старых городов.

До Великой Отечественной войны в заливе Лаврентия размещалась Чукотская культбаза. Районный центр находился в Уэлене. Жилые и служебные помещения культбазы сохранились еще и поныне. Это были лучшие строения во всем обширном Чукотском районе. На моем письменном столе и сегодня лежит рисованый моржовый клык талантливого костореза тридцатых — сороковых годов катрыткского чукчи Онно. Этот клык мастер подарил мне в знак нашей дружбы. На клыке надпись: «Зал. Лаврентия. Культбаза. Апрель 1940 года. Мастер и художник Онно». На клы-

ке изображен поселок кульбазы. Первым от залива стоит треугольный домик ветеринарного пункта, вторым — помещение мастерской ремонта руль-моторов и бытовой техники, затем — больница, три жилых дома, школа и интернат. За домами протекала речушка, за нею разместились цинковый склад и дом фактории. А там, где сейчас столовая, ютилось около десяти чукотских яранг, в одной из которых жил мастер Онно, работавший истопником в школе-интернате. За рекой, где теперь большой магазин, стояло еще одно примечательное сооружение — ветряк. Его крылья приводил иногда в движение электромотор, и в окнах появлялся мерцающий свет лампочек. На мысе был второй поселок — Катрыкино. Здесь жили береговые чукчи, занимавшиеся морским промыслом. Самую многочисленную часть населения кульбазы составляли дети — воспитанники школы-интерната.

Кульбазу я знал по работе в Чукотском районе в начале тридцатых годов. В предвоенные годы мне довелось быть здесь директором школы-интерната. И вот в 1967 и 1971 годах, знакомясь с разросшимся поселком, я много раз от жителей слышал слово «бараки». Оказывается, «бараками» в Лаврентия теперь называют те первые кульбазовские дома, что в довоенное время были украшением всего района. Конечно, на фоне белоснежных двухэтажных зданий, воздвигаемых ныне с учетом современных строительных и эстетических требований, старые приземистые бревенчатые здания кульбазы выглядят бедно, но для меня и для любого старого северянина эти строения в памяти остаются дорогими и величественными, поскольку именно отсюда во все уголки Чукотского района распространялся свет культуры и знаний.

Главное, безусловно, не в поселках и не в постройках, а в душевном богатстве и красоте создающих их людей. Здесь, как позже и в других пунктах Чукотки, мне посчастливилось встретиться с людьми необычной судьбы, с моими старинными знакомыми из числа местных жителей,

и с людьми, только еще постигающими специфику, темп и условия жизни в этом далеком краю.

Проблемы хозяйственно-культурного строительства в условиях смешанного национального населения никогда не были просты. В настоящее время на Чукотке функционирует сеть промыслово-оленеводческих колхозов и совхозов*. В этих хозяйствах объединились различные по языкам, традиционной духовной культуре, обычаям и хозяйственному укладу группы местного и приезжего населения. С одной стороны, это береговые чукчи и эскимосы, у которых был сходным хозяйственным уклад в прошлом, но которые различались по языку и обычаям. С другой — бывшие кочевники-оленеводы, отличавшиеся по роду хозяйственной деятельности и обычаям от приморского населения. Кроме того, в колхозах и совхозах появилась значительная прослойка специалистов с Большой земли — экономистов, зооветтехников, ветеринарных врачей, механиков, строителей, работников культурных учреждений. Смешанный национальный состав населения поставил перед партийными и советскими организациями района сложные и ответственные задачи культурно-массовой, хозяйственной и политической работы.

Встреча с лаврентьевцами была для меня приятной во многих отношениях. Были созданы все условия для полевой научной работы в поселках района, куда я должен был выехать в ближайшее время.

УЭЛЕН

Двадцать четвертого июня мы с двумя московскими корреспондентами и группой пассажиров полетели самолетом из Лаврентия в Уэлен.

* В 1975 году последние 11 колхозов в Магаданской области реорганизованы в совхозы.

Последний раз я приезжал в Уэлен зимой 1955 года. Тогда здесь впервые началось жилищное строительство. Воздвигались маленькие типовые одноквартирные домики, куда местные жители переселялись из яранг. Школа была прежней, а интернат располагался в бывшем доме райисполкома. В конце поселка, как и сейчас, размещались постройки полярной станции. Рядом со школой находился магазин. Так было и семнадцать лет назад.

Сегодня необычайно солнечный день. Мы летим на небольшой высоте. Солнечные лучи переливаются в блеске заснеженных вершин скалистых гор. Вот под крыльями появилась синева не растаявшего еще озера Коолен, с трех сторон замкнутого высокими горами. Озеро расположено на середине пути между Лаврентия и Уэленом. Об этом необычайной красоты озере местные чукчи сложили много легенд.

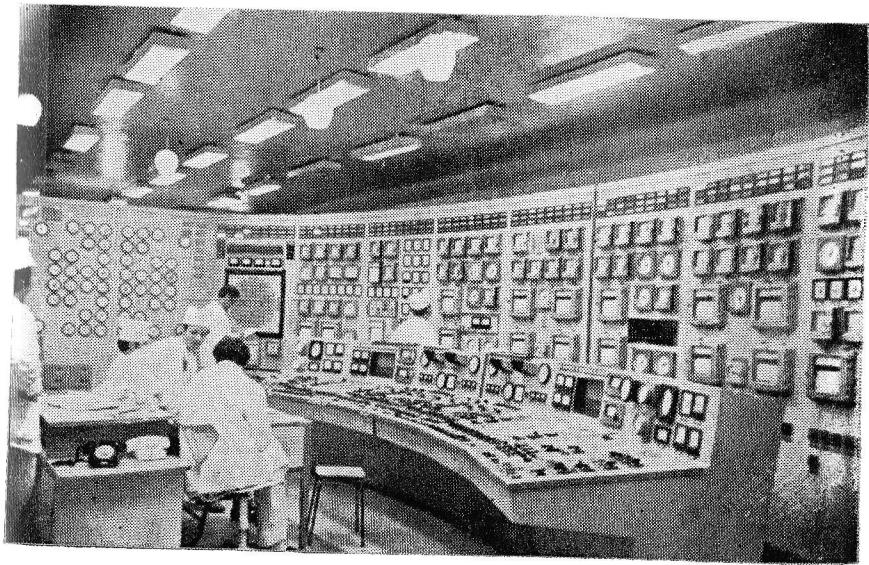
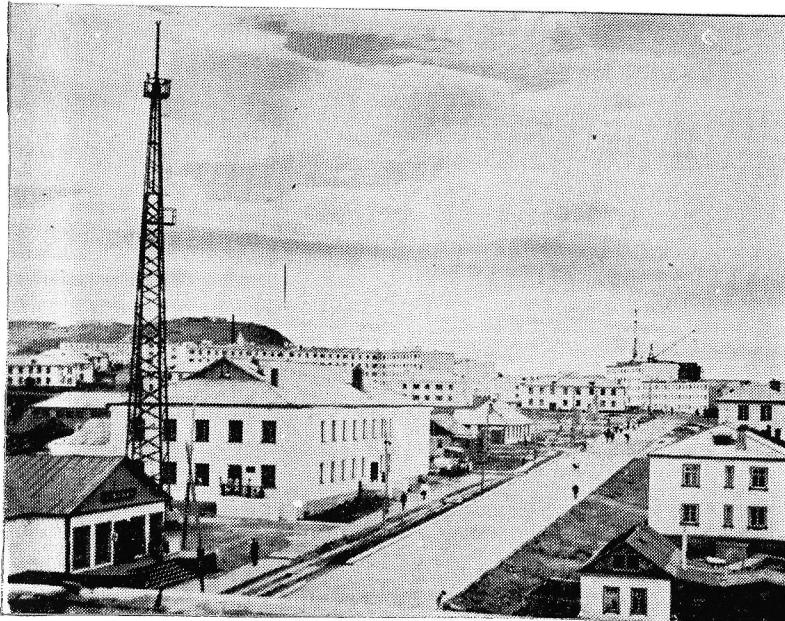
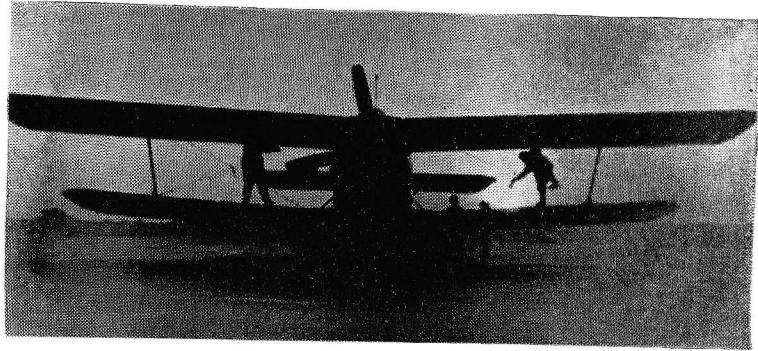
В одной из них говорится, что в бездонном и богатом рыбой горном озере с незапамятных времен живет прожорливая рыба-великан. Она пожирает птиц, садящихся на озеро, похищает оленей, приблизившихся к воде. Придет оленье стадо на водопой, а хозяйка озера тут как тут. Засмотрится неосторожный красавец олень на свое отражение в зеркальной глади Коолена да и окажется в зубастой пасти чудо-рыбы. Перелетные гуси-лебеди облетали озеро стороной, а пешие охотники и пастухи не решались подходить к его берегам, чтобы испить холодной прозрачной воды.

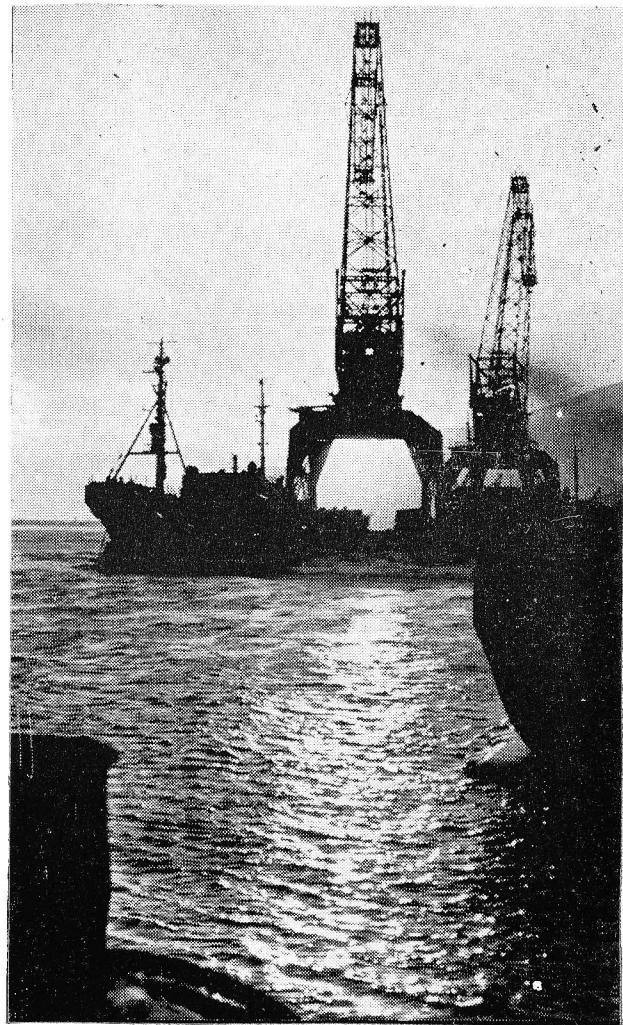
Озеро Коолен, необычно глубокое и живописное, расположено высоко над уровнем моря. Из него вытекает речка Кооленвээм. Это озеро — любимое место лаврентьевских рыбаков-спортсменов. В нем и вправду водятся редкие экземпляры крупной горбуши, гольца, чира и других рыб, достигающих веса пятнадцать килограммов.

Далее летим над пестрой от первой зелени и пятен лежалого снега тундрой. Сопки, вьющиеся нити речушек, — один пейзаж сменяется другим, как в калейдоскопе. С пра-

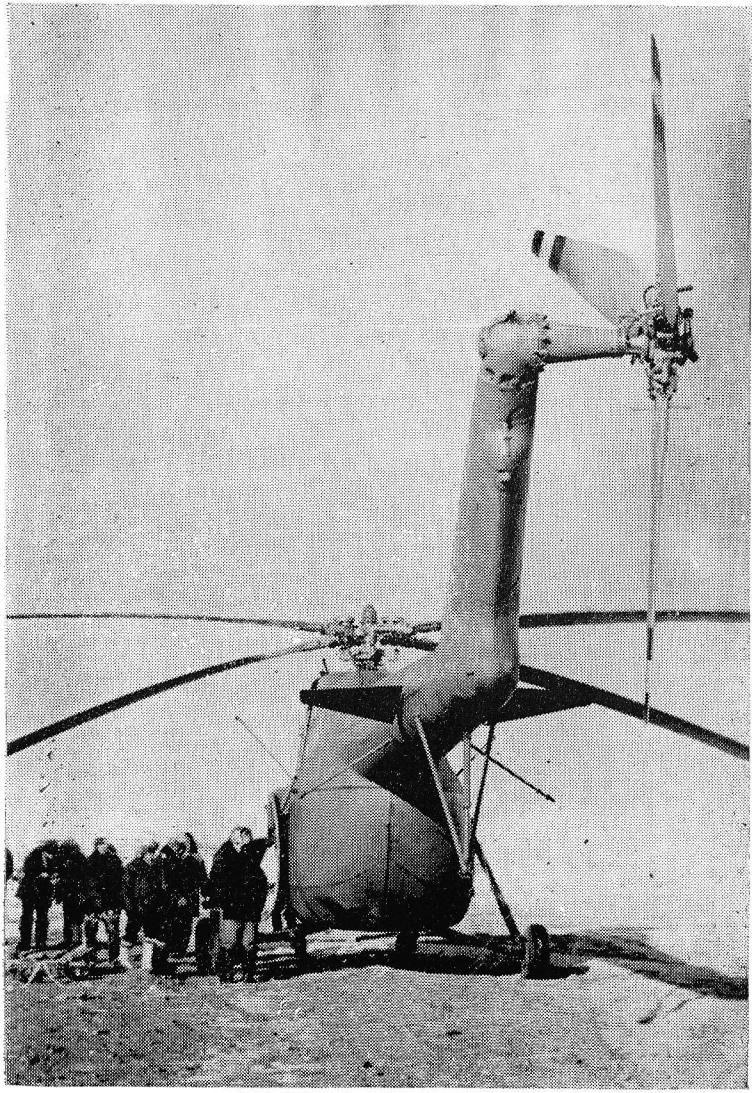

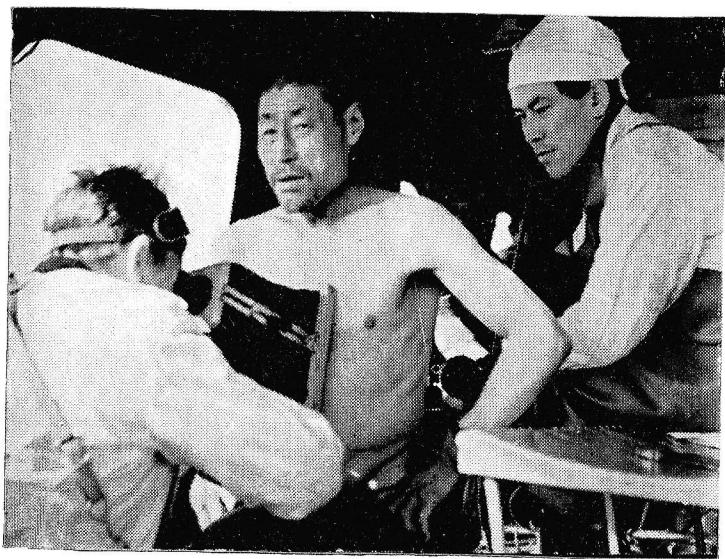
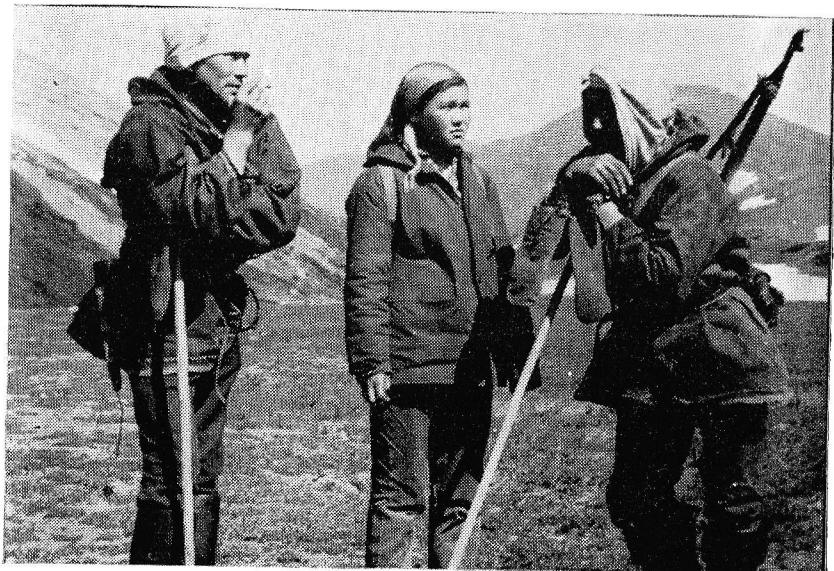

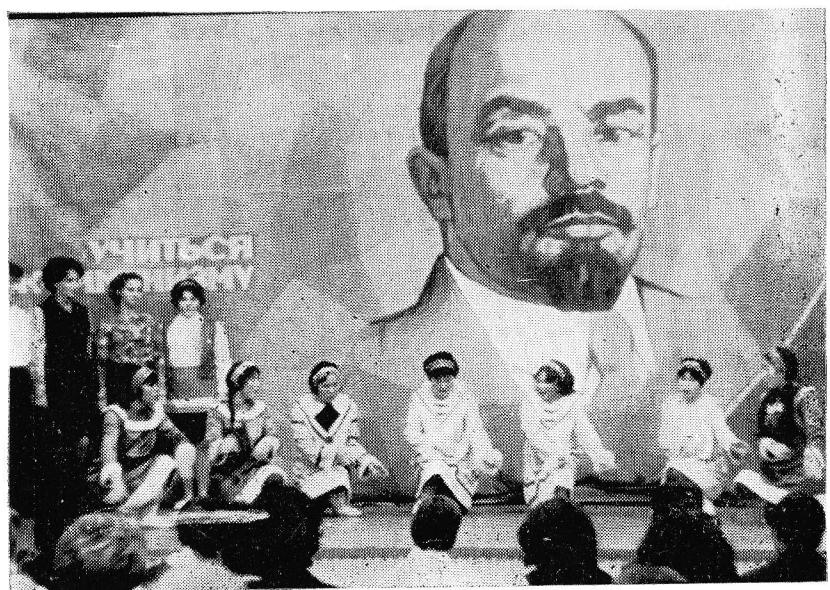

вой стороны рельефно выделяется мыс Дежнева. У подножия этого мыса еще недавно находилось самое старинное в этой местности эскимосское селение Наукан. Здесь жила дружная община научанских эскимосов, непревзойденных зверобоев, великолепных знатоков множества эскимосских мифов, сказок, старинных обычаяй. В Наукане я не раз записывал фольклор от лучших носителей культурного наследия прошлого. Здесь мне довелось осуществить плодотворную полевую работу по исследованию эскимосского языка. Науканцы были и остаются моими лучшими и верными друзьями. В 1958 году они переселились в чукотский поселок Нуунямо в заливе Лаврентия, а многие семьи разъехались по другим населенным пунктам Чукотки.

Самолет снижается на узкую полоску земли между морем и лагуной. На лагуне — проталины, море на десятки километров от берега забито льдами. Вот и белоснежные дома Уэлена. Самолет плавно приземляется. Мы забираемся в кузов грузовой машины и едем в поселок.

Уэлен — самый отдаленный на северо-востоке советской земли населенный пункт. Здесь начинается Россия. Здесь Берингов пролив разделяет Старый и Новый Свет. Здесь проходит Государственная граница между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Здесь кочи казака Семена Дежнева открыли миру проход из Ледовитого океана в Тихий, бороздили воды корабли выдающихся русских мореплавателей Витуса Беринга, Чирикова, Врангеля и многих других. Через Берингов пролив в незапамятные исторические времена пролегали пути азиатских племен, заселявших Американский континент. Отсюда, из Уэлена, первые посланники молодой республики Советов, направленные Анадырским ревкомом, начали укреплять Советскую власть по всему Чукотскому району. Таково славное прошлое этих мест.

Мы идем вдоль широкой песчаной улицы, разделяющей поселок на две части. По обеим сторонам — благоустроенные жилые дома, магазины, почта, здания сельского Сове-

та, больницы, правления совхоза, новые, только что отстроенные двухэтажные коттеджи, типовое здание средней школы. На рамах-сушилах, как и в старину, тую натянуты лахтачи и нерпичьи шкуры, а между столбами — свеженарезанные ремни. По улице мимо нас то и дело снуют грузовые машины. Трактор волочит бочки с краской на строительную площадку. В сторону мыса Дежнева, где льды отступили от берега, идут зверобои. Там они погружаются на вельботы и будут промышлять моржа.

Чувствуется, что поселок живет напряженной трудовой жизнью. Мужчины охотятся, строят жилые и хозяйствственные здания, женщины работают на звероферме, в детских учреждениях, в больнице, магазинах, в пошивочной мастерской.

В Уэлене единственная на весь округ и известная всему миру косторезная мастерская, где талантливые чукотские и эскимосские мастера создают чудесные художественные произведения из моржового клыка. Резьба по кости — древнее искусство коренного населения Чукотки. В дооценное время косторезным ремеслом по традиции занимались во многих селениях Чукотского района. В каждом крупном береговом поселке были свои мастера: в Сирениках — Маки и Аляляун, в Чаплино — Майна и Утатаун, в Катрыткино — Онно, в Туныглине — Рошлин, в Наукане — Хухутан и Нанок, в Уэлене — Вуквутагин, Вуквол, Эмкуль и многие другие.

Два основных вида эскимосско-чукотского косторезного искусства — рисунок на плоскости и скульптурное изображение предметов издревле служили средством отображения культовых, эстетических и художественных воззрений их создателей. В современных произведениях уэленских косторезов продолжают сохраняться традиционные черты народного творчества (фольклорные сюжеты, картины охоты, оленеводства, животного мира). Создаются и произведения на темы современной жизни, отражающие культуру и быт Чукотки сегодняшнего дня.

В косторезной мастерской нас приветливо встретил ее руководитель Туккай, заслуженный деятель искусств РСФСР, выдающийся мастер резьбы по кости. Советское правительство по достоинству оценило талант чукотского художника. За большие заслуги в сохранении и продолжении традиционного чукотско-эскимосского искусства резьбы по кости, а также за подготовку молодых мастеров и в связи с его шестидесятилетием Туккай был награжден орденом Ленина.

Мастер знакомит нас с уже известными и начинающими художниками. Они сидят на своих рабочих местах за длинными верстаками. Около каждого — набор необходимых инструментов. Одни рисуют тонкими металлическими резцами на плоскости клыка, другие выпиливают скульптурные произведения. Раньше такую работу выполняли только с помощью маленького ручного резца и напильника. Туккай с нескрываемой гордостью и теплотой говорит о своих учениках. Вот Виктор Теютин — зрелый мастер, которому поручают самые ответственные задания. Роза Напатагына, эскимосская девушка из Чаплино, молодой мастер, Лариса Тымната гына, чукчанка из Уэлена, тоже мастер. А вот холмогор Бугаев. Он несколько лет назад приехал с архангельского Севера. Первые годы ему трудно было преодолеть традиции холмогорских мастеров. Были споры и даже конфликты у Бугаева с Туккаем. Уэленский мастер прилагал много усилий, чтобы убедить холмогорца в различии стилей, приемов и форм чукотского косторезного искусства и холмогорского. Бугаев с трудом преодолевал этот нелегкий барьер. Теперь его произведения на чукотские темы не уступают работам местных мастеров. Он женился на чукчанке, имеет детей. Решил навсегда остаться в Уэлене.

Уэлен — родина многих интересных людей, известных в Чукотском национальном округе и далеко за его пределами. Здесь родина Тыгренкеу, который многие годы был председателем Чукотского окрисполкома. В Уэлене родил-

ся и провел свои школьные годы талантливый чукотский писатель Юрий Рытхэу, чьи произведения известны народам многих стран мира. В Уэлене вырос знаток самобытной чукотской культуры, языка, фольклора и этнографии Владилен Леонтьев, кандидат исторических наук, писатель. В поселке живет один из первых чукотских учителей Татро. Он еще в начале тридцатых годов в Нунлигране вместе с русским учителем Ф. И. Пузырным занимался ликвидацией неграмотности среди местных охотников. Татро многие годы работал учителем в разных пунктах Чукотского района. Теперь ко всеми уважаемому пенсионеру и ветерану культурного строительства на Чукотке идут за советом охотники, строители, учителя, руководители совхоза. В Уэлене мы встретили также Ацитагина — одного из учеников знаменитого исследователя чукотского Севера В. Г. Богораза. Этот старейший житель Уэлена оказался в известной степени исторической личностью. В начале тридцатых годов он был слушателем подготовительных курсов при Институте народов Севера в Ленинграде. Чукотский язык курсантам преподавал профессор В. Г. Богораз. Ученый приметил у студента незаурядные способности и привлек его в качестве информанта при составлении первого в истории чукотского букваря. Букварь В. Г. Богораза был издан в Ленинграде в 1932 году. Несмотря на тяжкий недуг и пожилые годы, Ацитагин держится бодро. Это скромный и мудрый человек, каких немало в древнем Уэлене.

Можно было бы рассказать о многих представителях чукотской интеллигенции — заслуженных учителях, врачах, руководителях партийных и советских органов, вышедших из Уэлена, но для этого нужно написать целую книгу.

Советский Уэлен живет в трудах и заботах о своем настоящем и будущем. Возводятся дома, строится новое обширное помещение косторезной мастерской, на научной основе развивается промыслово-оленеводческое и звероводческое хозяйство местного совхоза.

Идем погостить к полярникам. Делаем первые записи в заведенной только что на полярной станции книге гостей. Отсюда, провожаемые парторгом совхоза, направляемся к самолету. По-прежнему тепло и солнечно. Вскоре наша «аннушка» отрывается от уэленской земли, и через час мы по знакомой трассе возвращаемся в Лаврентия. Самая северная и самая дальняя граница Советской России — Берингов пролив остается позади.

НУНЯМО — старинный поселок береговых чукчей. В один из теплых дней конца июня, когда залив Лаврентия забит еще плавучими льдами, летчики местного аэропорта любезно перебросили меня из райцентра в поселок Нунямо. Выбравшись из вертолета, я оказался в замшелой тундре один далеко за поселком. Вертолет поднялся и улетел. Но мне не пришлось долго размышлять о своем одиночестве: со стороны поселка во всю прыть мчалась ватага мальчишек и девчонок, а за нею — свора собак. Встреча оказалась довольно шумной. Первый подбежавший ко мне мальчик, запыхавшись, скороговоркой доложил:

— Мы за вами, Наталья Сергеевна послала. Ей звонили из Лаврентия, чтобы встретили. Малыши подхватили на лыжные палки мой походный рюкзак, забрали чемоданчик и, спотыкаясь о кочки на заболоченной тундре, понеслись к поселку. Я едва успевал за ними.

Нунямо — старинный поселок береговых чукчей. Таким он оставался до 1958 года, когда сюда по решению райисполкома были переселены научанские эскимосы*. Теперь

* Решение о переселении было принято в связи с тем, что местоположение поселка не позволяло вести там современное жилищное строительство.

это поселок со смешанным эскимосско-чукотским населением.

Я с давних пор хорошо знаю поселок Нунымо и всех его жителей. Чукчи и эскимосы живут дружно, вместе трудятся в Нунымском отделении колхоза имени Ленина.

В Нунымо я встретился с моими давними друзьями — эскимосами из Наукана. Учительница Наталья Сергеевна Рукактак еще в 1948 году помогала мне записывать материал по языку и фольклору. Теперь она заведует школьным интернатом. Ее отец Ыкалук в нынешний мой приезд рассказывал интересные мифы и сказки, которые я записал на магнитофон. Несмотря на преклонный возраст, Ыкалук еще бодр и участвует в изготовлении для колхоза ремней из лахтачих шкур.

Большую помощь в собирании материала по языку и фольклора науканцев, по проверке составленного ранее словаря оказала мне на этот раз Альма Сергеевна, вторая дочь Ыкалука, тоже учительница.

Меня, как специалиста, давно интересовал язык эскимосов Берингова пролива и мыса Принца Уэльского на Аляске. Язык этот во многом отличен от языка чаплинских и науканских эскимосов. В 1948 году я впервые записал на этом языке от имакликского эскимоса Яека несколько фольклорных текстов, фразы и пять-шесть сотен слов. Этот язык из советских эскимосов знал только несколько выходцев с американского острова Крузенштерна (Малый Диомид).

В последующие экспедиции я пополнил материал по этому языку. Моим информантом в 1967 и 1971 годах была эскимоска Мукулюк.

С большим интересом я смотрел и слушал национальные танцы и песни нунымского самодеятельного ансамбля «Белый парус». В программе ансамбля оригинальные традиционные и новые танцы, исполняющиеся под песенные мелодии и звуки бубна. Нарядные народные костюмы, эмоциональность и непосредственность исполнения, яркий

национальный колорит каждого выступления — все это производит глубокое впечатление.

Руководит ансамблем местный охотник эскимос Тулюн. Вместе с ним выступают его десятилетний сын Вова и жена Мукулюк. Несколько бывших молодых участников нунымского самодеятельного ансамбля теперь артисты Государственного чукотско-эскимосского ансамбля песни и пляски «Эргырон» в Анадыре.

Все работоспособное население Нунымо занято на колхозных работах. В Нунымском отделении колхоза люди заняты выращиванием пушных зверей на звероферме, охотой на морского зверя, обработкой шкур, заготовкой ремней для оленеводческого и зверобойного хозяйства. Часть людей трудится в пастушеских бригадах далеко от поселка. Престарелые колхозники все обеспечены пенсиями.

Дети местных жителей находятся на полном государственном обеспечении. В детском комбинате воспитываются дети ясельного и дошкольного возраста, в школе-интернате — школьного возраста. Такая система воспитания и обучения детей характерна для всего Чукотского национального округа. В этой системе много положительного, но есть и отрицательные моменты, на которые в последние годы указывают сами родители и учителя. Положительное в интернатском воспитании то, что дети на протяжении дошкольных и школьных лет получают регулярное питание, одежду, у них хорошие условия для занятий и отдыха. Это способствует уменьшению заболеваемости и правильному физическому развитию. Но при многолетнем пребывании в интернате дети долгое время оторваны от семьи, от постоянного родительского влияния, от родительской ласки, от необходимых каждому человеку традиционных обычаяев, навыков, специфического трудового опыта, наконец — родного языка и духовной культуры своего народа, без чего немыслимо стать полноценным членом коллектива. Перед органами народного образования Чукотки стоит серьезная проблема организации воспитания и обучения детей таким

образом, чтобы между родителями и детьми не прерывался контакт, чтобы влияние семьи помогало школе в формировании трудолюбивых и всесторонне образованных советских граждан, любящих свой край, свое родное село, родной дом.

Нунямские медики Марина Андреевна Стешенко и Галина Михайловна Егорова возглавили в поселке санитарную комиссию, в задачу которой входит постоянная забота о чистоте территории поселка, о соблюдении необходимых санитарно-гигиенических правил всеми жителями, о чистоте и порядке в жилых и служебных помещениях. Эту полезную инициативу сельских медиков всячески поддерживают депутаты сельского Совета и комсомольцы. В целях санитарной пропаганды медики используют местное радио, по которому часто выступают с лекциями на темы санитарии и гигиены. Я вспомнил об этом в связи с тем, что однажды услышал по радио имя Кергитагина. Его называли среди тех, кто соблюдает чистоту и образцовый порядок в своем жилище.

Кергитагин — мой старый знакомый. Еще в довоенное время мне не раз приходилось ездить на собачьих упряжках с этим знаменитым в Чукотском районе каюром. Кергитагин многие годы работал почтовым каюром при отделении связи в Уэлене, бывшем до войны райцентром. Каюр должен был иметь отличную упряжку собак, в совершенстве знать свое дело, ему государство доверяло ценности. Таким надежным и отлично знающим свое дело каюром был Кергитагин, отец первой эскимосской учительницы В. Кагак-Сериковой.

Я пришел в дом Кергитагина. Старик, лежа на диване, курил трубку. Он знал, что я в поселке, и ждал меня. Кергитагин с трудом поднялся и сказал:

— Ну, здравствуй, старик! Ты все еще ездишь по Чукотке? А вот я перестал. Пенсионер. Совсем постарел. Глаза плохо видят, да и ноги побаливают. Все больше сижу вот дома.

Кергитагин вспомнил, как он перевозил на своей упряжке в Лаврентия челюскинцев, снятых со льдины, как совершил почтовые поездки от Уэлена до Уэлькаля или до Ванкарема. Сотни километров пути через крутые перевалы, вокруг незамерзших бухт и заливов, в хорошую погоду и в пургу. Сколько раз застигнутому пургой Кергитагину приходилось вместе с собаками сутками отлеживаться под снегом!

А помню ли я его собак, спрашивает Кергитагин. Конечно же, помню! Кто из старых северян не знал лихих «львов» из его упряжки? Она могла соперничать лишь с не менее знаменитой упряжкой лаврентьевского каюра Миши Малькова, совершившего с пассажирами нартовые рейсы от Лаврентия до Анадыря.

— А вот теперь вертолеты перевозят людей даже из Лаврентия в Нунямо, где и расстояние-то не более пятнадцати километров,— не то с грустью, не то с гордостью заметил вдруг старый каюр.

На самом высоком месте в Нунямо опрятный домик пенсионерки Рультины. Еще в начале тридцатых годов она была избрана председателем сельского Совета в Яндаге, а затем бессменно долгие годы на этом посту работала в Нунямо. Эту волевую и пользующуюся у местного населения неизменным авторитетом чукчанку несколько раз избирали депутатом Чукотского районного Совета. Передо мною еще бодрая пожилая женщина. Большие с живым блеском глаза, нос с горбинкой и гордая осанка. Вокруг внуки и чужие дети. Теперь Рультина не менее достойно исполняет роль бабушки.

Депутат сельского Совета эскимоска Татьяна Головина показывает мне на дом, где живет большая семья бывшего кочевника, а затем пастуха одной из оленеводческих бригад колхоза имени Ленина. Если мне не изменяет память, его имя Паат. Интересна судьба этой семьи. Все ее взрослые члены родились, выросли и жили в условиях кочевой жизни на просторах чукотской тундры. Они с моло-

ком матери впитали трудовые пастушеские навыки, быт оленеводов, их привычки.

Когда пастушеские семьи перевели на оседлость и семья Паата переехала в Нуунямо, где получила квартиру, Паат не оставил своего кочевого шатра. Он привез с собой все деревянные шесты остова жилища, покрышку из оленьих шкур, полог и много разных предметов кочевого хозяйства. Все это было аккуратно перевязано и уложено в кладовую и на чердак. Проходили годы, а Паат по несколько раз в летние месяцы в солнечную погоду при участии членов семьи бережно выносил с чердака, из кладовой все детали шатра, развертывал их и тщательно просушивал и протирал. И на этот раз бывший пастух, ставший теперь приморским жителем и членом бригады морских зверобоеев, снова просушивал свой шатер. Отвыкнуть кочевнику от родной стихии и принять оседлый образ жизни оказалось не так просто. Психология человека, привыкшего к определенным условиям существования, не может, по-видимому, изменяться столь быстро. Потребуется значительное время и положительное влияние новых условий оседлой жизни, чтобы бывшие кочевники перестали хранить старинный скарб.

В июле я несколько раз с группой местных жителей, чаще всего женщин и стариков, уходил далеко в тундру на сбор съедобных растений. В этнографической литературе принято было считать, что эскимосы и чукчи всегда питались только мясом, жиром или рыбой. Верно, конечно, что для жителей этих приполярных областей животная пища была основной. Но они употребляли в пищу также много различных дикорастущих трав и корней, которые заготавливали на зиму, а некоторые растения ели в свежем виде.

Погода стояла теплая, и вся тундра пестрела от разноцветных цветов и трав. Женщины, отправляясь на сбор дикоросов, надевали яркие многоцветные камлеки и платья традиционного покроя, местную обувь — торбаса. Это делалось не потому, что соблюдался какой-то особый ритуал при сборании трав, а для удобства ходьбы и самого про-

цесса созиания. Камлека и платье чукотских и эскимосских женщин — свободного покроя, в них удобно нагибаться, а непромокаемая обувь из нерпичьей шкуры незаменима при ходьбе через горные речки и болота. Резиновые сапоги, которые носят сейчас многие, непригодны для таких походов.

Чукчанки и эскимоски показали мне все съедобные травы. Они подробно рассказали, как заготавливают травы и корни впрок, какие смеси делают из трав, как и в какой пропорции заквашенные или замоченные на зиму травы употребляют в пищу с мясом, жиром, рыбой, кровью и икрой. Оказывается, местные жители употребляют на Чукотке в пищу около тридцати различных трав и корней. Это могучее средство против авитаминоза. Многие женщины в Нуунямо показывали мне свои витаминные заготовки из трав, замоченных или заквашенных в кадках, а также связки съедобных корней, из которых в зимние месяцы будет приготавливаться приправа к жирным мясным блюдам. Гербарий съедобных растений я привез с собой в Ленинград для определения их названий и сортов.

Мне думается, работникам местных совхозов и колхозов, а также медицинскому персоналу, следящему за рационом коренного населения, следовало бы обратить внимание на этот традиционный вид пищи и организовать его заготовки.

ЛОРИНО

В начале августа на попутном катере я выехал в Лорино. Время было вечернее, работу все закончили, и многие нунямцы пришли проводить отъезжающих. Я тепло попрощался со своими друзьями и поднялся по доске на борт. Ыкалук, мой информант, стоя на берегу, что-то кричал и показывал на свою обгоревшую и продырявившуюся трубку. Я понял, что он напоминает еще раз о моем обещании прислать из Ленинграда для не-

го деревянную курительную трубку, поскольку его старая трубка совсем проходила, а торговые работники Чукотки давно забыли о подобных бытовых мелочах для местных охотников. Обещание свое я выполнил: послал трубку и кисет отличного табака моему доброму рассказчику.

В Лорино мы прибыли часа в три утра. Поселок еще спал. Местные парни помогли мне добраться до помещения сельского Совета, где бодрствовал дежурный. Он разбудил председателя сельского Совета Каля, моего давнего знакомого. Как радостна встреча с человеком, которого давно знаешь! Я знаю Каля еще с довоенных лет, мы встречались с ним в эскимосском поселке Чаплино в 1933 году. Чаплино — его родина. В 1935/36 учебном году Каля учился на подготовительных курсах в Институте народов Севера в Ленинграде, где я вел курс эскимосского языка. По состоянию здоровья Каля уехал из Ленинграда и в своем родном Чаплино вместе с Матлю и Майной проводил большую организационную работу в комсомольской и партийной ячейках поселка. Позже я встречался с Каля всякий раз, когда приезжал на Чукотку в научную экспедицию. После кончины Майны, одного из создателей чаплинского колхоза и первого руководителя партийной ячейки в поселке, Каля был избран ее секретарем. Позже он несколько лет работал секретарем Чукотского райкома КПСС, а последние годы — председателем Лоринского сельсовета. Каля оказывал большую помощь Екатерине Семеновне Рубцовой в составлении эскимосско-русского словаря, изданного в Москве в 1971 году.

Каля и руководители колхоза имени Ленина познакомили меня со своим большим хозяйством. Это крупное, передовое в районе промыслово-оленеводческое хозяйство известно теперь далеко за пределами Чукотского национального округа. Большие стада оленей — основная отрасль хозяйства. На базе оленеводства и морского зверобойного промысла колхоз развивает клеточное звероводство. Меня знакомят с пошивочной мастерской. Здесь из оленевых и

нерпичьих шкур изготавливают меховую обувь, головные уборы из пыжика и нерпы, чукотские сувениры из меха. Мастерская обеспечивает постоянной работой многих женщин Лорино. В хозяйстве большой парк грузового автотранспорта, тракторов, вездеходов. В хорошо оборудованных мастерских ремонтируют выходящую из строя колхозную технику. Гордость колхоза — парниковое хозяйство и птичник, основанные на базе горячих источников. Используя естественную тепловую энергию, колхоз выращивает огурцы, помидоры, лук, редиску. Реализация свежих овощей в самом Лорино и в Лаврентия дает колхозу значительные доходы. Несколько тысяч кур-несушек, обитающих в отапливаемом той же даровой энергией птичнике, обеспечивают яйцами население и столевые близлежащих поселков.

Все колхозники и служащие в Лорино живут в благоустроенных домах. За последние годы здесь возведено не сколько двухэтажных жилых домов с центральным отоплением. Началось переселение колхозников из одноквартирных домиков, заменивших в свое время яранги, в много квартирные дома. Прижившиеся здесь русские семьи и местная чукотская молодежь, выросшая в домах, первые деревянные домики называют «ярангами». Если бы они только знали, что такая настоящая чукотская яранга с ее жировыми коптилками и душным пологом, то не называли бы так первые домики.

Лорино — центральная усадьба колхоза имени Ленина, поэтому здесь есть все: большое здание конторы колхоза, Дом культуры, больница, детский комбинат, школа и интернат, магазин, столовая, баня, молочная кухня. Я побывал в квартирах нескольких чукотских и эскимосских семей. Всюду чистота и уют. Современная мебель, на стенах зеркала, недорогие картины, фотографии родных и знакомых. Во многих домах радиоприемники, магнитофоны. Очевидны значительные изменения, которые произошли в материальной и культурной жизни местного населения по сравнению с довоенными годами.

В 1940 году в Лорино было только несколько десятков чукотских яранг и старое здание школы на краю обрыва. Всего в поселке насчитывалось не более 170—180 человек. Сейчас в Лорино 1200 жителей.

В один из погожих августовских дней я выехал из Лорино в Лаврентия на попутном транспорте. Это была езда не на пассажирском вездеходе, где каждый сидит на своем месте, а длительное путешествие на огромных тракторных санях по голой летней тундре. Дело в том, что на Горячие ключи шли два трактора, на санные прицепы которых погрузили ящики с живыми курами и петухами. Несколько дней назад куры из Магадана прилетели на самолете в Лаврентия, оттуда на вертолете — в Лорино, а теперь, отдохнув после путешествия по воздуху, они на санях следовали на новое место жительства. До ключей не менее 15 километров пути через болота, каменистые сопки, горные речушки, цветущую тундру. Вот Каля и предложил по пути в Лаврентия посмотреть парниковое хозяйство и птичник на Горячих ключах да искупаться там в целебном источнике. Это предложение показалось мне весьма заманчивым. До сих пор мне не приходилось ездить только на тракторной санной волокуше и летать на межпланетных ракетах. Все другие виды транспорта я уже испробовал.

Трактор рванул с места сани, и мы двинулись в путь. Дорога была каменистая. Сидеть было весьма неудобно. Местами нас просто сбрасывало на придорожный мох. Но так или иначе мы добрались до Горячих ключей.

Там колхоз оборудовал маленькую гостиницу. В выходные дни из Лаврентия и Лорино приезжают сюда люди отдохнуть и покупаться в горячем источнике. Работники теплицы и птичника живут в домиках, которые отапливают также горячей водой из минерального источника. Молодой агроном Володя показывает мне укрытые полиэтиленом парники. На мощных зеленых кустах красуются крупные ярко-красные помидоры, а рядом на подвязанной ширококо-

листной ботве висят длинные огурцы. Агроном с энтузиазмом рассказывает о перспективах расширения тепличного хозяйства колхоза.

— Запасы тепловой энергии позволяют увеличить производство овощей и яиц в несколько раз. Горячая вода, обогревающая теплицы, лишь частично отдает свое тепло. Огромное количество тепловой энергии улетучивается из примитивных обогревателей без всякой пользы. При образцовой постановке тепличного хозяйства колхоз может получать значительные доходы от реализации овощей и яиц.

Володя угождает меня великолепным помидором. Помидор, созревший на Чукотке, не чудо ли?

Старый купальный павильон из-за ветхости убрали, а новый еще не поставили, поэтому любители купаются в открытом, довольно глубоком бассейне. Я тоже раздеваюсь и вхожу в воду. Ласкающее тепло разливается по всему телу. Над поверхностью источника теплый пар. Он защищает от холодного воздуха.

Пока я купался в целебном источнике, из Лаврентия пришел вездеход. В районном центре через день намечались торжества по случаю Дня строителя, и организаторы их послали человека за свежими овощами и яйцами для праздничного стола. За «свежениной» прибыл лучший водитель Чукотторга Иван Гарник. Вместе с водителем был его десятилетний сын Витя. Я обратился к Гарнику с просьбой подвезти меня в Лаврентия. Гарник расспросил, кто я и зачем здесь, а затем сказал, что подвезет.

Через некоторое время мы сели в кабину вездехода, загруженного ящиками с яйцами и овощами, и выехали из Горячих ключей. Водитель вскоре свернул с лаврентьевской дороги в сторону моря, где в устье маленькой речки стояли его рыболовные снасти. Миновав гористую местность, мы выбрались в широкую долину, по которой протекала неглубокая горная речушка. Вездеход несколько раз пересекал ее излучины. Из-под гусениц то и дело высакивала серебристая форель и тут же пряталась между камнями. Нако-

нцем мы выбрались на сравнительно ровную тундру, густо поросшую слоем мха и цветущими травами. Мы ехали довольно быстро, и по бокам вездехода то и дело мелькали толстые шляпки грибов. Вот Гарник остановил машину, и мы оказались на поляне, где из мха и травы выглядывало превеликое множество грибов. Это было поистине грибное царство. Сын Гарника Витя первым выскоцил на поляну с приготовленной заранее корзиной. Мы вышли следом за ним, и через несколько минут корзина наполнилась отменными грибами.

Впереди между холмами отчетливо виднелась синяя полоса спокойного моря, и вскоре мы достигли побережья. При впадении речки в море образовалась маленькая, но довольно глубокая лагуна, куда, прорвав высокий песчаный берег, устремлялась речка. В этом месте Иван Гарник и установил свои маленькие сети. Мы по всем правилам рыбачского искусства вытянули снасти из воды. Несколько крупных серебристых горбуш и гольцов забились на песчаной отмели. Гарник сказал, что с сетями он справится теперь один, а мы с Вовой можем побродить по берегу.

Здесь, на травянистом берегу лагуны, рядом с морем, сохранились развалины древних земляных жилищ. Из земли беспорядочно торчали китовые челюсти и ребра, служившие столбами и перекладинами для остова жилища древних людей. Полуистлевшие китовые челюсти и позвонки поросли мхом. Высокая трава покрывала развалины землянок. Мы насчитали восемь развалин и следы нескольких мясных складов. Здесь в незапамятные времена обитало маленькое племя приморских охотников. В таких поселениях жили далекие предки азиатских эскимосов и приморских чукчей. Для моего маленького спутника рассказ о древних людях на побережье Берингова моря, о их занятиях, орудиях охоты, о быте и культуре был настолько интересен, что он засыпал меня множеством таких сложных вопросов по поводу жизни далеких предков коренных жителей Чукотки, на которые не сразу можно было ответить. Подумать только: он

сам сейчас вот видит и своими руками трогает предметы, служившие людям много веков назад. Не сказка ли это? А ведь он не один раз видел эти торчащие из земли китовые кости, но никто ему не сказал, что это такое. И вот теперь в воображении мальчика возникают картины байдарной охоты на кита, охоты на диких оленей на речных переправах, жизнь людей в полуzemляных жилищах с жировыми светильниками...

— Обо всем, что видел и слышал от вас, расскажу ребятам в школе. Вот здорово! Совсем рядом с поселком жили древние люди!

На торчащих из земли костяных столбах привязано несколько меток из красных лент. Рядом на берегу следы от большого костра и рожки тагана для чайника. Здесь побывали следопыты из Лоринской школы. Часть своих летних каникул они решили посвятить путешествию по следам древних стоянок, а также изучению флоры и фауны на побережье Чукотского района. Краеведческую работу среди школьников возглавляли учителя Лоринской школы Г. А. Гольдинов и Н. К. Гаврилюк.

В Лаврентия мы возвращались при свете фар. Иван Гарник оказался человеком приветливым. В пути я узнал, что водитель уже много лет работает на Чукотке, у него дружная семья, любимая работа.

Восьмого августа я вылетел в порт Провидения, провожаемый моими друзьями Н. Е. Базутко, А. В. Казимировой, И. В. Поломошновым и многими другими товарищами.

ПОРТ ПРОВИДЕНИЯ

В Провиденский аэропорт мы прибыли в воскресенье. Вместе со мной сюда приехал по своим делам научный эскимос В. И. Ерон, заслуженный учитель школы РСФСР. С Ероном и еще одним молодым эскимосом мы из аэропорта направились к морскому

причалу в Уреликах с целью перебраться через бухту в порт. Пассажирский катер здесь ходит через час, и нам пришлось ждать, так как перед самым нашим приходом судно отчалило.

Емрон и его спутник встретили своих знакомых и оживленно с ними разговаривали. Я стоял на пирсе и сопоставлял давнее довоенное прошлое и сегодняшний день бухты Провидения. В 1932 году, здесь, в Уреликах, находилось эскимосское селение из десятка ветхих яранг, где жили семьи охотников. На прибрежном участке стоял дом фабрики. Посреди яранг возвышались два круглых щитовых дома местной школы, по форме похожих на ярангу. Больше в Уреликах не было ничего. Голые горы и тундра вокруг. А на другой стороне бухты Эмма, где ныне возвышаются сооружения морского порта, многоэтажные жилые дома и здания государственных, культурных и торговых учреждений, в год моего приезда громоздилась только конусообразная куча угля, чернеющая на фоне белого снега, да пустая будка сторожа. Там, где сейчас кварталы жилых домов, уреликские охотники ставили капканы на лис и песцов, которых добывали в этом месте в немалом количестве. Множество птиц находило приют в защищенной от морских штормов бухте Эмма. Редкие корабли брали здесь уголь и воду.

В 1933 году на песчаной отмели между бухтой Эмма и Эстигетским озером вырастает бревенчатое здание аэропорта. Аэродрома еще нет. Летом самолеты садятся на воду, а зимою на лед.

На месте нынешней площадки морского порта в этот год через скважины во льду вбивают первые деревянные сваи. На берегу за кучей угля строят первый барак для первых строителей порта.

Так я стоял на пирсе в ожидании катера, и картины далекого прошлого проходили передо мною одна за другой.

Шли годы, изменялся и рос порт Провидения. Сейчас передо мною большой портовый поселок. Сотни рабочих,

инженерно-технических работников, служащих трудятся на его предприятиях. Поселок Провидения — центр одноименного района.

В Провиденской гостинице мне любезно предоставили место в комфортабельном номере. Все учреждения были закрыты, и я решил отдохнуть до понедельника. В гостинице я повстречался с чукотским писателем Юрием Рытхэу, который вместе с семнадцатилетним сыном Сашей совершил поездку по селам Чукотки.

Здесь же я познакомился с известным эстонским журналистом Калевом Иохановичем Таммисту, заместителем главного редактора эстонской газеты «Рахва хяэль». Он прибыл на чукотский Север в командировку. Встреча с этим далеким краем советской России произвела на журналиста чрезвычайно сильное впечатление.

Юрий Рытхэу с сыном в тот же день уехали на корабль, совершающий рейс в район Берингова пролива. Мы с К. И. Таммисту проговорили до поздней ночи. Мне понравился этот степенный и высокообразованный человек. Он побывал во многих странах Африки, посетил Соединенные Штаты Америки. Таммисту был рад, что встретился с человеком, который может ему рассказать много полезного и интересного о коренных жителях края, их истории и культуре.

На следующий день произошла приятная встреча с секретарем Провиденского райкома партии Юлией Федоровной Прокопенко. Она работает на Чукотке уже много лет. Начала с ответственной комсомольской работы, а затем, накопив опыт, перешла на руководящую партийную работу. Мой старый знакомый Георгий Федорович Федотов, первый секретарь райкома, находился в это время в отпуске в своем родном Ленинграде. Я не раз убеждался, каким огромным авторитетом у населения района пользуется эта непоседливая и всеведущая женщина. Во всех поселках ее знали не только взрослые, но и школьники. Она в равной степени ориентировалась в вопросах торговли, промышленности,

культуры и в сельском хозяйстве. В ее приемную то и дело заходили заранее приглашенные руководящие и рядовые работники предприятий и учреждений. С каждым она беседовала деловито, убедительно, кратко, и сложный вопрос оказывался без особого труда разрешимым.

В просторном и светлом конференц-зале Провиденской средней школы проходило августовское совещание учителей. Сюда собирались работники школ всего района, чтобы решить самые насущные проблемы народного образования, поделиться опытом в учебной и воспитательной работе. На большой педагогический совет учителей пришли партийные, советские и профсоюзные работники. В качестве гостей из Ленинграда на совещании присутствовали писатель Юрий Рытхэу и я. В перерывах учителя обменивались впечатлениями об отдыхе, делились планами на будущее, говорили о предстоящей встрече со своими воспитанниками. Учителей пришли поприветствовать юные пионеры.

Мне было радостно видеть опрятных, жизнерадостных, с алыми галстуками на груди ребятишек, торжественно вручавших живые цветы своим учителям. Вспомнился первый слет пионеров Чукотского района в 1933 году, проходивший одновременно с первой же учительской конференцией, когда на торжественной линейке около культбазовской школы работники Чукотского райкома комсомола в присутствии учителей и множества гостей вручали пионерам первые алые галстуки. На линейке стояли чукотские и эскимосские дети из разных поселков и кочевий, одетые в кухлянки и торбаса. Многие из них теперь стали уже бабушками и дедушками, но они, наверное, хорошо помнят волнующую торжественность этих минут.

Почти через сорок лет после тех памятных дней провиденские пионеры торжественно приняли меня в почетные члены своего отряда. Ребята, повязав мне алый галстук, тем самым отдавали дань уважения первым учителям чукотских и эскимосских школ, положивших начало народному образованию в этом далеком краю нашей Родины. В по-

четные пионеры приняли и Юрия Рытхэу — одного из первых пионеров Чукотки. Мы горячо поблагодарили юных друзей и передали учителям и пионерам привет от ветеранов школьного дела на Чукотке — П. Я. Скорика, И. С. Вдовина, Ф. П. Коржа, Л. В. Беликова, Л. И. Беликовой и многих других.

На учительском совещании я сделал доклад на тему «Лингвистическая ситуация на Чукотке», в котором особое внимание было уделено изучению родного языка в местных школах.

О роли родного языка в воспитании и обучении школьников убедительно говорил В. И. Седых — заместитель председателя исполкома. Юрий Рытхэу, выступивший с приветственной речью на совещании, обращаясь к учителям, сказал:

— Патриотическое воспитание молодежи немыслимо без знания родного языка. Незнание родного языка — признак малокультурности. Родной язык — важнейшее средство воспитания подрастающего поколения.

СИРЕНИКИ

В Сирениках сорок лет назад начал я учительскую работу в эскимосской школе. Первого сентября 1932 года на флагштоке маленького дощатого домика Сиреникской школы появился новый красный флаг. Вспоминаю, как в тот далекий день я давал свои первые уроки одновременно в трех классах — втором, третьем и четвертом. Сорок три ученика в маленьком классе. Склоченные из плохо остроганных досок узкие столики и скамейки. Парт нет. Тетрадей не завезли. Учебники неприспособлены для школы, где дети плохо знают русский язык. Но сколько радости на лицах моих маленьких эскимосов! Школу здесь любят, а это уже залог успешной работы.

И вот я снова здесь. Как все изменилось! Нет давно

яранг, нет домика старой школы, где я работал и жил, и, как ни грустно сознавать, нет многих моих первых учеников. Но я рад, что и на этот раз заглянул в Сиреники, где было положено начало моей связи с Чукоткой, не прерывавшейся затем всю жизнь.

Сиреники сейчас — большой береговой поселок современного типа с благоустроенными домами, культурными, бытовыми и производственными объектами. Здесь есть все, о чем можно было мечтать в начале тридцатых годов. Только в этом одном маленьком поселке сейчас столько медицинских работников, сколько их не было во всем большом Чукотском районе в 1932 году. Почта, телеграф, Дом культуры с прекрасным кинозалом, библиотека, сельский музей, местный радиоузел, баня, столовая, гостиница, электростанция, механические мастерские, гараж для тракторов и вездеходов — словом, все, что необходимо для жизни людей.

Коренные жители — эскимосы и чукчи заняты работой в промыслово-оленеводческом совхозе «Ударник».

В Сирениках я встретился со своими давними друзьями и первыми учениками. Вот около собственного нового дома плотничает исконный житель села Вири. У меня он учился в третьем и четвертом классе. Сейчас это пожилой эскимос. Мы вспоминаем прошлое, говорим о настоящем. Вири довolen своей работой плотника. Заработки в селе хорошие. «На жизнь вполне хватает», — говорит Вири. У него семья, дети, внуки. У Вири давнишняя слабость — он одержим желанием написать историю своего села — как было и как стало. Но сколько бы раз ни начинал он писать, история всегда кончается на второй странице тетради. Об этом знают все далеко за пределами поселка и подшучивают над его увлечением.

Я иду к своей помощнице по исследованию старосиреникского языка и бывшей моей ученице Александре Ивановне Парине. В 1960 году с ее помощью от сиреникцев было записано много сведений о их древнем языке. Этот

труд — «Язык сиреникских эскимосов» был издан в 1964 году.

А. И. Парина — заслуженный деятель культуры РСФСР. Многие годы она успешно руководила самодеятельным ансамблем в Сирениках. Эскимосские песни и танцы на ее стихи и музыку пользуются большой популярностью у односельчан. Сейчас А. И. Парина редко участвует в самодеятельности, но продолжает писать стихи на родном языке, произведения ее публикуются в местной печати.

В Сирениках состоялась теплая встреча со школьниками и учителями. Я рассказал им о старых Сирениках, о школе, о первых пионерах и комсомольцах. Интересно было наблюдать, как маленькие чукчи и эскимосы с нескрываемым любопытством слушали рассказ о жизни в ярангах, о первой Имтукской школе в пологе, где ученики писали друг у друга на спинах, сидя на полу из моржовой шкуры. Новому поколению все это кажется странным и непонятным. «Разве могло так быть?» — говорили мне дети.

Еще одна интересная встреча в Сирениках была в большом зале клуба. Я проводил беседу о культурных и социальных преобразованиях жизни коренного населения Чукотки за годы Советской власти. Естественно, что наглядным примером для меня были сами слушатели и их родное село. После моего выступления взволнованную речь произнесла моя бывшая ученица Анкан. Она сравнивала старую жизнь с новой, благодарила Советскую власть за огромную заботу о местном населении, говорила теплые и прочувствованные слова о своих первых учителях и наставниках. В память о встрече мне преподнесли сувениры — две длинные пластины китового уса и эскимосский мяч.

Я побывал во многих поселках Чукотского и Провиденского районов, и в каждом из них встречал энтузиастов того или иного культурного дела. В Нуунямо развернулась борьба за чистоту в поселке, которую возглавили медики. В Лорино устраивались походы юных краеведов по изучению местной флоры и фауны под руководством учителей,

мечтали создать краеведческий музей при колхозе. В Уэлне организовали музыкально-инструментальный ансамбль при Доме культуры. В Сирениках создали при Доме культуры сельский краеведческий музей, где можно узнать об историческом прошлом, познакомиться с современной культурой и занятиями населения, с местной флорой и фауной.

Особого внимания заслуживает инициатива сиреникских краеведов. Чаще всего краеведческую работу в поселках возглавляют учителя. В Сирениках же энтузиастом и активным организатором этой работы выступила заведующая сельской библиотекой Надежда Павловна Долматова. Она не только сама увлеклась сбором экспонатов и различного рода коллекций, но и увлекла этим занятием многих своих односельчан. Ближайшими помощниками ее стали эскимоска Вера Кавава, дочь известного в прошлом зверобоя Ну-мылены, и муж Надежды Павловны строитель Александр Долматов.

Когда жители поселка узнали, что в их Доме культуры создается сельский краеведческий музей, многие понесли туда старинные домашние вещи, предметы труда и охоты, вышедшие из употребления в силу изменившихся условий жизни, а также археологические находки. Дом культуры выделил для музея отдельное помещение.

Надежда Павловна с мужем на местах старинных поселений в Имтуке и Сирениках собрали более ста предметов материальной культуры древних людей побережья Чукотки. Вера Кавава помогла Надежде Павловне собрать образцы богатых витаминами съедобных растений, которые чукчи и эскимосы в большом количестве заготовляли да и сейчас заготовляют на зиму.

В планах создателей музея — организовать постоянную выставку местного декоративно-прикладного искусства, а также записать на пленку произведения устного народного творчества и песни чукчей и эскимосов.

В местных краеведческих музеях, в том числе и в сель-

ских, сейчас еще можно, а потому и нужно отразить старые и новые традиции в быту, труде, изобразительном и прикладном искусстве, в сказках и песнях. Особенно важно записать на пленку народные сказки и песни, пока они не ушли в небытие. Песни и сказки народа — это выражение его мудрости, исторически сложившегося опыта, отношения к жизни.

Для любознательного, творчески мыслящего человека да-же окружающие предметы — носители истории, сказок и легенд. Надо только иметь большое желание и способность увидеть все это и заставить вещи говорить. Сиреникские краеведы помогают односельчанам познать свой родной край, его историю, культуру, настоящее и будущее.

Я с грустью уезжаю из дорогого для меня поселка. Придется ли еще раз побывать здесь когда-либо? Время стремительно летит, мы с возрастом забываем имена и даты, но большие человеческие дела как по эстафете передаются от поколения к поколению, и жизнь вновь и вновь обновляется. Мира вам, радостного труда и счастья, дорогие мои земляки!

ЧАПЛИНО

Первыми проводниками и организаторами национального Совета в крупном эскимосском поселке Чаплино (по-эскимосски — Уназик) во второй половине двадцатых годов были активисты Матлю и Майна. С их именами связано создание в начале тридцатых годов одного из первых в Чукотском районе промысловых колхозов «Новая жизнь». Они же возглавили тогда партийную ячейку, членами которой стали передовые зверобои поселка. Поселок Чаплино был стариннейшим центром культуры и языка центральной ветви азиатских эскимосов. Язык чаплинцев с введением письменности в начале тридцатых годов был положен в основу грамоты советских эски-

мосов. Матлю и Майна были непосредственными проводниками и такого важного дела. Об этих замечательных людях, которых я хорошо знал лично, позволю себе рассказать здесь подробнее: они по праву заслуживают того, чтобы память о них сохранилась навсегда в сердцах многих северян.

Осенью 1927 года из Уэлена приехали двое бородатых русских людей. Это были посланцы молодой Советской власти, которым поручалось организовать поселковые туземные Советы в наиболее крупных населенных пунктах Чукотского побережья. В те далекие годы редко кто из приезжих навещал этот старинный поселок. Однако береговые жители знали, что по всей чукотской земле утверждается Советская власть и что местные органы правления избирает сам народ.

— Кто из вас старший? — спросил один из бородачей, обращаясь к охотникам.

— Здесь Утатаун старший. У него есть русская одежда с медным знаком и американская шхуна, — ответил кто-то из толпы по-эскимосски. Вперед выступил коренастый охотник с бельмом на левом глазу и на ломаном русском языке перевел сказанное.

Русский спросил:

— Не ты ли этот человек?

— Нет, — сказал коренастый, — мое имя Матлю. Немножко знаю русский язык. Ездил каюром с русскими начальниками. Работал раньше у чаплинского попа. Немножко знаю английский. Работал гарпунером на американских зверобойных шхунах, был переводчиком с чукотского и эскимосского языков, когда к нам приезжали американские и русские купцы. Много ездил по чукотской земле, много видел. Был делегатом Первого съезда туземного населения Дальнего Востока.

Приезжие русские внимательно выслушали рассказ Матлю. Этот жизнерадостный и, по-видимому, смелый человек вызывал невольное уважение.

Один из приезжих ревкомовцев обратился к собравшимся с краткой речью:

— Уже много лет назад в России кончилась старая власть. Нет теперь ни царя, ни урядников, ни купцов-обманщиков. Теперь у нас новая власть, Советская, народная. Вы сами должны избрать свой поселковый Совет. Председателем Совета должен стать самый справедливый человек вашего села, который будет защищать вас от всех обидчиков.

Ревкомовец старался говорить просто и доходчиво, но Матлю, плохо понимавший по-русски, с трудом переводил односельчанам слова. Матлю, однако, знал, что Совет должны избирать все жители и что новая власть всячески будет помогать зверобоям и их семьям улучшать свою жизнь.

Собрание проводили на другой день в пустом складском помещении фактории. Первым кандидатом в Совет был назван Матлю. Охотники уважительно говорили о нем, как о мудром советчике во всех делах их поселка. Матлю был избран председателем поселкового туземного Совета.

Началась настойчивая и трудная борьба за улучшение быта, за справедливое распределение добычи между охотниками, борьба с суевериями и шаманством. Молодая Советская власть была еще слабой экономически и не могла обеспечить далекие северные окраины всеми необходимыми товарами, материалами и охотничим снаряжением. Надо было умело объяснять это людям и находить выход из трудного положения.

Матлю был делегатом первых съездов туземного населения Дальнего Востока, побывал в Анадыре, Петропавловске-на-Камчатке, Владивостоке и Хабаровске. Всюду он слышал пламенные речи представителей ранее угнетенных и бесправных народностей Севера, которым Советская власть предоставила права и возможности культурного и хозяйственного развития.

Матлю добился долгосрочного кредита для каждой семьи, чтобы односельчане имели необходимые охотничьи

припасы, а также одежду, табак, сахар и чай. Поселковый Совет, возглавляемый Матлю, всемерно добивался от владельцев вельботов справедливого распределения добычи. Если раньше хозяин вельбота мог забирать себе львиную долю китового уса, моржового клыка и шкуру морских зверей, то теперь вся добыча распределялась среди охотников в зависимости от роли каждого: большую часть получали стрелки и гарпунщики, меньшую — гребцы.

С 1928 года начала регулярно работать Чаплинская школа. Матлю первым записался на ликбез, а за ним пошли и другие активисты. Старики ревниво следили за делами Матлю: одни с интересом, другие — с недоверием и даже неприязнью. Учитель А. С. Форштейн и приезжающие изредка представители райревкома проводили беседы о политике Советской власти, о необходимости социального и культурного преобразования жизни народностей Севера. Матлю постепенно накапливал знания и опыт работы с народом.

Первые серьезные испытания Матлю и его помощникам по Чаплинскому сельскому Совету пришлось пережить в начале тридцатых годов. Это было время, когда ростки новой жизни неодолимо прорывались сквозь толщу отмирающего старого быта, вековой отсталости, темноты и безнадежности. Силы, на которых держался уходящий мир, не хотели мирно уступать дорогу новому. Шаманы, «хозяева земли», владельцы вельботов и одурманенные религиозными предрассудками люди повели открытую агитацию против активистов и прежде всего против Матлю, который в глаза называл шаманов обманщиками народа.

Весной 1931 года чаплинские охотники решили организовать промысловую артель. Государство через интегральную кооперацию давало артелям кредит на приобретение руль-моторов и другого промыслового снаряжения. Моторные вельботы в значительной мере облегчали труд зверобоев и создавали условия охоты на морского зверя на бо-

лее дальних расстояниях, чем это можно было сделать при ручной гребле.

Разговоры об организации промысловой артели были и ранее, но прямым поводом к этому важному событию явилось печальное происшествие, взволновавшее всех жителей Чаплино и других береговых поселков. В феврале 1931 года на оторвавшейся льдине унесло 19 лучших чаплинских охотников. В те далекие времена на чукотском Севере не было еще авиации, и унесенные морем люди чаще всего гибли. Ни один из чаплинцев также не вернулся на берег. В тот год по всему побережью не оказалось мясных запасов на зиму. Чаплинцы и охотники из других поселков в суровые зимние месяцы вынуждены были уходить по тонкому льду далеко в море с надеждой добыть нерпу для пропитания своих семей. Интегральная кооперация открыла широкий кредит населению, но молочные, мучные и крупяные изделия были непривычны для эскимосов и чукчей. Население нуждалось в мясных продуктах. У погибших охотников остались старые родители, жены и осиротевшие дети, малолетние братья и сестры. Их надо было кормить. Матлю посоветовался с товарищами — членами сельского Совета и с учителем Андреем Стрелковым. Все пришли к единому мнению, что надо организовать артель и принять все меры, чтобы предотвратить голод.

Тем временем шаманы из самого Чаплино и Янракинота распустили слух, что Матлю своей агитацией за организацию артели, выступления против шаманов, соблюдение законов Советской власти рассердили «хозяина моря», который в наказание чаплинцам погубил их лучших охотников. Многие жители Чаплина верили шаманским наветам и не соглашались вступать в артель. Но на помощь Матлю пришли молодые охотники, которые ходили учиться на ликбез и узнавали от учителя много интересного о жизни советских людей на Большой земле.

Первыми и верными помощниками Матлю становятся молодые эскимосы Майна и Ашкамакин. Майна стал орга-

низатором комсомольской ячейки, а затем вместе с Матлю создавал партийную. Он с большими перерывами и не более двух лет посещал начальную школу, но затем много и упорно учился сам. Позже он стал учителем родной Чаплинской школы и бессменным руководителем партийной ячейки.

Двадцать пятого марта 1931 года Матлю и Майна проводят общее собрание охотников поселка. На этом собрании выносится решение об организации промысловой артели. Председателем избрали Матлю. Первыми членами артели стали охотники, не имевшие своих вельботов и байдар. Правление артели взяло на себя обязательство оказывать всемерную помощь семьям погибших во льдах зверобоев. Вельботы и байдары осиротевших семей решено было передать артели, с тем чтобы с открытием весеннего промысла обеспечить мясом всех нуждающихся.

Одновременно с организацией коллективного промысла на морского зверя при артели создается пошивочная мастерская по изготовлению меховой одежды, обуви и меховых ковров. Женщины впервые вовлекаются в общественно полезный труд. Артель быстро набирает экономическую мощь.

Весенняя охота оказалась удачной. Все семьи членов артели были обеспечены мясом. За счет прибылей от реализации топленого жира, шкур и изделий пошивочной артели были погашены долги интегральной кооперации.

В правление поступило много заявлений от зверобоев-единоличников с просьбой принять их в члены артели.

Матлю долгие годы бессменно работал председателем колхоза «Новая жизнь», неоднократно избирался депутатом районного и окружного Советов депутатов трудящихся. Майна был учителем Чаплинской школы и секретарем первичной партийной организации колхоза «Новая жизнь».

За выдающиеся достижения в организации учебно-воспитательной работы в школе, за ликвидацию неграмотности среди взрослого населения, за укрепление Советской власти в Чаплино и окружающих его поселках первый на Чу-

котке учитель-эскимос Майна в 1940 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Умер он в 1948 году от тяжелой болезни. Чаплинцы неизменно хранят добрую память о своих замечательных земляках.

К сожалению, я ступил на сей раз не на землю хорошо знакомого мне прежнего поселка Чаплино, располагавшегося на длинной песчаной отмели, отделяющей Синявинский залив от моря, а на землю Нового Чаплино в заливе Ткачен, куда чаплинцы переселились в 1958 году.

Чаплинцы освоили новое место и приспособились к труду и жизни в новых условиях. Большинство работающих занято теперь не на промысле морского зверя, а на строительных площадках, на обслуживании хозяйственных, торговых и культурных учреждений. Часть мужского населения по-прежнему занята морским промыслом, а в зимние месяцы — добычей пушного зверя.

Как и в других крупных береговых поселках, в Чаплино есть все условия для полнокровной культурной жизни населения. В этом отношении поселок не уступает ни Сиреникам, ни Лорино.

Основное население здесь эскимосы. Чукчи и русские — в меньшинстве. Живут все дружной семьей. Труд люди сочетают с культурным отдыхом.

В Новом Чаплино я с удовольствием отметил, что многие ответственные должности в местных партийной, комсомольской, общественных организациях, в сельсовете занимают представители коренного населения.

В Чаплинской школе вместе с русскими учителями работают четыре учителя-эскимоса. Учительница Марина Ивановна Сигунылик преподает родной язык в первом и втором классах. Мария Селякина работает в младших классах. Председатель и секретарь сельского Совета также эскимосы. Меня знакомят с Галей Танутиной — внучкой ветерана колхозного строительства Матлю. Она секретарь сельсовета. На почте служит дочь первого учителя-эскимо-

са Майны — Раиса. Главным радиостом узла связи работает внук знаменитого в прошлом чаплинского зверобоя Утатуна Владимир Северов. Вдова Майны Укуна сейчас пенсионерка.

В Новом Чаплино я встретился с талантливой слепой сказительницей Анной Нанухак. Ей шестьдесят лет, она еще крепкая и бодрая женщина. Мне сказали, что от нее можно записать интересные сказки, которые она рассказывает мастерски. Я иду в дом Нанухак, устанавливаю с ее разрешения магнитофон, и сказительница начинает повествование о чудесных похождениях сказочных героев. С первых же минут ее рассказа меня поражает удивительное художественное мастерство передачи сказочного сюжета. Великолепный, по-настоящему народный эскимосский язык, безупречное произношение. Нанухак передает диалог персонажей сказки так искусно, словно передо мною сами герои повествования.

Прекрасные древние эскимосские сказки и мифы, великолепное исполнение песен — для меня большой подарок.

Вечером последнего дня пребывания в Новом Чаплино я встречаюсь с жителями в зале Дома культуры. После моего рассказа о прошлом и настоящем народностей Чукотки выступили чаплинцы. Они вспоминали о Матлю, Майне, первых учителях Чаплинской школы, говорили о своей нелегкой жизни в далеком прошлом, рассказали о жизни сегодня.

Покидая Чукотку, я не прощаюсь с нею, а говорю:

— Здравствуй, Чукотка, здравствуйте мои дорогие чукотские друзья! Примите сердечный привет от старого северянина, целиком посвятившего свой многолетний труд и жизнь любимому краю и его замечательным людям.

Ленинград, 1972.

35 коп.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Выпуск

6

Магаданское книжное издательство

Сердечник